

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Серия «Из истории мировой культуры»

Е. М. ШТАЕРМАН

КРИЗИС АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1975

Проблема кризиса античной культуры на протяжении столетий привлекала и продолжает привлекать внимание ученых. Автор книги не только знакомит читателя с проблемами, относящимися к последнему периоду существования античной культуры Древнего Рима, но и характеризует ту идеологическую борьбу, которая развернулась на этом этапе. Кризис античной культуры автор рассматривает как результат перехода ее в культуру уходящей с исторической сцены «элиты» и делает попытку ответить на вопрос о значении и задачах новой античной культуры.

Е. М. Штаерман — доктор исторических наук, ее опубликованы такие работы, как «Кризис рабовладельческого строя в провинциях Римской империи» (М., 1957), «Кризис рабовладельческих отношений в римской республике» (М., 1966), «Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи» (М., 1971) и др.

ВВЕДЕНИЕ. АНТИЧНОСТЬ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Какое значение имеет для современного человека изучение античного мира и его культуры? На этот нередко возникающий вопрос могут быть даны два ответа. Ответ первый вытекает из того значения, которое античное наследие имело для генезиса и развития современной культуры. Соответствующие факты столь многочисленны и столь общезвестны, что нет необходимости подробно на них останавливаться. Почти в любой области античной культуры, будь то изобразительное искусство, театр, философия, право, наука, этика, мы найдем идеи, теории, концепции, так или иначе повлиявшие на аналогичные сферы культуры средних веков, Возрождения, современности.

Поэтому без знакомства с античной культурой нельзя понять не только всю последующую историю культуры, но и множество заимствованных у греков и римлян образов, сюжетов, мыслей, постоянно встречающихся в литературе, живописи, художественной, философской, научной литературе.

Второй ответ в значительной мере связан с первым, но опирается на некие более общие предпосылки. Именно вследствие того значения, которое наследие античного мира имело для последующей истории, особенно для истории Европы, оно издавна стало арсеналом оружия идеологических и политических различных политических течений¹. Одни использовали его в качестве примеров тех или иных деятелей, идеалистов и достаточно произвольно интерпретированных, — «борцов за народное дело» Гракхов, «тираноборцев», убийц Цезаря — Брута и Кассия, самого Цезаря и др. Даже в наше время, в годы второй мировой войны и после нее, на Западе появилась целая серия написанных специалистами, так и дилетантами книг и брошюр о Цитероне, Цезаре, Августе, авторы которых иллюстрировали свои политические симпатии и антипатии

образами избранных ими персонажей. Известный французский историк Ж. Каркоппо, бывший министром вишнйского правительства, всячески превозносил Цезаря и его политику как в Риме, так и в покоренной им Галлии. Напротив, те, кто не примирился с гитлеровской оккупацией Франции, подняли на щит как национального героя Верцингеторига, вождя галлов в их последней и самой серьезной попытке организовать сопротивление Цезарю.

Историки и политические деятели во все времена обращались к греко-римской истории не только в связи с характеристикой отдельных личностей, но и изучая те периоды античной истории, которые, по их мнению, давали более всего нужный им материал. Так, например, в XIX в. в Англии во время борьбы за расширение и укрепление буржуазной демократии особенно детально исследовалась афинская демократия. Знаменитый немецкий историк Т. Моммзен, сторонник объединения Германии под сильной властью монарха, в своей пользовавшейся широкой популярностью «Римской истории» основное внимание уделял эпохе гражданских войн, окончившихся, с его точки зрения, поражением прогнившей сенатской аристократии и утверждением «демократической монархии» Цезаря². Когда в середине XIX в. особенно актуальной была проблема буржуазных конституций, тщательнейшим образом изучался римский государственный строй: права и обязанности магистратов, сената, народного собрания, различные полномочия и титулы римских императоров и юридическое обоснование их власти³. Острота аграрного вопроса в пореформенной России вызвала к жизни ряд исследований римских аграрных отношений⁴, движение за освобождение от рабства американских негров обострило интерес к античному рабству, трактовавшемуся как институт, во-первых, аморальный, а во-вторых, пагубно повлиявший на судьбы античного мира⁵.

Однако, пожалуй, наибольший интерес представляет та роль, которую античность играет в различных концепциях философии истории, тесно связанных с общефилософскими, мировоззренческими направлениями⁶.

В современной западной научно-популярной литературе постоянно звучат призывы учиться на опыте античного мира. При этом не просто сопоставляются, а отождествляются такие явления, как, например, римские

и современные войны, Римская империя и колониальные державы; регулирование экономики, проводившееся римским и современными государствами; античные и раннехристианские утопии и современный социализм и т. д. В таких конструкциях игнорируется тот, казалось бы, самоочевидный факт, что в обществах, столь различных по своему техническому потенциалу, организации производства, социальной структуре, политическому строю, как общества античные и современное буржуазное, сходные иногда по внешности явления и процессы не только могут, но и должны приводить к разным результатам и играть разную роль.

Многие западные историки-теоретики, исходя из своих общефилософских концепций всемирно-исторического процесса, стремились и стремятся обосновать правомочность широкого использования исторических аналогий, особенно между античностью и современностью. В первую очередь это относится к тем из них, которые рассматривают всемирную историю как смену более или менее замкнутых комплексов — эпох, культур, цивилизаций. Каждая такая целостность, согласно их концепции, пройдя стадии рождения, роста, зрелости и упадка, гибнет, уступая место новой целостности, в свою очередь проходящей тот же цикл. Такие циклические теории довольно многочисленны и строятся на различных исходных положениях, на различных подходах к историческому материалу⁷.

Некоторые ученые, например немецкий историк Эдуард Мейер и близкий к нему автор всемирной истории Курт Брейсиг⁸, исходят в основном из политических и экономических факторов. Античный мир, в их трактовке, так же как современная Европа, прошел через эпохи первобытности, средневековья (т. е. феодализма) и нового и новейшего времени (т. е. капитализма).

Авторы циклических концепций другого типа (наиболее известен А. Тойнби⁹, но на сходной точке зрения стоят и многие иные, например, американские культурологи А. Кребер¹⁰, Ф. Багби¹¹, историк К. Квили¹², английский социолог Л. Мамфорд¹³) принимают за единицу исторического процесса и исторического исследования культуру, или цивилизацию, т. е. некий ограниченный во времени и пространстве общественный организм. Принципы выделения таких организмов и соответственно

число существовавших или ныне существующих культур (или цивилизаций) у различных авторов различны, но в центре их интересов стоит западноевропейская культура (или цивилизация), а моделью, эталоном для выявления закономерностей движения цивилизаций служит античность.

На основе главным образом интерпретации истории античности строится и несколько иной вариант циклической смены культур, принимающий за единицу исторического процесса определенный тип культуры, не связанный с временем и пространством. На такой позиции стоят, например, испанский философ Ортега-и-Гассет¹⁴ и американский социолог Ф. Нортроп¹⁵.

Перечисленные концепции непримемлемы не только для историков-марксистов, но неоднократно подвергались критике и со стороны ряда прогрессивных западных историков и социологов. При всем существенном различии каждой из них присущи некоторые общие и как раз наиболее уязвимые пункты. Все они игнорируют или отодвигают далеко на задний план материальную жизнь общества. Им не только чуждо представление о последовательной смене социально-экономических формаций, но они даже не задаются вопросом о том, чем с точки зрения форм собственности, эксплуатации, социальной структуры и общественных связей отличается, например, античное рабовладельческое общество от капиталистического, какова разница между античным рабовладельцем и современным капиталистом, между античными рабами и наемными рабочими буржуазного мира, между классовой борьбой, степенью развития классового самосознания, возможностями коренного переустройства общественных отношений в древности и теперь. Взаимосвязь между базисом и надстройкой, между способом производства и определяемыми им воззрениями на природу, общество, человека, его задачи и цели, воззрениями, обуславливающими самый характер культуры, они переворачивают с ног на голову. Отсюда непонимание того факта, что закономерности развития каждой формации, а следовательно, и ее культуры, определяются специфическими, только ей присущими условиями, и ими же определяется конечный итог этого развития.

Всем этим концепциям свойственна также реакционная идеализация ранних периодов различных цивилиза-

ций, когда низшие якобы добровольно повиновались высшим, а религиозность и основанная на вере мораль обуславливали наивысшую способность к творчеству.

Наконец все или почти все циклические концепции родились из твердой уверенности их авторов в глубоком кризисе, упадке и неотвратимой или отвратимой лишь с большим трудом гибели современной европейской культуры. Поэтому тема кризиса цивилизаций и в первую очередь цивилизации античной занимает в их исследованиях главенствующее место.

/Циклические концепции пользуются популярностью в тех кругах историков, которые сознательно или бессознательно отождествляют всю современную культуру с культурой буржуазной, и в симптомах упадка последней видят доказательство гибели культуры вообще. Соответственно и разложение античной культуры как таковой трактуется ими как всеобщий абсолютный упадок, преддверие «темных веков», соотношение гибнущего старого и рождающегося нового остается в стороне./

Неправильное использование сравнительно-исторического метода, приводящее к вульгарной модернизации истории и созданию циклических концепций, не означает, однако, что самый этот метод порочен. Напротив, должным образом использованный, он позволяет выявить ряд частных и общих исторических закономерностей. К. Маркс, сравнивая обезземеливание римских крестьян во II—I вв. до н. э. и западноевропейских крестьян периода становления капитализма, сформулировал мысль о внешне поразительно сходных процессах, которые в разной исторической среде приводят к различным результатам (в Риме этот процесс, как известно, привел не к капиталистическому, а развитому рабовладельческому производству), и о том познавательном значении, какое имеет такое сопоставление¹⁶. К. Маркс вообще неоднократно обращался к античному материалу, сравнивая различные явления античной и капиталистической экономики, противопоставляя их и анализируя полученные от такого сравнения и противопоставления результаты. Такое сравнение в известной мере заменяет не всегда возможный в исторической науке эксперимент. Античный же мир особенно пригоден в качестве такой, условно говоря, лаборатории, поскольку ему в большей мере, чем иным предшествовавшим антич-

ности, с нею сосуществовавшим и непосредственно сменившим ее обществом, были присущи некоторые черты, не делавшие греко-римский мир капиталистическим, но получившие свое полное развитие при капитализме./

В. И. Ленин в заметках, которые он делал при чтении «Метафизики» Аристотеля, подчеркивал, что античные философы ставили перед собой вопросы, впоследствии вставшие и перед философами нового времени, и что их теории при всей, с нашей точки зрения, наивности, были как бы «пробными системами» по сравнению с философскими концепциями современности¹⁷, подобными «пробными системами», как бы черновыми набросками, были и некоторые другие черты античности.

Таким образом, как мы видим, история античного мира и его культуры служит не только предметом исследования небольшой группы ученых, но является неиссякающим источником идей и концепций, игравших и играющих немаловажную роль в идеологической и политической борьбе. Отсюда особая актуальность изучения античности. Оно имеет целью не только критику антимарксистских концепций, но и более глубокое понимание закономерностей всемирно-исторического процесса.

ТВОРЦЫ И НОСИТЕЛИ
АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ

Кризис античной культуры по-разному понимался и понимается различными историками в зависимости от их общих, часто субъективных оценок этой культуры. Те, кто наивысшее ее достижение видел в искусстве, литературе, философии периода расцвета афинской демократии (VI—IV вв. до н. э.), всю последующую историю древности относили к эпохе упадка. Другие, напротив, высоко оценивали научные, технические и художественные достижения последующих веков, в частности римской культуры I в. до н. э.—I в. н. э., включая и эти века в период поступательного развития античности. Кризис для них датируется временем распространения в Римской империи восточных мистических учений, отхода от канонов античного искусства, основ античного мировосприятия и тому подобных явлений.

Исследователи-марксисты не отрывают историю развития культуры от истории породившей ее формации. Упадок экономики, основывавшейся на рабовладельческом способе производства, начался в Италии с конца I, в провинциях с середины II в. н. э. Тогда же стали зарождаться, а затем все более развиваться элементы будущего феодального способа производства¹. Рабовладельческая формация исчерпала возможности дальнейшего развития и соответственно исчерпала свои возможности та порожденная ею идеология, на которой зиждилась античная культура в пору расцвета создавшего ее общества. Попытки возродить ее, как мы увидим далее, оставались тщетными, новые идеи овладевали умами. С этого времени и начинается кризис культуры.

Однако следует учитывать, что ни античная культура, ни античный мир никогда не были неким вполне однородным целым. В некоторые периоды могло казаться, что греческая, а затем римская культура безраздельно гос-

подсвободили во всем Средиземноморье. Но на самом деле ни специфические туземные социально-экономические отношения, ни культуры стран и народов, покоренных греками, а затем римлянами, никогда не умирали, а со временем, с упадком античных рабовладельческих отношений, они снова выдвигались на передний план. По мере упадка Римской империи разнородность ее частей становилась все более заметной.

Ядро и основы античной культуры сложились в наиболее передовых греческих городах-государствах — полисах, в первую очередь в Афинах. После завоевания Александром Македонским северо-западной Азии и Египта она распространилась в созданных преемниками Александра эллинистических царствах, вошла в соприкосновение с туземными культурами, частично влияя на них, частично испытывая их влияние. Возникла новая эллинистическая культура, оттеснившая, но не вытеснившая полностью древние культуры Востока. Когда на международную арену вышел Рим, покоривший одно за другим эллинистические царства и греческие полисы, Северную Африку, Западное Средиземноморье и придунайские территории, эллинистическая культура слилась с римской, и это сложное, синкретическое целое распространилось по всей огромной территории Римской державы. Повсюду возникли однотипные по планировке и устройству города, села, имения, так называемые виллы; в официальной практике и деловой жизни, в школьном обучении и литературе господствовали латинский и греческий языки; туземные боги стали отождествляться с греческими и римскими, их называли римскими и греческими именами, изображали в соответствии с заимствованными у греков и римлян стереотипами, чтили в святилищах, построенных по греко-римскому образцу. Провинциалы не только знакомились с греко-римской литературой, философией, ораторским искусством, правом, наукой, но и сами вносили богатый вклад во все эти отрасли культуры, учились и преподавали в Афинах и Риме, распространяли затем полученные знания среди своих соплеменников.

До недавнего времени в литературе по истории античности господствовало мнение о полной эллинизации и романизации римских провинций, но постепенно стало выясняться, что процесс этот далеко не всегда был так глубок, как это представлялось, и протекал очень неравно-

мерно, так что в ряде случаев, как уже говорилось выше, культуры населявших римские провинции народов и племен продолжали жить и развиваться под внешним покровом эллинизации и романизации.

В качестве факторов, способствовавших романизации, обычно называют: расселение по провинциям римских граждан; тягу провинциалов к образу жизни и культуре римлян и греков; оживленные торговые сношения между провинциями и Италией, где приезжие провинциалы знакомились с местными обычаями; службу провинциалов в римской армии, где за 20—25 лет пребывания в легионах или во вспомогательных частях солдаты осваивали язык, религию и идеологию римлян, а затем, выйдя в отставку и получив в награду римское гражданство и земельный надел на родине, становились там оплотом римского господства и проводниками римского влияния; распространение в провинциях римского гражданства, первоначально предоставлявшегося весьма скупое, но постепенно дававшегося все большему и большему числу провинциалов, пока в 212 г. император Каракалла не объявил римскими гражданами всех уроженцев империи.

Все эти факторы, конечно, играли значительную роль, но только тогда, когда почва для их воздействия была уже подготовлена, так как культурной эллинизации и романизации должна была предшествовать социальная. Дело в том, что античная культура формировалась и развивалась как культура античного города-государства, полиса, и только там, где возникали и прививались поселения городского типа, аналогичные полису, могла глубоко прививаться и античная культура.

Полис в период своего возникновения и расцвета, как мы можем судить на основании наших сведений об Афинах, Риме и некоторых других городах-государствах, представлял собой общину граждан, совместно владевших принадлежавшей городу территорией, часть которой оставалась в коллективной собственности, а часть разбивалась на наделы, отводившиеся главам семей, в Риме именовавшихся «фамилиями». Глава семьи — «отец фамилии» распоряжался землей и всем прочим имуществом, а также трудом находившихся под его властью членов семьи: жены, сыновей и их потомков, незамужних дочерей и причислявшихся к «фамилии» рабов и вольноотпущенников. Его власть распространялась также на вхо-

дивших отчасти в «фамилию» наемных работников и так называемых клиентов, неимущих, несамостоятельных, неполноправных людей, отдавших под покровительство (патронат) главы фамилии. «Отец фамилии» представлял перед общиной интересы своих подчиненных и был обязан неуклонно заботиться о том, чтобы его земля хорошо обрабатывалась и чтобы его наследники получили фамильное имущество не только в полной сохранности, но и по возможности преумноженным. В древнейшем Риме «хороший земледелец», рачительный глава фамилии были синонимами «хорошего гражданина».

Высшим органом такой общины было народное собрание, в котором участвовали все свободнорожденные мужчины, достигшие определенного возраста и составлявшие одновременно народное ополчение, призывавшиеся под оружие по мере надобности. Народное собрание принимало или отвергало законы, подтверждало или отменяло решения по важнейшим судебным делам, решало вопросы войны и мира, выбирало годичных магистратов, которые по выходе в отставку включались в совет старейшин (в Риме — сенат) — постоянно действовавший орган управления. Граждане были политически и юридически равноправны и по крайней мере в принципе имели право на получение земельного участка и в случае нужды материального вспомоществования от государства. Порабощение сограждан категорически воспрещалось, долговая кабала, хотя окончательно ее изжить не удавалось и по временам она получала значительное распространение, встречала противодействие и ограничивалась. Исключалась столь часто практиковавшаяся в других докапиталистических обществах передача частному лицу власти над отдельной территорией и ее населением с правом налагать на него в свою пользу различные повинности. Кровнородственные, территориальные и профессиональные объединения существовали, но не играли, как то имело место в ряде докапиталистических обществ, роли промежуточного звена между гражданином и государством. Связь между тем и другим была непосредственной. Постепенно даже клиенты эмансипировались из-под власти патронов, и связь их с государством также стала непосредственной.

Гражданин был обязан добросовестно выполнять свои обязанности воина и участника — в той или иной роли —

управления общественными делами полиса (общественное дело по-латыни *res publica*, отсюда возник термин «республика»), соблюдать законы, обычаи, участвовать в культе признанных государством богов, отправляя установленные обряды и священнодействия. Но в остальном его свобода, по выражению римского историка Тацита, «думать, что хочешь, и говорить, что думаешь»², не стеснялась. Скрупулезно соблюдая все предписания культа богов-покровителей фамилии, имени и государства, гражданин, даже будучи избран на должность жреца, мог открыто высказывать любые суждения о богах, включая отрицание их существования. Не жалея сил на службе существующему государственному строю, он мог доказывать предпочтительность иного и т. п. В эти времена, по выражению того же Тацита, карали за действия, а не за слова.

/ Подобный, в значительной мере своеобразный для той эпохи строй установился в результате длительной борьбы простого народа с закабальвавшей и порабоощавшей его родо-племенной знатью и победы, одержанной демосом (народом) в ряде городов Греции и плебсом (простонародьем) в Риме. Победа эта была в одних случаях более, в других менее полной, что обуславливало большую или меньшую демократичность античного города-государства. Наиболее демократичным было устройство Афин, где важную роль играли торгово-ремесленные слои. В исконно земледельческом Риме, несмотря на равноправие граждан, большое значение имело их сословное деление. Высшее сословие составляли сенаторы, они обычно были наиболее крупными землевладельцами, потомственными членами сената и из их числа по большей части выходили наиболее видные государственные деятели и полководцы. Члены аристократических родов имели большое число клиентов, которые и после политической эмансипации оставались связанными с ними моральными, а часто и материальными узами, получая от патронов земельные участки за определенные взносы и повинности. Клиенты знати вербовались и из городской бедноты, получая от патронов различные подаяния и поддерживая их за это своими голосами в народном собрании. Несмотря на довольно значительное развитие ремесла и торговли, ремесленники и торговцы считались менее уважаемыми гражданами, чем владельцы хотя бы небольших имений.

Все это делало римское общество значительно более перархичным и аристократическим, чем афинское. Тем не менее и Рим был городом-государством, базировавшимся на политическом и юридическом равноправии сограждан, где каждый гражданин имел право, если не на имущественное равенство со всеми остальными членами гражданской общины, то по крайней мере на обеспечение тем или иным путем прожиточного минимума, достаточного для экономической независимости и самостоятельности.

В городе-государстве только гражданин мог быть собственником земли, и в принципе каждый гражданин должен был быть собственником. Такой строй обуславливал ряд явлений в экономической, социальной, политической и идеологической жизни, определявших условия функционирования и развития городов-государств и их культуры. Остановимся на некоторых из них.

Сама гражданская община, собственник общественной земли, гарант отношений между гражданами, как ее совладельцами и владельцами своих частных наделов, организатор предпринимавшихся ко всеобщей пользе общественных работ была, по словам К. Маркса, крупнейшей производительной силой, необходимым условием жизни и деятельности ее сочленов³. Поэтому гражданская община была для них высшей ценностью. Противопоставление личности обществу, индивида коллективу в то время не могло иметь места, ибо только благо и процветание целого обеспечивало благо и процветание каждого. Не было и противопоставления гражданина государству, ибо само государство было представлено совокупностью граждан. Характерно, что ни на греческом, ни на латинском языке даже не было термина, адекватного нашему понятию «государство». Если буржуазное понимание свободы, сложившееся в ту эпоху, когда буржуазия выступала против феодального абсолютистского государства и церкви, предполагало уничтожение их гнета, независимости от них гражданина в своих действиях и суждениях, то гражданин античного полиса не мыслил себе свободы вне его, поскольку свободу ему обеспечивала лишь принадлежность к свободной гражданской общине, охранявшей его права. С другой стороны, теснейшая взаимосвязь понятий «гражданин» и «собственник» обуславливала понимание свободы как экономической неза-

висимости самостоятельного хозяина. У римлян во все времена было твердое убеждение, что, как писал один из ранних римских драматургов, «не может быть свободным работающий на другого»⁴. Не полностью же свободный не был уже и полноценным гражданином. Действительно, в условиях, когда наемный работник включался в фамилию работодателя, а мелкий арендатор земли попадал в положение клиента землевладельца, то, хотя ни тот, ни другой своих политических прав не теряли, они попадали в зависимость, ограничивавшую в известной степени их свободное волеизъявление, необходимый атрибут этих прав. Так, например, во время гражданских войн конца Римской республики некоторые крупные землевладельцы, принадлежавшие к партии сената, составляли вооруженные отряды из своих арендаторов-клиентов и те вынуждены были сражаться за них, независимо от своих личных убеждений, вопреки исконным античным представлениям, согласно которым не только правом, но и обязанностью гражданина было в случае междоусобиц свободно выбирать ту сторону, к которой он считал нужным примкнуть, содействуя ее победе.

Сохранение и правильное функционирование города-государства предполагали поэтому стабильность численности населения, соответствовавшей размерам земельной площади, и максимальное сокращение числа тех неимущих и экономически зависящих от других лиц, которые теоретически и фактически не были полноценными гражданами. Отсюда постоянные войны за захват новых земель для наделения участками обедневших граждан и ради добычи, за счет которой государство могло их поддерживать; отсюда же то затухавшая, то вновь вспыхивавшая борьба за установление земельного максимума и передел находившихся в частном владении излишков, за наделение неимущих участками из общественного земельного фонда, неуклонное соблюдение обычаев, согласно которому богатые обязаны были тратить часть своих доходов на общественные нужды и помощь бедным согражданам. Отсюда же ненависть к ростовщикам и спекулировавшим на дороговизне купцам, которые разоряли самостоятельных хозяев, лишали их независимости и подрывали тем единство гражданского коллектива, и постоянные, хотя и не всегда успешные, попытки нормировать ростовщический процент, устанавливать максимум

цен на предметы первой необходимости, а в особенно кризисные моменты требование бедноты объявить законодательное сложение всех долгов. Отвращение к пагубной для гражданских общин и отдельных граждан деятельности ростовщиков и купцов порождало стремление к автаркии, т. е. к удовлетворению нужд за счет внутренних ресурсов собственного хозяйства, без необходимости прибегать к рынку и денежному обращению.

Та же социальная психология в значительной мере лимитировала возможности технического прогресса. Хотя греки и римляне знали не только ряд более простых машин, но и движущую силу пара и умели делать разные автоматы, механизация в их производстве почти не имела места. Причина этого явления хорошо показана в двух, правда, уже позднейших анекдотах, об императорах I в. н. э. Тиберии и Веспасиане. Тиберий якобы приказал казнить изобретателя небьющегося ковкого стекла, дабы его изобретение не разорило кузнецов⁵. Веспасиан же, когда к нему явился человек, сконструировавший машину для переноски тяжестей на больших строительных государственных работах, правда, не казнил конструктора и даже наградил за ум и старание, но от машины отказался, чтобы не лишить заработка занятого на строительстве простого народа⁶. Большинство усовершенствований и нововведений в античном производстве имело целью улучшить качество и увеличить разнообразие производимых предметов, но не сократить и сэкономить рабочую силу, что особенно ярко и наглядно иллюстрирует глубокую разницу между античным и капиталистическим хозяйствами.

Важнейшим результатом установления полисного строя было развитие рабства в его специфической для античного мира форме. Запрещение поработать сограждан, сокращение долговой кабалы, более или менее полное исчезновение юридической и политической зависимости одних сочленов гражданской общины от других, наделение земель неимущих крайне сузили, во всяком случае в периоды расцвета городов-государств, те возможности эксплуатации соплеменников, которые были характерны для других докапиталистических обществ. Потребность в дополнительном труде могла удовлетворяться в основном за счет поработения лиц, стоявших вне гражданской общины, будь то граждане других по-

лисов, или люди из сопредельного античным городам племенного с точки зрения греков и римлян «варварского» мира. В рабов обращали пленных, их покупали у соседних племен, у пиратов, весьма многочисленных в древности и наживавшихся, между прочим, на продаже захваченных в прибрежных городах и поселениях людей. Рабами становились и дети рабынь. Но независимо от происхождения раба его отличала полная непричастность к праву и институтам города-государства. Господин сам карал его за проступки, совершенные в рамках фамилии, и отвечал перед государством за действия раба, нанесшие вред другому лицу или обществу. Не будучи юридически правоспособным, раб не мог иметь признаваемую законом семью и собственность, хотя фактически рабы нередко имели жен и детей, а господа выделяли им какое-нибудь имущество — в Риме оно называлось пекулием, — которым раб более или менее произвольно распоряжался, совершая различные сделки, и ответственность за которые опять-таки нес господин. Не имея признанной семьи, рабы не имели и семейных святынь, семейного культа, игравшего большую роль в жизни граждан. В одной речи, включенной в предназначенный для изучающих ораторское искусство сборник упражнений, сын выступает против отца, вознамерившегося выдать дочь за раба, спасшего ее во время гражданской войны. Рисуя всю несообразность и даже преступность такого брака, оратор, между прочим, подчеркивает и отсутствие у раба домашнего алтаря, к которому он бы мог привести новобрачную. Даже самый бедный, но свободный зять мог бы присоединить свои семейные святыни к святыням тестя, раб же стоит вне какой-нибудь религии⁷. По мнению свободных граждан, рабы не имели и никаких нравственных устоев. Если раб не солгал, говорится в одной старинной комедии, то это такое чудо, которое подобно небесному знамению⁸. «Рабские чувства», «рабская душа» были для гражданина синонимом всякой мерзости, а сознание, что он сам поступил не так, как подобает свободнорожденному, а как пристало только рабу, должно было наполнять его чувством стыда.

Таким образом, античное общество в значительной мере жило за счет тех, кто во всех отношениях стоял вне этого общества. Рабы постепенно проникали во все сферы жизни. Они были заняты не только в сельском хозяйстве

и ремесленном производстве, использовались не только в качестве домашних слуг, но — и это особенно характерно для Рима — играли большую роль в культурной жизни и управлении. Когда Рим с беспрецедентной почти быстротой стал превращаться из небольшого, в основном аграрного, с довольно примитивной культурой (для греков римляне еще долго оставались «варварами») города в центр мировой державы, быстрый рост потребности в интеллигентных, квалифицированных кадрах еще не мог удовлетворяться за счет самих римлян. Привозившиеся из эллинистических городов Греции, Азии, Южной Италии рабы, имевшие хорошее образование или высокие профессиональные навыки, использовались не только как искусные земледельцы и ремесленники, но и как управляющие хозяйством и доверенные агенты господ, педагоги, врачи, музыканты, актеры. Из рабов, впоследствии получивших вольную, вышли многие римские драматурги, поэты, ученые и учителя времен республики.

На закате республики ни одна политическая интрига не обходилась без участия рабов и отпущенников заинтересованных лиц. Через них передавали взятки магистратам и судьям, покупали голоса в народном собрании, распускали в народе различные слухи, вербовали сторонников в объединяющих плебеев профессиональных, соседских и культовых коллегиях, в которые часто входили и несвободнорожденные, включали рабов в вооруженные отряды, участвовавшие в стычках на той или иной стороне, и т. д. Римские наместники, отправляясь в провинции, брали с собой доверенных рабов и вольноотпущенников, составлявших ядро их административного аппарата, причем некоторые из них, пользуясь высоким положением своих господ, собственной сообразительностью и запуганностью провинциалов, наживали огромное состояние и приобретали большое влияние. С установлением империи рабы и отпущенники императоров составляли очень значительный процент персонала, занятого в управлении империей, и зачастую их фактическая роль в центральной и провинциальной администрации была гораздо значительнее, чем многих свободнорожденных даже из высших сословий.

И все же, принимая столь непосредственное и повседневное участие в жизни граждан, рабы оставались вне их общины, их права, их морали. Это свойственное антич-

ному миру своеобразие оказывало большое влияние на все стороны его жизни, в частности на социально-политические и этические теории. Проблема свободы и рабства в плане как реальном, так и духовном, моральном приобретала по мере развития рабства большую остроту. Особенно актуальной она становилась в те периоды, когда в результате частых войн многие свободнорожденные и даже видные у себя на родине люди попадали в рабство, покоренные полисы теряли независимость, политическое устройство из демократического превращалось в аристократическое или монархическое, в результате чего начинала ущемляться свобода, считавшаяся в эпоху расцвета самостоятельных городов-государств неотъемлемым атрибутом гражданина. Тогда рушилась первоначальная наивная уверенность в том, что «варвары», составлявшие основной контингент рабов на более ранних этапах, самой природой предназначены для рабства, что природа отделила непроходимой пропастью свободного от раба, и весь комплекс вопросов, связанных со свободой и рабством или еще шире с господством и подчинением, приобретал новый аспект, рассматривался под иным углом зрения? *Зачем в рабство?*

— Кроме развития рабства строй античного города-государства предопределял и некоторые другие аспекты эволюции античного мира.

Господство мелкой индивидуальной собственности, свободного мелкого производства, которое при всем стремлении к автаркии не могло быть самоудовлетворяющимся, стимулировало отделение ремесла от сельского хозяйства, развитие обмена, товарно-денежных отношений, неизбежно приводивших к появлению и обострению имущественного неравенства граждан. Войны лишь временно смягчали его за счет раздела земли и добычи. В конечном же итоге они только углубляли различие между богатыми и бедными. Значительная часть материальных ценностей, захваченных на войне и в покоренных землях, концентрировалась в руках сравнительно небольшой группы военачальников, наместников, сборщиков податей, купцов, ростовщиков и тому подобных дельцов. Свои средства они вкладывали в приобретение земли, торговые и финансовые операции на родине. Быстро росли спрос на предметы роскоши и потребность в наличных деньгах. Возникали и очень крупные состояния и средние, давав-

шие своим владельцам приличный доход. Другие, и таких было большинство, разорялись, теряли свои наделы, уходили в поисках заработка и вспомоществования в города, панимались в солдаты, уезжали в поисках счастья во вновь завоеванные земли.

Население смешивалось, ослабевали старые и возникали новые связи, исчезали старые традиции и устои, обострялись до крайности социальные конфликты. Наиболее богатые стремились сосредоточить всю власть в своих руках, оттеснив от нее плебс. Беднота требовала передела земли и сложения долгов, возвращения к старым идеализированным временам равенства и экономической независимости граждан. Средние слои и прежде всего выходцы из среды купцов, владельцев ремесленных мастерских и ростовщиков, новые собственники имений в несколько десятков гектаров, возделываемых 10—15 рабами, хотели такого строя, который бы позволил им спокойно пользоваться своим состоянием, не опасаясь ни покушений со стороны крупных собственников на их земли, ни пагубных для них гражданских войн и восстаний рабов. Рабы, главным образом из числа городских, постоянно общавшихся с городской беднотой, поддерживали последнюю в ее борьбе, надеясь в случае победы вождей плебса получить от них свободу; сельские же рабы, изолированные от свободного населения в крупных и средних имениях, восставали самостоятельно и, хотя им ни разу не удалось надолго закрепить победу, «рабские войны», как их называли древние историки, потрясали экономику и политический строй античных государств. В результате всех этих явлений и процессов города-государства оказывались в состоянии жестокого кризиса.

Важнейшим следствием кризиса было то обстоятельство, что полисы в качестве либо побежденных, а таких было огромное большинство, либо союзников включались в состав крупной державы, какими были эллинистические царства, возникшие в Восточном Средиземноморье после походов Александра Македонского. Некоторые полисы объединялись в независимые союзные государства, и лишь Рим из полиса перерос в крупнейшую державу античного мира. На примере Рима особенно ясно видно, как внутренний кризис города-государства переплетается с кризисом, вызванным трудностью управления завоеванными территориями, и усугубляется им. Провинции, избираемые

и приниженные, непрерывно восставали. По признанию знаменитого оратора и политического деятеля конца республики Цицерона, самое имя римлян было ненавистно провинциалам. Римский сенат смотрел на провинции как на объект грабежа, а на должность провинциального наместника — как на самое верное и естественное средство обогащения, он подавлял восстания, но не пытался предотвратить их, создать какой-то привилегированный слой провинциального населения, который мог бы стать широкой опорой римской власти. Когда римские гражданские войны вышли за пределы Италии и ареной их стали западные и восточные провинции, подавляющее большинство провинциалов сначала поддерживали, как могли, армию Цезаря, выступавшего против сената, затем наследника Цезаря — Октавиана, ставшего императором Августом. Наряду со средними слоями Италии и армией, превратившейся в наемную и состоявшей в основном из бедноты, рассчитывавшей получить за свою службу земельные наделы из конфискованной у сенаторов земли, провинциалы были той силой, которая вызвала крушение республиканского строя и обусловила переход к единоличной власти императоров¹⁰, главной опорой которых были именно города, старые и новые полисы. Римляне называли их муниципиями и колониями.

В некотором отношении они значительно изменили свою природу городов-государств. Утратив самостоятельность, они оказались в зависимости от центрального правительства и были обязаны платить подати, выполнять повинности и повиноваться во всех более серьезных делах, касавшихся общей политики империи. Только мелкие внутренние дела решались городскими магистратами, советом и народным собранием. Последнее также обычно играло весьма незначительную роль, так как строй городов значительно аристократизировался. Управление сосредоточивалось в руках землевладельцев, поскольку избираться в городские магистраты, а затем входить в совет города могли только лица, владевшие недвижимостью определенной стоимости и принадлежавшие к так называемому сословию декурiones.

Чем далее, тем менее строго соблюдалось правило, запрещавшее негражданам приобретать имущества на городской земле, поскольку граждане различных городов стали теперь подданными одного и того же государства.

«Варвары», составлявшие прежде враждебное или во всяком случае чуждое античным городам окружение, теперь также вместе с ними вошли в состав империи. Их земли частично приписывались к городским территориям, и они так или иначе вовлекались в жизнь городов и вступали с ними в новые многообразные отношения.

Особенно значительные изменения претерпели крупные города и в первую очередь сам Рим. Он уже давно перестал быть полисом, ограниченным небольшой территорией с сравнительно незначительным числом граждан. В теории римскому народу принадлежали все покоренные им земли. Римское гражданство, распространенное в I в. до н. э. на всю Италию, постепенно стало распространяться и в провинциях. Рим превратился в столицу с полуторамиллионным населением, среди которого были представлены все жившие в империи племена и народы, обладавшие самым разнообразным социальным статусом, профессиями и специальностями, исповедовавшие различные религии. Меньшими по размерам, чем Рим, но также крупнейшими «мировыми» городами, центрами ремесла, торговли, культурной и религиозной жизни стали Александрия в Египте, Антиохия в Сирии, Карфаген в Африке, Эфес в Малой Азии, Гадес в Испании, Арелата в Галлии и другие. Здесь жила крупная землевладельческая знать и высшие чиновники. В этих городах уже ничего не осталось от древнего равенства: напротив, контрасты бедности и богатства, роскоши и нищеты, власти и бесправия были вопиющими.

И все же, несмотря на все происходившие изменения, античный город в течение всего периода существования античного мира оставался его основой. Когда римляне создавали в провинциях новые города за счет ли наделяния городским статусом и расширения старых поселений или строительства новых, первым делом производилось измерение и распределение отведенной городу земельной площади. Часть ее оставалась в собственности города, часть нарезалась на участки, передававшиеся в собственность граждан. Городская земля, помимо находившейся под общественными зданиями, садами, парками и площадями, или использовалась как общественные пастбища, поля, леса или сдавалась гражданам в краткосрочную и долгосрочную аренду. Городским имуществом, а также снабжением городов продоволь-

ствием ведали избранные пародным собранием магистраты, вносившие в городскую казну более или менее значительные суммы за исполнение своих, считавшихся почетными должностей и ради обеспечения честного управления доходами города. Кроме того, они за свой счет устраивали для народа угощения, зрелища, строили общественные здания, водопроводы, мостили дороги и т. п. Коллегии жрецов, также состоявшие из состоятельных граждан, ведали отправлением городских культов и тратили часть своего состояния на его потребности. Но и те богатые горожане, которые не занимали официальных должностей, по обычаю должны были расходовать значительные суммы на нужды сограждан. Одни состояли патронами ремесленных и культовых коллегий, строили для них святилища и места собраний, устраивали для сочленов празднества, учреждали так называемые алиментарные фонды, из которых выдавалась субсидия детям бедняков; другие во время неурожая и дороговизны продуктов скупали хлеб, масло, вино и продавали по дешевке или раздавали даром нуждающимся, из своих средств вносили в императорскую казну задолженность города по налогам. Бедные граждане были обязаны в пользу города исполнять трудовые повинности.

Таким образом, в городах империи воспроизводились те принципы, на которых зиждились античные гражданские общины, и соответственно в значительной мере воспроизводилась характерная для таких общин идеология и основанная на ней культура. Чем более в той или иной области империи распространялись подобным образом организованные города со всеми характерными для них отношениями, т. е. чем более полной была социально-экономическая эллинизация и романизация, тем более полной была там эллинизация и романизация культурная, тем глубже она там укоренялась.

Однако в системе античных держав и в первую очередь Римской империи полисы были не единственной, а в ряде областей и районов и не главной формой организации социально-экономических отношений. Наряду с ними существовали, а часто и преобладали другие весьма отличные социально-экономические уклады. Ряд вошедших в состав империи народов Британии, Испании, Галлии, Германии, Северной Африки, придунайских провинций еще стоял на той или иной стадии разложения

первобытнообщинного строя. Здесь еще были многочисленны и сильны различные кровнородственные и территориальные общины, а также родо-племенная знать, владевшая обширными землями, на которых сидели более или менее зависимые земледельцы. Здесь живучи были исконные предания и традиции, культы богов и богинь — хранителей отдельных родов племен, поселений, родоначальников знатных семей. Эти боги-хранители часто изображались в виде всадника-воина или охотника — по образу и подобию главы рода или племенного вождя. Нередко, как уже упоминалось выше, племенные земли приписывались к основывавшимся на их территории городам, знатные местные землевладельцы получали римское гражданство, входили в высшие сословия, вплоть до сенаторского. Это ускоряло разложение общин, появление на их землях частных собственников из местного и пришлого населения, но полностью старые отношения не ликвидировало. Общины продолжали существовать, а новый декурион или сенатор для своих соплеменников и сородичей продолжал оставаться их главой. Там же, где городов было немного, где имелись обширные внегородские территории, исконные связи и отношения изменялись мало. Даже если часть населения усваивала с грехом пополам латинский язык и называла своих богов римскими именами, такая романизация являлась лишь поверхностным наслоением на туземные верования и обычаи.

Другие, также включенные в состав империи страны, напротив, уже имели свою многовековую историю существования классового общества и государства, свою древнюю высокую культуру. Такими были Египет, Сирия, Палестина, некоторые области Малой Азии, территории Карфагена в Северной Африке. Здесь, в возникших еще в эпоху греко-македонского господства полисах, складывался и развивался античный социально-экономический уклад, распространялась эллинистическая культура. Но наряду с полисами имелись и обширные территории, мало затронутые как македонским, так и римским завоеванием. Сельские и племенные общины, крупнейшие имена знати, где работали мелкие наследственные земледельцы, отношения которых с собственниками земли регулировались древними обычаями, владевшие большими землями храмы, верховные жрецы которых в глубинных районах

были фактическими правителями группировавшегося вокруг храмов населения, — все это сохранялось в большей или меньшей неприкосновенности. Сохранялись и туземные религии и учения, лишь в среде высших слоев получившие некоторую греко-римскую окраску. Солнечные божества Сирии именовались Юпитерами, карфагенский Ваал — Сатурном, Библия толковалась в духе философии Платона. Но под этой оболочкой старые туземные культы и верования продолжали жить. Обожествление монархов, как детей и наместников бога (особенно бога-Солнца), дуалистические учения об извечной мировой борьбе света и тьмы, добра и зла, вера в умирающих и воскресающих богов, астрологические учения о влиянии небесных светил на судьбы людей, представления о таинственных силах, поддающихся воздействию посвященных в сложную науку магии, — эти черты, присущие восточным культурам, не только не исчезли, но, как мы увидим впоследствии, оказывали все большее влияние на эллинистическо-римскую культуру.

В соответствии с многоукладностью римской державы сложной была и ее социальная структура.

Прежде в независимых городах-государствах она была сравнительно проста. Основная грань проходила между рабами и свободными, а среди свободных — между гражданами и негражданами, по тем или иным причинам проживавшими в полисе. Граждане могли быть более или менее знатными, более или менее состоятельными, пользоваться большим или меньшим престижем. Все получали почти одинаковое несложное образование, необходимое хорошему хозяину и воину, участвовали в общих церемониях и празднествах, посещали одни и те же зрелища — театральные представления и гимнастические состязания, так называемые игры; все черпали свои представления из одних и тех же мифов, легенд и сочинений выходивших из их же среды историков, поэтов и драматургов, из речей выступавших на народных собраниях ораторов.

Но постепенно с развитием товарно-денежных отношений эта первоначальная простота утрачивалась. Основное деление на рабов и свободных сохранялось, но каждый из этих классов становился многослойным, все большее значение приобретало имущественное положение того или иного лица, определявшее так или иначе и его положение в обществе.

Рабы юридически оставались одинаково бесправными, но среди них помимо упоминавшихся выше рабов, занятых в административном аппарате и часто фактически стоявших значительно выше рядовых свободных, складывалась и другая привилегированная группа — владельцев иногда очень значительных пекулиев, состоявших из земельных владений, мастерских, лавок и рабов (так называемых викариев). Такие рабы, собственники средств производства и рабовладельцы, заключали различные сделки, самостоятельно вели дела, причем постепенно их правоспособность стала признаваться и законом. Часто они жили так, что, по выражению одного литературного персонажа, никто и не подозревал, что они рабы¹¹.

С течением времени возрастало число и значение вольноотпущенников. Одни рабы, более состоятельные, сами выкупались на волю, других отпускали господа по самым различным причинам: или в награду за верную службу; или ради выгоды, считая более прибыльным использовать повинности, которыми отпущенники были обязаны бывшим хозяевам, чем непосредственно эксплуатировать труд рабов; или из нужды, так как не имели возможности прокормить своих рабов, иногда же ради упрочения своего социального престижа и влияния за счет увеличения количества клиентов, в число которых поступали и отпущенники. Отпущенники римских граждан получали римское гражданство, хотя и с ограниченными правами (они не могли избираться на магистратские должности и служить в армии), были обязаны отрабатывать на патрона известное число дней в году, завещать ему часть своего состояния, а если патрон был беден, содержать его и его детей. В большинстве своем это были бедняки, нанимавшиеся на работу, занимавшиеся ремеслом и мелочной торговлей и т. п. Но некоторые вольноотпущенники, прежде всего в тех городах, где особенно оживленной была «деловая жизнь», становились крупными предпринимателями и богачами. Стремясь использовать и расположить к себе и эту категорию собственников, императоры привлекали богатейших отпущенников к отправлению императорского культа. В городах империи из них формировались коллегии так называемых августанов, занимавших некое промежуточное положение между сословием декурионов и городским плебсом. Сыновья отпущенников-августанов, уже родившиеся свободными полноправными

гражданами, становились землевладельцами, декурионами, а иногда добивались и сенаторского звания. Даже два римских императора Пертинакс и Диоклетиан были сыновьями отпущенников.

Еще более пестрым был состав свободнорожденных, среди которых также основное деление на граждан и неграждан — в римские времена последние назывались перегринами — отступало на задний план перед делением на имущественные категории.

На всех этапах существования Рима по-прежнему сенаторы составляли высшее сословие. Из сенаторов назначались консулы и другие общегосударственные магистраты, должности которых сохранялись со времен республики, но при империи стали лишь почетными, из сенаторов же назначали наместников провинций и высший командный состав армии. Прохождение определенных ступеней военно-административной карьеры было обязательным для сенаторов, как и во времена республики, что создавало впечатление стабильности роли в государстве сенаторского сословия. Однако оно не оставалось неизменным. С начала установления империи представители старых аристократических римских родов все более вытеснялись в сенате «новыми людьми», сперва наиболее богатыми (сенатор должен был иметь состояние не менее чем в миллион сестерциев) землевладельцами Италии, а затем и провинций. Включались в сенат также люди, выдвинувшиеся на административной и военной службе. Тем не менее старые традиции этого сословия отчасти сохранялись. Сенат претендовал на участие в управлении государством и дележе государственных доходов, на решающий голос в вопросе о назначении правящим императором своего преемника, на всеобщее уважение. Как бы ни изменялся этнический состав сената, он продолжал считать себя носителем истинно римских устоев, поборником нравов и свободы предков. Хотя в сенате всегда было значительное число членов, лояльных по отношению к императорскому режиму, борьба между сенатской оппозицией и императорами то затухала, то достигала чрезвычайной остроты. Сенаторы, недовольные политикой того или иного императора, его «тираническими устремлениями», ограничением их прав и привилегий, интриговали против него и его приближенных, пытались поднять восстание, устраивали заговоры, нередко кончавшиеся убийством не-

угодного им «тирана» и преданием проклятию его памяти. Со своей стороны императоры казнили заподозренных в измене, конфисковывали их имущество, высылали их родных и друзей, охотно принимали доносы на неугодных им людей от различных соглядатаев, вплоть до рабов. К сенатской оппозиции, особенно деятельной в I и III вв., принадлежали многие историки, философы, писатели, сочинения которых дошли до нас и дают нам достаточно яркое представление об идеологии и влиянии на тогдашнюю культуру этой группы.

Другим сохранившимся от полисных времен социальным слоем был плебс, также претерпевший ряд изменений и утративший былую относительную однородность. Если в ранний период римской истории большинством плебеев было крестьянами, считавшимися, так сказать, солью римского народа (не владевшие землей городские ремесленники и торговцы были гражданами второго сорта), то теперь положение изменилось. Многие из крестьян утратили свои участки и вынуждены были арендовать землю у крупных собственников. Еще сохранившиеся мелкие землевладельцы влачили довольно жалкое существование, пребывая в постоянном страхе перед богатыми и влиятельными соседями, присваивавшими общественные леса и пастбища, закабальвавшими, разорявшими крестьян ростовщическими займами и требовавшими от них повиновения и угодливой почтительности. В жизни городов крестьяне принимали все меньше участия и третиrowались как «деревенщина».

Оппозиционные существующим порядкам авторы обычно характеризовали плебс городов и особенно Рима как праздную, порочную чернь, склонную к мятежам и готовую прославлять любого «тирана», дающего ей «хлеб и зрелища». Однако такое представление, проникшее и в современную литературу по римской истории, далеко не соответствует действительности. Правда, беднейшая часть горожан получала как регулярные субсидии, так и экстраординарные раздачи от императоров, городских магистратов и богатых горожан городов по случаю различных празднеств, юбилеев, побед и т. п., а некоторая часть неимущих пристраивалась в качестве клиентов и прихлебателей — так называемых паразитов — в богатые дома. Правда и то, что страсть к зрелищам и особенно гладиаторским боям по временам достигала исключительных раз-

меров, а устройство таких зрелищ было верным путем к приобретению популярности. Но основная масса городского плебса состояла не из тунеядцев, а из работающих людей — ремесленников, наемных работников, продававших свой труд владельцам крупных ремесленных предприятий и строительным подрядчикам, поденщикам, исполнявшим работу грузчиков, носильщиков, погонщиков мулов и лошадей и т. п., обслуживающего персонала при различных городских и государственных предприятиях, мелких торговцев.

Верхушку плебса составляли крупные торговцы, ввозившие и вывозившие товары не только в пределах империи, но и далеко за ее границами, ростовщики, также часто ведшие крупные дела по займам, депозитам и перечислениям, собственники крупных ремесленных мастерских, строительные подрядчики, арендаторы различных отраслей государственного хозяйства. Обычно, нажив достаточно большое состояние, они вкладывали часть его в покупку имений, так как только владение землей давало им социальный престиж, возможность занять городские выборные магистратуры и продвинуться в высшие сословия.

Хотя римские сатирики любили избирать мишенью своих насмешек «выскочек» из «сапожников» и «трактирщиков», процент плебеев, достигших успеха, был невелик. Основная их масса вела весьма скромное, если не нищенское существование и вместо некогда обязательного для гражданина участия в общественной и политической жизни получала суррогат в виде участия в различных профессиональных и религиозных корпорациях, в так называемых коллегиях маленьких людей, образовывавшихся с дозволения правительства и функционировавших под надзором патронов из состоятельных граждан, пользовавшихся доверием властей. Основным видом деятельности таких коллегий было погребение неимущих сочленов и устройство на членские взносы и пожертвования патронов совместных трапез в дни императорских юбилеев и семейных праздников патронов, выражение верноподданнических чувств императорам и благодарности патронам посредством сооружения их статуй с соответствующими надписями.

Разница между «простонародьем» и «благородными» со временем все более углублялась и становилась не

только фактической, но и юридической. Так, например, «благородных» нельзя было подвергать телесным наказаниям, допрашивать под пыткой, приговаривать к работе в рудниках, распятию на кресте, тогда как в отношении «простолюдов» все это стало допускаться. За обиду, нанесенную «благородному», карали тяжелее, чем за оскорбление плебея, свидетельские показания первого на суде имели больше веса, чем второго, и т. д.

С углублением социального раскола, естественно, различным стало и мировосприятие «благородных» и «простолюдов». Первые получали изысканное воспитание и образование в лучших школах, вторые — в лучшем случае профессиональную выучку. Знать черпала свои идеи из сочинений близких ей по духу философов, плебеи — из требований и условий повседневной жизни и практики. Как мы увидим далее, прежде единая культура, послужив отправной точкой, раздробилась и эволюционировала по все дальше расходившимся направлениям.

Новым по сравнению с прежним сословным делением полиса было уже упоминавшееся сословие декурионов, также причислявшееся к «благородным». Состав его был довольно текучим. С одной стороны, оно пополнялось за счет разбогатевших плебеев, выслужившихся и получивших на городской территории имения солдат, наделенных римским гражданством перегринов. С другой стороны, часть декурионов, в основном владельцев обслуживаемых рабами вилл средней величины, из-за присущих рабовладельческим хозяйствам противоречий и часто непосильных затрат на городские нужды разорялась, впадала в долги, теряла свои имения, переходившие в руки крупных собственников, и деградировала до уровня плебса. Но в первые века империи сословие декурионов в целом процветало и было наиболее широкой и надежной базой императорского режима, гарантировавшего таких средних собственников от восстаний и мятежей рабов и бедноты и от покушений на их имущество и самостоятельность со стороны высшей землевладельческой знати.

Особое значение для декурионов провинциальных городов имела политика императоров по урегулированию эксплуатации провинций и обузданию своеволия наместников. «Хороший пастух стрижет овец, но не сдирает с них шкуры», — так определял император Тиберий свое отношение к провинциалам¹². К великому возмущению сена-

торов, ссылавшихся на «предков», при которых провинциалы дрожали при упоминании имени даже простого римского гражданина, провинции получили право по истечении полномочий наместника выражать ему одобрение или порицание, что учитывалось императорами, награждавшими или каравшими наместника. Провинциальные города посылали к императору своих представителей с различными, обычно принимавшимися во внимание просьбами и жалобами. Получившие римское гражданство, а таких становилось все больше, получали и все связанные с ним привилегии и возможность сделать карьеру на военной службе или в качестве императорских чиновников. Из семей провинциальных и италийских декурионов выходили многие видные деятели империи, а с середины I в. и ряд императоров. Тесная связь городских собственников с императорским режимом обусловила их приверженность к античной образованности и культуре, многие деятели которой принадлежали именно к этой среде.

Если сословие декурионов и примыкавшие к нему наиболее богатые собственники из свободнорожденных плебеев составляли социальную базу империи, то непосредственными проводниками ее политики были административный аппарат и войско.

Административный аппарат, как уже упоминалось выше, состоял отчасти из императорских рабов и отпущенников, отчасти из свободнорожденных, выходивших из разных сословий. Еще довольно рыхлый при первых императорах, он, постепенно разрастаясь и упорядочиваясь, получил стройную иерархическую структуру, с твердо установленным порядком продвижения по службе и получения чинов и жалованья, соответствующих каждой ступени служебной лестницы. Значительная часть служащих была занята в управлении огромным и все возрастающим императорским имуществом, принадлежавшим лично императорам, а также государственным землями, мастерскими и составлявшими государственную монополию рудниками и каменоломнями. Другая часть работала в различных императорских канцеляриях, в штате наместников провинций, в финансовом ведомстве, занятом сбором разнообразных налогов (деньгами и натурой), в ведомствах по снабжению войска и населения Рима. Немалый штат обслуживал императорский дворец, где

открывались наибольшие возможности выдвинуться и сделать карьеру. Нередко какой-нибудь прислуживавший императору раб, сумев войти в доверие, получал вольную и должность в той или иной канцелярии или финансовом управлении провинции. Императоры, отношения которых с сенатом были особенно обостренными, обычно выдвигали на высокие должности своих отпущенников, полагая, что могут им доверять более, чем представителям знати, а сенаторы считали такую практику одним из основных признаков «тиранических» устремлений императора.

Государственные служащие не только осуществляли управление империей, но были активными поборниками официальной идеологии. Рабы и отпущенники императоров, приобретая в Италии и провинциях земли и другое имущество, составляли среди местного населения то ядро, вокруг которого группировались сторонники и льстецы императоров. По их инициативе создавались коллегии императорского культа, воздвигались статуи и сочинялись хвалебные надписи в честь императора и его семьи и т. п. Сами члены административного аппарата, особенно занимавшие высшие должности, также получали свою долю лести от подданных. Им ставили статуи на внесенные горожанами деньги, прославляли их как благодетелей, выбирали патронами городов и коллегий.

Параллельно с управленческим аппаратом возрастали численность войска и его значение в государстве. Наиболее привилегированную его часть составляла личная гвардия императоров — так называемые преторианцы. Их когорты были размещены в Риме и в самом дворце, их начальники, префекты были вторыми после императоров лицами в государстве, а иногда фактически первыми. Из их среды выходили временщики, пользовавшиеся неограниченным влиянием, осуществлявшие всевозможные репрессии против подозрительных лиц. Они же сплошь да рядом, особенно в I в., опираясь на преторианцев, осуществляли дворцовые перевороты, убивая одних и провозглашая других императоров. Преторианцы получали высокое жалованье, они часто становились командирами провинциальных армий.

Провинциальные войска состояли из легионов (каждый по 6000 человек), в которых служили римские граждане, и вспомогательных пеших и конных частей (так называемых когорт и ал), набиравшихся из провинциа-

лов. Прослужив 20 (в легионах) или 25 (во вспомогательных частях) лет, солдат получал почетную отставку, римское гражданство, если был peregrinus, земельный надел, освобождение для себя и своей семьи от податей и повинностей и по своему статусу приравнивался к сословию декурионов. В городах ряда провинций отставные солдаты — ветераны — составляли значительный процент городских магистратов и членов городских советов или, если ветеран получал землю в селе, членов сельской верхушки. В городах и селах ветераны играли ту же роль распространителей официальной идеологии и инициаторов верноподданнических демонстраций, что и государственные служащие.

Сама армия также была не только военной, но и крупнейшей политической силой. Если преторианцы осуществляли дворцовые перевороты, то провинциальные войска поднимали восстания против неудобных им правителей, провозглашая своего кандидата, что нередко вело к гражданским войнам между кандидатами на престол, выдвинутыми армиями разных провинций. Сам титул императора, означавший в республиканские времена «верховный главнокомандующий», характеризовал его в первую очередь как главу войск, с которыми он должен был считаться преимущественно перед всеми другими группами населения. Подавляющее большинство императоров, особенно во II и III вв., выходило из среды наиболее популярных в армии командиров: они или назначались наследниками своих предшественников под давлением армии, или завоевывали власть с помощью выдвигавших их легионов.

Солдаты помимо выполнения своих прямых обязанностей строили дороги и города (некоторые из городов вырастали вокруг легионных лагерей), работали в военных мастерских и т. д. Из солдат вербовались и тайные агенты правительства, обязанные следить за тем, что происходит в местах, где собирается простой народ, выведывать, что на уме у посетителей трактиров и мастерских. Подобные функции солдат, их привилегированное положение, которым они нередко злоупотребляли, рассчитывая на безнаказанность, вызывали настороженное отношение к ним гражданского населения, а иногда и прямо враждебное.

Многие современные исследователи считают, что рим-

ская армия представляла собой корпорацию деклассированных элементов, руководствовавшихся только соображениями личной выгоды и стремлением побольше нагнать за счет внешних врагов или собственных соотечественников. Однако эта точка зрения не оправданна. Римская армия была тесно связана с теми слоями, которые составляли социальную опору империи, и не только потому, что являлась той реальной силой, на которой эта последняя держалась. Как уже отмечалось выше, ветераны пополняли сословие декурионов, становились собственниками имений, возделывавшихся по римскому образцу, носителями социальной и культурной романизации в самых отдаленных частях империи. С другой стороны, члены сословия декурионов, прежде чем занимать выборные должности в своих городах, обычно должны были пройти военную службу в качестве младших и средних командиров во вспомогательных частях и легионах и иногда дослуживались и до высших командных должностей. Многие из них и сами были сыновьями ветеранов. Таким образом, между армией и романизованными собственниками, принадлежавшими или близко примыкавшими к сословию декурионов, шел постоянный обмен людьми, что обуславливало общность идеологии всех этих категорий населения империи, общность их интересов.

Особую, игравшую значительную роль в эволюции культуры группу составляла интеллигенция, т. е. люди, зарабатывавшие на жизнь умственным трудом. Среди них были и вольноотпущенники, и плебеи, и выходцы из мелких и средних собственников италийских и провинциальных городов. Положение интеллигентов было довольно неопределенным. Некоторые из них занимались преподаванием в школах, предназначенных для юношей, изучавших ораторское искусство (риторику), философию, право, литературу, тогда объединявшуюся с языкознанием в одну науку — грамматику, и получали определенное жалованье и привилегии от правительства, так же как и врачи. Однако таких было немного, поскольку каждый город имел право в зависимости от своей величины исходатайствовать жалованье и привилегированное положение 5—20 преподавателям и врачам.

Огромному большинству приходилось заботиться о пропитании и искать покровительства власть имущих, без которого прожить было нелегко. Даже такие прославлен-

ные поэты начала империи, как Вергилий и Гораций, оба вышедшие из низов, получили возможность писать и публиковать свои произведения лишь благодаря покровительству одного из приближенных Августа, Мecenата, собиравшего наиболее талантливых поэтов в возглавлявшийся им и пользовавшийся вниманием и поддержкой самого Августа литературный кружок. Таких покровителей, патроннов, имели и другие, как знаменитые, так и рядовые, писатели, поэты, философы и историки во все времена империи. У некоторых из них, например Ювенала и Лукиана, мы встречаем горькие жалобы на унижительность положения интеллигентных клиентов¹³. Добиться покровительства того или иного патрона было нелегко, требовалась протекция кого-либо из его друзей или домочадцев, конкуренция между стремившимися проникнуть в дом патрона была ожесточенной. Римляне и италийцы старались отеснить провинциалов, особенно греков, «гречешек», как их презрительно называл Ювенал, считая их особенно дерзкими и назойливыми¹⁴. Греки в свою очередь в душе свысока относились к римлянам, все еще остававшимся в их глазах «варварами» и невеждами. Свободнорожденные считали себя более достойными, чем выходцы из отпущенников, и по временам даже добивались законодательного запрещения учить рабов гуманитарным наукам и медицине.

Но и те, кому удавалось заручиться, наконец, покровительством и поддержкой патрона, терпели бесконечные унижения, играя роль чуть ли не домашних шутов, так как патрон оказывал им свои милости только до тех пор, пока они умели развлечь его, угодить его часто грубым вкусам, безропотно сносили его высокомерие и оскорбления со стороны его друзей, членов семьи, избалованной приближенной челяди. Отсюда страстная ненависть к богатым и власть имущим невеждам, особенно сильная у греков, сближавшая часть интеллигенции с народом и его идеологией. Она находила свое выражение в учении философов кинической школы, в стихах баснописцев, в любимых простым народом веселых, грубоватых пьесамимах, удачные афоризмы из которых становились широко известными пословицами, в составлявшихся для учеников риторических школ сборниках речей на воображаемых судебных процессах, где очень часто фигурировал грубый, бессердечный богатый и несправедливо и жестоко

обиженный им благородный бедняк, наконец, в стихах безымянных поэтов, высекавшихся на надгробиях плембеев, отпущенников и рабов¹⁵.

Вместе с тем интеллигенцию пугали возможные мятежи плебса, отталкивали некоторые крайние учения, направленные не только против богатых и власть имущих, но и против их культуры, против образованности, причастностью к которой интеллигенция гордилась, ставя себя неизмеримо выше «невежественной черни», занятой простым «неблагородным» трудом. Особенно это было присуще тем ее представителям, которым удавалось добиться обеспеченного, независимого положения и большей или меньшей славы. К ним принадлежали известные ораторы, выступавшие как на судебных процессах, так и просто перед публикой, часто ценившей искусно построенную речь не меньше, чем цирковые или театральные зрелища. Такие ораторы — риторы, софисты — переезжали из города в город, произносили перед собравшейся в театре или на площади толпой речи экспромтом и на заданные темы, демонстрируя свое искусство логического построения и неожиданной трактовки мифологических, исторических, этических и других сюжетов. Часто их выбирали в состав делегаций, отправлявшихся в Рим к императору хлопотать о тех или иных милостях для города, и нередко именно их умению растрогать, убедить, развлечь императора своей речью городá были обязаны удовлетворением своих просьб. В благодарность города воздвигали им статуи и наделяли всякими привилегиями. Обеспеченности и славы добивались и некоторые наиболее популярные философы, принадлежавшие к разным школам, также выступавшие перед публикой, излагая свои положения, полемизируя с противниками, поучая и обличая. Речи и лекции записывались, издавались, пользовались большим спросом. Эта часть интеллигенции была наиболее тесно связана с городской верхушкой, от которой зависел ее успех, разделяла ее взгляды и являлась ее глашатаем.

От чисто «гуманитарной» интеллигенции довольно существенно отличались занятые практической деятельностью врачи, инженеры, агрономы и занимавшие некоторое промежуточное положение представители «точных» наук.

Некогда античная наука и философия, теория и практика были неразделимы. Сама философия состояла из

диалектики, т. е. умения, логически рассуждая, обосновывать свои положения и выводы, этики, т. е. науки о морали, и физики — науки о мироздании и природе существующих в мире вещей и явлений. Философы строили свои обобщения на достижениях науки, которой и сами занимались; ученые, основываясь на наблюдениях и умозакключениях, применяли свои выводы к практике, не чуждаясь и общефилософских вопросов. Постепенно, однако, пути тех и других стали расходиться. Философы все более переключались на этику и на самые общие мировоззренческие проблемы, разрешавшиеся ими чисто умозрительно. Практика начинала расцениваться ими как деятельность, так сказать, второго сорта, приличествующая скорее простому народу, чем людям утонченно образованным. Практики, со своей стороны, с презрением смотрели на бесполезные, с их точки зрения, абстрактные рассуждения философов. Знаменитый врач II в. н. э. Гален противопоставлял «союз Меркурия» (бога, покровительствовавшего всякого рода практической деятельности), включавший врачей, естествоиспытателей, архитекторов, строителей, искусных мастеров и т. д., союзу бездельников, никому не приносящих пользу. «Не странно ли, — восклицал он, — что раба обучают какому-нибудь искусству или мастерству, и он стоит десять тысяч драхм, а его ничего не умеющий делать хозяин не стоит и одной»¹⁶. Как мы увидим далее, наиболее ярые критики разнообразных философских и умозрительных научных теорий античности вышли именно из этой среды.

Гален не случайно объединял в один «союз» ученых-практиков и искусных мастеров. В эпоху расцвета греческой культуры художники, архитекторы, скульпторы были в большом почете, и имена самых знаменитых из них хорошо знали и современники, и потомки. В эпоху же римского владычества положение изменилось. Художники и скульпторы, поскольку они работали руками, были причислены к ремесленникам. Писатель II в. н. э. Лукиан в одном из своих произведений рассказывал, как в юности выбирал себе профессию¹⁷. Сын небогатого человека из сирийского города Самосаты, он рано должен был подумать о заработке. Брат его матери, скульптор, хотел взять мальчика в ученики. Но, по его словам, во сне ему явилась сама Риторика и убедила его не сидеть всю жизнь в мастерской, занимаясь ремеслом, поскольку в этом нет ни-

чего благородного и достойного уважения, а идти за нею и приобщиться к всеми почитаемому искусству красноречия. Все мы, писал Лукиан, восхищаемся Фидием и Поликлетом, но ни кто из нас не захотел бы заниматься таким же делом, как они¹⁸. Виднейший представитель стоической школы в I в. н. э. Сенека горячо оспаривал точку зрения философа той же школы, проживавшего в Риме в I в. до н. э., грека Посидония, считавшего, что в глубокой древности, когда люди еще жили как животные, их учили и цивилизовывали тогдашние мудрецы, изобретавшие и усовершенствовавшие всякие искусства и ремесла. Заниматься такими вещами, доказывал Сенека, не дело мудрецов и философов, а дело рабов. Если Демокрит некогда усовершенствовал сооружение арок и шлифовку драгоценных камней, то сделал он это не потому, что был философом, а вопреки этому. Если Архимед строил машины, то не с целью практически применить свои теории, а, напротив, только для того, чтобы их проверить¹⁹. Не случайно, видимо, до нас не дошли имена художников и скульпторов времен Римской империи, где процветали и живопись, и скульптура, и мозаика, и различные виды прикладного искусства. Только благодаря некоторым беглым упоминаниям мы располагаем скудными сведениями об архитекторах, воздвигавших знаменитые римские сооружения, ряд которых сохранился и доныне.

Еще в худшем положении были учителя начальных школ и актеры. Так как учителя обычно выходили из среды рабов и отпущенников, преподавание в начальных школах считалось рабским занятием, к которому свободно-рожденные обращались лишь будучи в крайней нужде. Философ и оратор конца I—начала II в. н. э. Дион Хрисостом, поборник учения о равенстве людей независимо от их статуса и об уважении ко всякому труду, призывал своих современников не презирать человека, если его отец из-за бедности оказался вынужденным стать учителем²⁰.

Что касается актеров, то благодаря общему увлечению зрелищами некоторые из них, наиболее талантливые и знаменитые, не только богатели, но становились любимцами императоров, принимались при дворе и высшей знатью. Однако в массе своей они стояли на самой низкой ступени социальной лестницы. Профессия актера наряду

с профессией гладиатора, сводничеством и проституцией юридически лишала человека и его детей гражданской чести. Его свидетельство не принималось на суде, нанесшего ему оскорбление не наказывали, на дочери актера не мог жениться свободнорожденный римский гражданин.

Перечисленные выше классы и социальные группы так или иначе были связаны с античным укладом в той его форме, какую он принял в эпоху Римской империи, т. е. в эпоху, когда античный мир достиг своего наибольшего расцвета и начал затем клониться к упадку. Но, как уже говорилось ранее, античный уклад в рамках империи был не единственным. Другие сосуществовавшие с ним уклады порождали иное социальное деление. Во многих областях и районах тех или иных провинций в I—II вв. н. э. появились крупнейшие землевладельцы, собственники так называемых сальтусов, и колоны, возделывавшие их земли, зависимые от них мелкие держатели земли. Продолжали существовать и свободные крестьяне.

Сальтусы, многие из которых принадлежали императорам, самым богатым землевладельцам империи, другие же — местной или приобретенной в провинциях земли римской аристократии, были изъяты («экзимированы») из городской территории. Ни их владельцы, ни сидевшие на их землях колоны не подчинялись городской администрации и не несли повинности в пользу городов. Колоны отдавали установленные доли урожая землевладельцам, а те уплачивали причитающиеся с их земли налоги государству, в значительной мере представляя перед ним своих колонов. Так, например, когда в III в. некоторые императоры стали преследовать христиан и, чтобы их выявить, приказывали всем жителям империи приносить жертвы в храмах, то считалось, что, если жертву приносил землевладелец, это свидетельствовало и о лояльности его колонов. К нему колоны обращались за решением возникших между ними споров и тяжб, он мог по своему усмотрению простить им недоимки или, напротив, повысить причитающуюся с них долю урожая и число дней, которые они были обязаны на него отработать в его личном хозяйстве. Не расплатившись со всеми долгами и недоимками, колоны не имели права уйти из имения, а долгов, как по взносам за землю, так и различных других (например, за дававшийся им владельцем в случае

нужды скот, инвентарь, займы зерном, деньгами и т. п.) накапливалось обычно столь много, что развязаться с ними было почти невозможно. В некоторых провинциях, например в Африке, в колонов, прикрепленных к земле, обращались туземцы. В восточных областях зависимые земледельцы существовали испокон веку, задолго до римского завоевания; здесь, если имение продавалось или переходило по наследству, вместе с землей к новому владельцу переходили и права на труд и повинности сидевших на ней людей. В западных провинциях колонны часто были исконными клиентами земельной знати.

Экзимированные сальтусы были в значительной мере замкнутыми мирками, со своими ремесленными мастерскими, рынками, храмами, культовыми коллегиями, выборными старейшинами расположенных на территории сальтуса сел, с обширным штатом состоящей обычно из господских рабов администрации, ведавшей сбором, учетом и реализацией продукции колонов. В пограничных районах колонны строили укрепления, из них организовывали воинские отряды, отражавшие вторжения соседних племен. Сальтусы служили центром притяжения для окрестных крестьян, приходивших туда на рынки и храмовые праздники. Постепенно владельцы сальтусов распространяли свое влияние на всю округу, так или иначе ставя от себя в зависимость маломощных соседей, правдой и неправдой захватывая их участки, превращая их самих в зависимых держателей. Часто они фактически подчиняли себе и целые села, выступая в роли их «благодетелей», т. е. строили им храмы и общественные здания, жертвовали суммы на разные нужды, получая за это соответствующее моральное и материальное возмещение. В таком же качестве «благодетелей» и патронов они выступали и в отношении соседних мелких городков. Насколько действенным средством подчинения была подобная практика, показывает сформулированный во II или III в. закон: «Да не оказывает никто благодеяния нежелающим».

С более значительными и сильными городами земельные магнаты вступали в постоянные конфликты за сферы влияния и территории. Городские собственники относились к ним враждебно, обличали их эгоизм, жадность, самовластие. С другой стороны, те из горожан, которым удавалось разбогатеть и расширить свои владения, также

стремились изъять их из городской территории. При империи было установлено, что граждане, причисленные к сословию сенаторов, их дети и внуки имеют право экзимировать свои земли и не быть чем-либо обязанными городу. Выход из сословия декурионов самых богатых его сочленов наносил городам большой ущерб, что еще более усиливало их недоброжелательное отношение к владельцам сальтусов и укрепляло преданность старавшимся ограничить последних императорам. Многие политические и идеологические столкновения времен империи обуславливались именно этой враждой. Она, однако, затихала и отодвигалась на задний план, когда реальной становилась угроза крестьянских волнений.

Свободные крестьяне в ряде провинций составляли большинство населения, на них падало основное бремя всевозможных натуральных, денежных и трудовых повинностей, и они более всего страдали от различных злоупотреблений гражданских и военных властей. Крестьяне то обращались с петициями к императорам, почтительно умоляя облегчить их положение, то искали дорогого обходившегося им покровительства какого-нибудь земельного магната, то бежали из своих деревень в какие-нибудь пустынные, болотистые, трудно доступные местности или в многочисленные разбойничьи отряды, то, наконец, принимали восстания. В первое время после римского завоевания такие восстания нередко возглавлялись представителями местной знати, еще не примирившейся с римским господством. Но по мере того как провинциальная аристократия сближалась с римской, а недовольство крестьян и колонов обращалось не только против Рима, но и против туземных земельных собственников, последние от руководства провинциальными движениями отходили, а нередко и предавали их, как это было, например, во время большого восстания в Иудее в середине I в. н. э.

Аналогичные события имели место в это же время в Галлии²¹. После свержения императора Нерона в 68 г. н. э. между новыми претендентами на престол началась тяжелая гражданская война. В надежде на то, что римляне ослаблены внутренними смутами, некоторые, в основном прирейнские племена Галлии, подняли восстание, возглавленное Цивилисом, одним из вождей племени батавов. Одержав ряд побед, Цивилис обратился к другим,

уже значительно более романизованным во всех отношениях племенам Внутренней и Южной Галлии с предложением поддержать его в борьбе за свободу. Представители племенной знати, многие из которых были наделены римским гражданством и мечтали о сенаторском достоинстве, собрались на съезд, чтобы решить, какой ответ дать Цивилису. Здесь перед ними выступил посланный подавлять восстание римский полководец Петилий Цериал. Основной в его речи была мысль о том, что без римской власти и римской армии, на содержание которой идут вызвавшие недовольство провинциалов налоги, в провинциях начнутся войны, восстания и мятежи, наиболее губительные для тех, кто богат и знатен. Правда, некогда римляне пришли в Галлию как завоеватели, но теперь, утверждал Цериал, разница между побежденными и победителями сгладилась, так как и те и другие равно заинтересованы в сохранении и укреплении великого здания веками воздвигавшейся Римской империи, ибо если оно рухнет, то погребет под своими обломками всех²². Страх остаться лицом к лицу с народом заставил галльскую знать отказать Цивилису в помощи и определил ее отношение к империи на последующие два века.

Однако волнения крестьян не затихали. В их среде, особенно на востоке, ходили различные туманные пророчества о неминуемом падении жестокого и нечистивого господства римлян, о грядущем пришествии бога-спасителя, который покарает Рим и освободит покоренные им народы. Крестьянство было наиболее массовым носителем и хранителем старых провинциальных культур и традиций. Только вступив в римскую армию, крестьянин осваивал римскую идеологию и приобщался к римской культуре. Однако сплошь да рядом, особенно если после отставки он получал землю не в городе, а в селе, он возвращался к своим старым представлениям и верованиям, причудливо переплетавшимся с теми, которые он перенял, будучи солдатом.

Как видим, хотя основными классами всюду являлись рабы и рабовладельцы, социальный состав римского мира был столь же неоднороден, как и его этнический состав. Нам кажется, что можно говорить о наличии в эпоху Римской империи двух эксплуатируемых классов: рабов и земледельцев-колонов, более или менее зависимых от собственников земли, хотя формально свободных (до IV в.

н. э., когда они были законодательно прикреплены к земле). Соответственно можно говорить и о двух эксплуататорских классах: собственниках земли и других средств производства, входивших в состав городской общины (сословие декурионов), ведение хозяйства которых основывалось на рабском труде, и не принадлежавших к городской общине крупных землевладельцах (сенаторское сословие), собственниках сальтусов, в которых основной рабочей силой были платившие ренту мелкие держатели участков — колонны. Те и другие представляли сосуществовавшие в империи социально-экономические уклады, различавшиеся по формам собственности и эксплуатации. Уклады эти и связанные с ними классы и социальные слои переплетались, проникали друг в друга, взаимодействовали. Но все же говорить о единой для всего этого мира социальной структуре и культуре было бы неправомерно. И неправомерно также говорить о едином ритме их подъема и упадка. Когда античный уклад еще развивал заложенные в нем возможности, когда он распространялся вширь и вглубь, был ведущим и определяющим, казалось, что его культура, так же как и присущие ему социальные отношения, были единственными, что их кризис и упадок был общим, абсолютным упадком всего тогдашнего общества. Но на деле, по мере того как возможности дальнейшего развития античного уклада исчерпывались, на передний план выступали иные, лишь оттесненные, но не вытесненные отношения, развивались связанные с ними классы, их идеология и культура.

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РИМСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Как уже говорилось выше, античная культура, какой она предстает перед нами в эпоху римского владычества, т. е. накануне своего кризиса, сложилась на основе слияния эллинистической и римской культур. Первая несомненно играла ведущую роль, но и вклад Рима имел немалое значение, тем более что, поскольку римляне были господствующим народом, их идеи и представления оказывали решающее влияние на подчиненные народы.

Своеобразие во взаимодействии эллинистической и римской культур обуславливалось тем, что в период, когда Рим стал воспринимать идущие из Греции и эллинистических стран влияния, он, хотя уже и начинал превращаться в крупную державу, все еще сохранял много черт города-государства, тогда как полисы Греции и эллинистических царств уже давно пережили и расцвет, и кризис и находились под властью царей. Это естественно наложило отпечаток на их идеологию и культуру, возникшую еще в рамках демократических городов-государств, и значительно ее модифицировало. Вот почему в полной мере сущность эллинистического мировоззрения, названного так в отличие от классического греческого, эллинского, и формы его проявления в различных сферах духовного творчества римляне начинали воспринимать лишь по мере того, как изменявшаяся реальная ситуация ставила перед ними те же проблемы, какие вставали перед греками в период упадка их полисов и перехода от республики к монархии.

В отличие от Афин Рим не создал высокой культуры в период своего становления и процветания в качестве города-государства. Об этой эпохе его культурного развития мы знаем в сущности очень мало, в основном лишь из сообщений позднейших авторов, рассматривавших прошлое своего родного города под неким определенным

углом зрения и стремившихся доказать, что Рим достиг господства сперва над Италией, а затем и над остальными подчиненными им странами благодаря исключительным моральным качествам своих граждан: мужеству, дисциплинированности, воздержанности, свободолюбию, высокому понятию о долге, уважению к божеским и человеческим законам, а главное беззаветной преданности отечеству, ради которого граждане не щадили ни трудов, ни детей, ни жизни. Целая галерея иллюстрирующих этот идеал образов украшала равную римскую историю: основатель республики и первый консул Юний Брут, осудивший на смерть своих сыновей, замешанных в заговоре в пользу изгнанного царя Тарквиния; Муций Сцевола, пробравшийся в лагерь осаждавшего Рим этрусского царя Порсенны с целью его убить и, будучи пойманным, сжегший на костре руку в доказательство стойкости римских юношей; Цинциннат, прославленный полководец, сам пахавший свое поле, назначенный диктатором в опасную для Рима минуту и после одержанной над врагами блестящей победы вновь вернувшийся к своему плугу; Курций, бросившийся в открывшуюся на форуме пропасть, чтобы, согласно предсказанию оракула, отвратить от Рима гнев богов; консул Деций Мус, добровольно пожертвовавший жизнью в бою, так как вещий сон открыл ему, что победу одержит то войско, командир которого будет убит; консул Маний Курий Дентат, победитель царя Пирра, отказавшийся от богатых даров и доли добычи и удовольствовавшийся маленьким земельным участком, который стал возделывать своими руками, и многие другие. Им противопоставлялись те, кто в своей заносчивости поставил себя над гражданами и потерпел жалкое поражение, подобно Марку Манлию Капитолийскому. Спаситель Капитолия во время нашествия на Рим галлов, он затем, исполнившись непомерного честолюбия, призвал к мятежу плебеев с тайным намерением стать царем. Но свободолюбивый народ сам осудил его, Манлий был казнен, его дом срыт, земля была конфискована, а его род навсегда изъял из употребления имя Марк.

Мы не знаем, ни когда сложились эти предания, ни какое зерно истины они содержат. Но, несомненно, они отражают мировоззрение граждан древнейшего Рима, для которых их родной город с его гражданами, сенатом, магистратами, богами, законами, обычаями и традициями

был высшей ценностью, высшей инстанцией одобрения и осуждения.

У римлян не было похожей на греческую развитой мифологии со стройной системой представлений о сотворении мира и человека, взаимоотношениях и установлениях богов. Их религиозные воззрения были долгое время очень примитивны, определялись представлением о присущих всем предметам, процессам и явлениям внутренних силах, безличных и неопределенных, часто мыслившихся как множественности. Таковы были благодетельные души умерших — мапы; зловередные тени непогребенных должным образом покойников — ларвы; хранители отдельного дома и всего города — пенаты; покровители фамилии и ее земли, защитники рабов и добрососедских отношений — лары, которых соседи совместно почитали на перекрестках дорог. Множествен, видимо, был первоначально и важнейший из древнеиталийских богов Марс, олицетворявший некогда силы дикой природы и территории, лежавшей за священной границей города. Ему приносили жертвы и обращались с мольбами при ритуальных очищениях границ, под его покровительство отдавали себя воины, отправлявшиеся в поход, и юноши, покидавшие родной город, чтобы основать на чужбине новый.

Из богов, издавна имевших свою определенную индивидуальность, наибольшее значение приобрел Юпитер, бог возвышенностей, грома, дождя. Ему еще в конце царского периода, под именем «всеблагого, величайшего» был посвящен храм на Капитолии, и с тех пор Юпитер стал богом славы и мощи Рима, а с их ростом рос и его престиж. Совместно с Юпитером почитались покровительница матерей Юнона и ставшая впоследствии покровительницей ремесла Минерва. Они составляли патрицианскую, так называемую капитолийскую трицу небесных богов. Плебеи в начале своей борьбы с патрициями противопоставляли ей свою трицу богов земли и плодородия — богиню созревающих злаков Цереру, бога виноградников Либеру и его женскую ипостась — Либериу. Их храм, выстроенный с помощью прибывших из Южной Италии мастеров в 493 г. до н. э., стал центром организации плебеев. Но по мере слияния патрициев и плебеев в одну общину Церера и Либер стали общеримскими богами.

Кульг исконных римских богов был долгое время очень примитивен. Только под влиянием знакомства

с греками, главным образом из южноиталийских городов, начали строиться храмы, изготавливаться изображения богов. За образцы брались греческие статуи, и римские боги стали отождествляться с греческими: Юпитер с Зевсом, Юнона с Герой, Либер с Вакхом-Дионисом, богиня садов Венера с Афродитой, богиня материнства и лунных фаз Диана с Артемидой, бог купцов и ремесленников Меркурий с Гермесом, Марс с Аресом. У греков были заимствованы и новые для римлян боги — Аполлон, Геракл и др. Вместе с ними пришла и греческая мифология, приуроченная к соответствующим римским божествам. Очень рано, не позже начала IV в. до н. э., в Риме уже была известна легенда об Энее, сыне Афродиты и троянского царя Анхиза, который по воле богов после гибели Трои, преодолев много препятствий, прибыл в Италию и стал царем города Альба-Лонга и дедом Ромула и Рема, основателей Рима. Таким образом, судьба Рима как бы включалась в судьбу греческого мира, его богов и героев.

Но позаимствовав у греков их учения и легенды о богах, римляне создали еще раньше и свой миф, который, как и всякий миф, повествовал о прошлом, объяснял настоящее и давал людям руководство к их действиям. В центре его стояли не боги, не космос, не человечество, а Рим, римский народ, его история, в которой неразрывно переплетались божеское и человеческое и которая была нормативом того, что есть и должно быть. В отличие от народов, мифологизировавших историю, римляне историзировали мифологию.

Возможно, некогда у них существовал культ героев, подобных греческим героям троянской войны и других сказаний. Впоследствии ученые римские антиквары отождествляли греческих героев с римскими ларами, а одна надпись IV в. до н. э. посвящена «Лару Энею». У этрусков «Лар» был титулом царей и знатных вождей, а в памятниках их искусства сохранились сцены, позволяющие полагать, что существовали предания или целый эпос о войнах этруских и римских героев. Сыновьями Лара считались основатель города Пренесте — Цекула, а по одной версии и основатель Рима — Ромул, сыном Лара, по преданию, был и шестой римский царь Сервий Туллий, которому приписывалось создание ряда важнейших институтов политической и общественной жизни Рима. Впоследствии культ героев, если он и существовал, заглох, и лары

превратились только в духов-хранителей фамилии. Но история полулегендарных римских царей и приписываемых им законов и установлений, как и вся история Рима вообще, была тесно связана с божественным вмешательством и римскими святынями.

История Рима, города, возникшего по предначертанию богов, организованного по подсказанным богами законам — такова была центральная идея римского мифа. Этот миф определял и основные моральные ценности, основные, необходимые для служения Риму добродетели, которые и сами обожествлялись. Уже в первой половине V в. до н. э. был воздвигнут храм Верности — *Fides*. Издавна связанная с Юпитером, гарантом верности клятве, она определяла отношения между патронами и клиентами, солдатами и полководцами, гражданами и городом, союзными городами и Римом. Близка к *Fides* была *Pietas* (термин, не поддающийся адекватному переводу), добродетель, первоначально предписывавшая избегать всякого осквернения, затем — исполнять все, требовавшееся обычаем по отношению к богам, родителям, сородичам, родине. Всеобъемлющей добродетелью было Мужество — *Virtus*. Оно включало и храбрость на войне, и стойкое исполнение долга, и силу, помогающую противостоять всяким соблазнам, и соблюдение подобающего мужчине достоинства, выдержки, умеренности, строгости. Наградой за *Virtus* была Почесть — *Honor* — заслуженное одобрение, уважение и почет. По преимуществу политической добродетелью была *Concordia* — Согласие между гражданами (в противоположность смутам и междоусобицам). В 367 г. до н. э. ей был посвящен храм в ознаменование примирения патрициев и плебеев. Отчасти связана была с ней и Справедливость — *Aequitas*, предполагавшая гарантию каждому того, что следовало по закону. В период борьбы патрициев и плебеев формировалось и понятие Свободы — *Libertas*. В 238 г. ей был посвящен храм, но еще задолго до этого она почиталась вместе с Юпитером, носившим эпитет *Libertas*, или *Liber*.

Римский народ — *populus Romanus*, свобода народа, долг служить всеми силами Риму на любом месте, в любой роли — такова была основа системы ценностей римлян периода расцвета их города-государства. Она не требовала санкции личного суждения и оставляла весьма мало простора личной инициативе.

Перелом начался с III в. до н. э., со времени Пунических войн, когда Рим вышел на широкую международную арену и за 100 с лишним лет превратился в крупнейшую державу. Беспрерывный приток материальных ценностей и рабов, знакомство с бытом, нравами и культурой эллинистических стран коренным образом преобразовали экономическую и социальную жизнь Рима. Даже в широкие массы стали проникать новые веяния. Ведущие же деятели государства быстро поняли, что искусство дипломатии не менее важно для утверждения римского господства, чем военное искусство, и что нельзя укрепить свой авторитет, оставаясь в глазах эллинистического мира «варварами».

Во главе считавших необходимым приобщиться к греческой культуре, так называемых филэллинов, стоял победитель Ганнибала и сирийского царя Антиоха — Сципион Африканский. Из среды его единомышленников вышли первые римские историки, писавшие свои труды по-гречески и для греков, с целью познакомить их с историей Рима и оправдать его действия. Историография сразу стала делом высокой политики, занятием, достойным государственного деятеля, даже часы досуга посвящавшего полезному родине делу. Почувствовав необходимость дать своим детям образование, знатные люди приобретали педагогов-греков, учивших их риторике, философии, литературе на греческих образцах, переводивших сочинения греческих авторов, между прочим, и драматургов. Театральные представления также были заимствованы у греков и вскоре приобрели широкую популярность среди римской публики. Римские драматурги обычно брали за основу греческие трагедии и комедии, часто соединяя несколько пьес в одну, приспособлявая их к римским вкусам. Стал развиваться и оригинальный римский жанр — так называемая сатура, первоначально ритмическая импровизация участников народных празднеств на разные, обычно шуточные темы, затем получившая литературную обработку и ставшая основой римской сатиры.

Среди филэллинов стал зарождаться известный индивидуализм, культ великих людей. Состоявшие при них поэты посвящали свои поэмы подвигам Сципиона и представителей других знатных семей. В том же кружке переводились греческие произведения, причем и такие, в которых религии давалось рационалистическое толкование,

например доказывалось, что боги — это некогда жившие великие люди, которых обожествили за их заслуги и благодеяния благодарные им потомки, высмеивались гадатели и предсказатели.

Проникновение иноземных влияний, грозивших подорвать римскую традицию, вызывало резкую оппозицию среди крестьян и плебеев, переплетавшуюся с их оппозицией растущему влиянию филэллинской знати. Однако и те, кто представлял это консервативное, охранительное течение, не могли уже игнорировать греческую культуру, стараясь лишь переработать ее в римском духе и тем, по возможности, обезвредить. Так, например, участник Первой пунической войны Невий написал в стихах первую латинскую историю Рима, от путешествия Энея до конца Первой пунической войны. Главная тема его эпоса — римская доблесть. И хотя до нас дошли лишь незначительные отрывки поэмы, можно полагать, что у Невия уже была черта, характерная для всей римской историографии и тесно связанная с самой основой «римского мифа»: отношение к прошлому как к предуготовлению современного автору и прославленного им великого события, каковым для Невия была победа Рима над Карфагеном.

Противоречивость антиэллинской оппозиции наиболее ярко сказалась в деятельности ее признанного главы знаменитого Катона цензора, оставшегося в веках символом всех древнеримских добродетелей¹. Выходец из семьи небогатых землевладельцев, Катон, сделав блестящую военную и политическую карьеру, всю свою долгую жизнь неуклонно сражался против «иноземных непотребств» и ратовал за «нравы предков». По его настоянию из Рима были высланы временно или постоянно проживавшие там греческие философы и риторы.

Сам Катон решительно отказывался говорить по-гречески. И тем не менее он не только хорошо знал этот язык, но усердно читал ту самую греческую литературу, проникновение которой в Рим, по его убеждениям, должно было привести к пагубным последствиям, изучая ее как врага, которого надо победить. Понимая, что без образования уже не обойтись, Катон составил для своего сына книги по истории, медицине, военному делу, ораторскому искусству, сельскому хозяйству. Но главным его трудом было историческое сочинение «Начала». Здесь он излагал историю основания и устройство италийских городов,

как бы противопоставляя аграрную Италию суровых воинов и земледельцев изнеженной римской знати, а затем переходил к современным ему событиям. В ходе повествования он не называл ни одного имени. Греки, доказывая Катон, гнались за личной славой, их историю творили отдельные восхваляемые и воспеваемые герои. Величие Рима постепенно и неуклонно творил римский народ, и его мужество, стойкость и преданность родине создали нечто более великое, чем самые великие герои. Тысячи простых римских солдат совершали подвиги не менее замечательные, чем Леонид у Фермопил, но их имена остались неизвестными. Зато их дела, сливаясь с такими же делами их соратников и сограждан, обеспечили Риму его мощь и славу. Положения Катона прочно вошли в римскую идеологию, но приостановить проникновение эллинистического влияния он не мог.

В следующем поколении тяга к греческой культуре неизмеримо возросла. Со всех концов эллинистического мира в Рим свозили картины и статуи, платили бешеные деньги за образованных греческих рабов. Римляне все больше привыкали к театру, черпая из пьес краткие афоризмы греческой философии. Появилось много новых поэтов и драматургов. Как и прежде, их покровителями были члены семьи и друзья Сципионов, возглавляемые героем Третьей пунической войны Сципионом Эмилианом. Греческие философы стали теперь частыми гостями, а иногда и постоянными обитателями Рима, учителями молодежи из среды римской аристократии. Римляне приобщались к той основной системе понятий и представлений, которые сформировались за долгий период развития греческой философии и служили отправными пунктами для различных, часто весьма несходных течений².

Одним из таких кардинальных представлений была идея гармоничности и всеохватывающего единства мира, космоса, природы. В этом смысле античное мировоззрение можно назвать монистическим в отличие от тех свойственных иным культурам систем, которые исходили из дуализма, противопоставления добра и зла, мира и бога, бога и дьявола, естественного и сверхъестественного как основных равноправных принципов. Для античного человека, собственно говоря, ничего сверхъестественного в нашем понимании этого слова не было, так как все имело свое место в объединявшей огромное многообразие

вещей и явлений природе. Камни, растения, животные, люди, демоны, полубоги, боги, земля, луна, солнце, планеты, звезды были сочленами единой, целесообразной, стройной и прекрасной системы, пронизывалась и объединялась неким единым принципом, началом, сущностью. Вне этой системы, вне природы ничего быть не могло. Боги занимали высшее место в иерархии ее структуры, но их бессмертие, совершенство, могущество, ставившие их намного выше человека, были так же естественны, как и разум и способности человека, ставившие его выше животных. Не было здесь по существу места и абсолютному, самостоятельно существующему злу. Зло воспринималось скорее как отсутствие, недостаток добра, отступление по тем или иным причинам от даваемой самой природой нормы. Природа, мир, космос часто сравнивались с огромным полисом, в котором, как в реальном полисе, все сущее составляет единое целое, одинаково причастное к тому общему, что его связывает, хотя каждый его сочлен имеет что-то принадлежащее лично ему, занимает свое определенное место и играет свою определенную роль.

Из этого общего постулата следовали выводы, так или иначе разделявшиеся различными учениями. Поскольку мир прекрасен и совершенен, зло чаще всего рождается неведением естественно предопределяющих добро законов природы, и искоренить его можно, познав эти законы и следуя им. Человек знающий, мудрый будет лучше, чем незнающий, а потому заблуждающийся. Чем он будет лучше, добродетельнее, тем ближе он будет стоять к совершенной природе, а значит, тем более он будет счастлив. Счастье же есть естественное состояние человека, как и любого другого существа, составляющего часть блаженного в своей гармонии целого. Наиболее блаженны боги, ибо они, находясь в непосредственной близости к первоисточнику гармонии и красоты, наиболее мудры. Люди, занимающие в мировой иерархии следующее место после богов и полубогов, обретут счастье и красоту по мере приближения к богам. Знание, мудрость, добродетель, красота и счастье сливались таким образом в единое целое.

Таков был в общем исходный пункт. Споры шли по вопросам, связанным с его интерпретацией и практическим приложением. Какова та первооснова, которая сообщает единство космосу? Материальна ли она, или нема-

терпальна, и каким образом в обоих случаях она, будучи простой единой целостностью, порождает множественность реально существующих, сложных, многообразных количественно и качественно предметов? Безграничен или ограничен во времени и пространстве мир, был ли он некогда создан и со временем погибнет, чтобы смениться новым, восходящим к той же первооснове миром, или он не создан и вечен? Материальна ли и смертна душа человека, или нематериальна и бессмертна? Управляют ли жизнью мира и людей некие фатальные необходимые законы, или наряду с определенными законами и цепью обуславливающих друг друга причин и следствий действуют также случайность, свободная воля, свободный выбор и соответственно налагаемая ими на человека ответственность за свои поступки? Вмешиваются ли боги в дела мира и людей или мир подчиняется своим собственным, заложенным в нем закономерностям, а люди сами строят свою жизнь? В чем состоит то счастье, к которому естественно должен стремиться человек, какими путями может он его достичь, какими правилами должен руководствоваться, чтобы исполнить свое предназначение как человека, занимающего определенное место в системе космоса?

С этими общефилософскими проблемами непосредственно смыкались и переплетались проблемы политические и этические. Каково должно быть устройство государства, миниатюрного отображения, так сказать, модели космоса, в котором также взаимосвязаны единство и множественность, общее и частное? Каковы взаимные обязанности и права гражданской общины и гражданина? В чем основы господства и подчинения, равенства и неравенства, свободы и рабства, даны ли они изначально самой природой, или установлены законом, т. е. другими словами, являются ли все эти отношения естественными, а потому и неизменными, извечными, или их можно изменить и судить о них по своему разумению?

Все эти проблемы горячо обсуждались в Греции и эллинистических странах, где с ними познакомились римляне. Как гражданам города-государства, воспитанным на его традициях, им были близки исходные положения, развитые греками, хотя многое, выработанное под влиянием более сложных социально-политических отношений эллинистических монархий еще было им недоступно. Зато

под влиянием греческой мысли получает новое развитие и обоснование центральная для их мировоззрения идея Рима.

Попытки ранних историков реабилитировать в глазах греков римскую политику особого успеха не имели. Анти-римская оппозиция оставалась очень сильной. Римляне обвиняли в агрессивности, жестокости к побежденным, кровожадности, грубости. Римские же историки были недостаточно изощрены в искусстве полемики и философских обобщений, чтобы найти общий язык с греками и опровергнуть эти далеко не лишние основания обвинения. Посредником между обеими сторонами выступил теперь грек Полибий. Человек всесторонне образованный, видный деятель у себя на родине, он в 166 г. до н. э. в числе других греческих заложников попал в Рим, где провел долгие годы как наставник и друг Сципиона Эмилиана. Здесь он пришел к убеждению, что римские завоевания имеют глубокие причины, не только объясняющие, но и оправдывающие их. Свой обширный, в сорока книгах труд по всеобщей истории он написал с целью обосновать свою точку зрения³. Сделать это, по мысли Полибия, нельзя было, рассматривая только историю отдельных государств, а тем более отдельных войн, ибо таким методом можно установить лишь поводы, а не глубокие первопричины тех или иных событий, взаимосвязанные как между собой, так и с предшествующим положением дел. Понять их можно, лишь изучая всемирную историю, так как история должна не развлекать, а поучать читателя, помогать ему, руководствуясь прошлым, ориентироваться в современности, не отчаиваться при самых неблагоприятных обстоятельствах и видеть за внешними проявлениями внутренний смысл.

В соответствии со своим замыслом Полибий, охарактеризовав предысторию взаимоотношений эллинистических царств, Рима и Карфагена, переходит к подробному синхронному изложению истории войн того полувека (от Второй пунической войны до завоевания Римом Македонии), за который, по словам Полибия, римляне создали державу, не имевшую себе подобной.

Чем же объясняются успехи римлян? спрашивает Полибий. Преимуществами их государственного строя, отвечает он. В соответствии с греческими политическими теориями он говорит об извечном круговороте государств-

венных форм. Первая из них, царство, возникает, когда люди переходят от примитивной к цивилизованной жизни. Оно благотворно, когда царь правит справедливо, для общего блага. Но постепенно царство вырождается в монархию, или тиранию, когда правит уже не тот, кого выбирал народ, а царь, получивший власть по наследству и поставивший себя над народом и законом. Против него восстают тогда «лучшие» (аристократия) и устанавливают свое правление. Оно хорошо, пока аристократы действительно лучшие из граждан и заботятся об общем благе. Но постепенно их наследники развращаются, забывают о свободе и равенстве, превращаются в олигархию (правление немногих) корыстную и распутную. Народ свергает олигархию и учреждает демократию. Она сильна, пока граждане чтят богов и повинуются законам. Но со временем среди народа выдвигаются честолюбцы, ставящие себя выше других. Они развращают народ, толкают его на беззакония, демократия превращается в охлократию («власть черни»). Воцаряются беспорядок и хаос, пока власть не возьмет в руки новый монарх, и цикл начинается сначала ⁴.

Противоядием этой нестабильности государственных форм, по мнению Полибия, может служить соединение всех элементов в должной пропорции, обеспечивающей их равновесие. Спартанский законодатель Ликург достиг этого рассуждением, римляне — опытом. Консулы представляют у них монархическое начало, сенат — аристократическое, народное собрание — демократическое. Взаимоограничивая и контролируя друг друга все эти органы власти, каждый отдельно и все вместе, работают на общую пользу, проявляя редкое единодушие, когда государству грозит опасность. Политический строй Рима обеспечивает и высокие нравственные качества граждан, воспитанных на примере доблестных предков. Умелое сочетание наград и наказаний в армии, железная дисциплина, с детства внушенное представление о бесчестии, постигающем не только отступившего, но и попавшего в плен воина, делают римскую армию непобедимой. Участие всех граждан в экономической жизни государства сплачивает их. Пронизывающее всю общественную и частную жизнь почитание богов сдерживает бесчестные желания. Все это вместе взятое и дало римлянам беспрецедентную и оправданную власть над миром, над теми народами, у кото-

рых как нравы общества, так и частных лиц далеки от совершенства. Но и римлянам угрожает упадок, так как у них, переживших многие опасности и достигших безусловно благополучия, стало развиваться стремление к роскоши, а с ним корыстолюбие, властолюбие, которые неизбежно приведут к смутам и беспорядкам.

Труд Полибия показал римлянам их историю под новым углом зрения. Если раньше ее основной движущей силой для них были добродетели римского народа, то теперь прибавился новый и гораздо более важный и глубокий фактор — совершенство созданного ими государственного строя. Он, единственный из всех, воплощал идеал гармонии и соразмерности, даваемый людям самой природой, воспроизводил вечную гармонию космоса. Идея Рима и его миссии получала новое историко-философское обоснование, органически включалась в тот общий фонд философских, мировоззренческих положений, о которых речь шла выше. И вместе с тем в центре внимания оказывалась проблема государственного строя, столь же актуальная для римлян конца II—I вв. до н. э., как и для греков конца V—IV вв. до н. э. в связи с надвигавшимся кризисом города-государства.

Сопровождавшие его острые конфликты, хозяйственная разруха, жестокие репрессии тех, кто побеждал в гражданских войнах, против побежденной стороны, дезорганизация политической жизни, разорение одних и быстрое обогащение других, возрастающая тяга к роскоши и крайняя нищета на другом полюсе, передвижение населения с места на место, ослабление старых связей — все это, естественно, оказывало сильное влияние на культуру и идеологию, на самый стиль жизни.

Немалое значение имело и развитие рабства, т. е. появление массы людей, принимавших непосредственное участие во всех сферах жизни общества, но стоявших вне его институтов, целей, ценностей, имевших возможность улучшить собственное положение, но не действовать во имя каких-то коллективных общих целей, направлять свою деятельность и пользоваться ее результатами. Все это были элементы «отчуждения»⁵, несвойственного античной гражданской общине с ее совпадением понятий «гражданин», «воин», «собственник», т. е. непосредственный участник экономической и политической жизни коллектива сограждан. Огромную роль рабства в развитии

аштичного мировоззрения совершенно не учитывают сторонники всех видов модернизаторских и циклических концепций, в результате чего остается нераскрытой важнейшая специфика этого мировоззрения.

С умножением числа рабов и усилением имущественной дифференциации свободных «отчуждение» начало проникать и в другие слои общества. Развиваются эгоизм и индивидуализм, собственные суждения предпочитают общепринятым, личную выгоду — коллективным интересам. Традиции отступают перед поисками собственных решений возникавших новых актуальных проблем.

Этому способствовало и значительное расширение круга лиц, так или иначе приобщившихся к образованию, в пользу которого теперь уже никто не сомневался. Появилась, напротив, настоятельная потребность в образовании: о какой бы профессии ни заходила речь, неизменно подчеркивалось, как много нужно знать, чтобы успешно ею заниматься. Оратор, по мнению Цицерона, должен изучать не только искусство красноречия, риторику, но и философию, право, литературу, человеческую природу, чтобы уметь воздействовать на аудиторию⁶. Автор трактата по архитектуре Витрувий утверждал, что архитектор помимо строительного дела должен разбираться в астрономии, медицине, философии, истории, мифологии⁷. Знаменитый римский ученый Варрон, написавший, между прочим, и труд по сельскому хозяйству, считал, что хозяин имения обязан знать агрономию, медицину, ветеринарию и астрономию, хотя бы в той мере, в какой это необходимо для определения начала тех или иных земледельческих работ⁸. Всякий мало-мальски обеспеченный человек посылал детей хотя бы в начальную школу грамоты и счета. О широком распространении грамотности свидетельствует значительное число надписей позднереспубликанского времени — посвящений богам, строительных надписей, эпитафий и т. п., сделанных простыми людьми и рабами. Молодых людей из более состоятельных семей обучали литературе и риторике, а окончательную шлифовку они получали в каком-нибудь греческом или малоазиатском городе, слушая там лекции прославленных ораторов и философов разных школ.

Каждая из этих школ имела теперь в Риме своих представителей и последователей. Наиболее распространены были школы эпикурейцев, стоиков и академиков, соеди-

нявших положения Платона и Аристотеля, хотя в значительно модифицированном виде.

Об эпикурействе на римской почве мы знаем из поэмы знаменитого философа-эпикурейца I в. до н. э. Лукреция «О природе вещей»⁹. Свою цель Лукреций видел в борьбе со страхом перед богами и посмертной судьбой души, страхом, порабощающим человека и толкающим его на многие преступления. Боги существуют, но бесстрастные и невозмутимые в своем совершенстве, они не вмешиваются в дела людей. Чтобы доказать этот тезис, Лукреций дает естественное, основанное на движении атомов — первичных неделимых частиц материи — объяснение функционирования космоса и его частей: небесных светил, земли, растений, животных, людей. В своем вечном движении несозданные и неразрушимые атомы, сталкиваясь и соединяясь, образуют все многообразие явлений природы. Их соединения то возникают, то снова распадаются в бесконечной вселенной с бесконечным множеством гибнущих и воссоздающихся миров, среди которых земля занимает очень скромное место. Душа человека, как и весь мир, материальна, она уничтожается со смертью, и потому бояться смерти бессмысленно. Бессмысленно также, как это свойственно многим философам, сомневаться в достоверности свидетельств наших органов чувств. С их помощью мир может быть познан таким, каков он есть в действительности.

В противоположность наиболее распространенным во все периоды античности теориям исторического регресса, т. е. движения от первобытной эпохи, так называемого золотого века, когда люди жили счастливо без трудов, неравенства и конфликтов, к современному античным философам полному всяческих бедствий «железному веку», и теориям круговорота, циклической смены веков, Лукреций выдвинул теорию прогресса природы и человечества. Простые растительные и животные формы предшествовали более сложным: менее приспособленные вымирали, более приспособленные выживали, хотя и в их строении далеко не так все целесообразно, как считают те, кто верит в акт божественного творения. Самое сложное и высокоразвитое животное — человек — появился последним. Вначале люди жили, как звери, не имея ни семьи, ни законов, ни искусств и ремесел. Научившись добывать огонь, они сделали первый шаг к более культур-

ной жизни, а создав семью, поняли необходимость объединения, чтобы дать детям более надежную защиту. Сперва ими правили наиболее сильные — цари, затем подчиненные законам — магистраты. Мощным орудием объединения людей было развитие языка. Наблюдая за явлениями природы, люди научились возделывать землю, добывать и плавить медь, а потом железо. Так, постепенно подражая природе, они развили все ремесла и искусства сами, без вмешательства богов, которых многие считают первыми учителями людей. Но все еще плохо понимая законы природы, пугаясь грозных явлений, видя необъяснимые сны, люди создали богов и стали их чтить. Страх породил и богов, и дикие, подчас жестокие обряды, выгодные лишь лживым жрецам. Только избавившись от страха, человек станет жить счастливо и справедливо, направляя волю и ум на дальнейшее познание мира.

Лукреций мало останавливался на вопросах этики, хотя именно они в это время привлекали наибольшее внимание, так как были непосредственно связаны с одной из основных для античного человека проблем — проблемой достижения счастья. Простым и общепонятным идеалом был приводимый Цицероном в пример Цецилий Метелл, исполнявший все почетные магистратуры, отличившийся как полководец, удостоенный триумфа, достигший богатства и всеобщего уважения и умерший в глубокой старости, окруженный сыновьями и зятьями, которые также были консулами и триумфаторами. Но достижение подобного идеала счастья являлось уделом единиц, большинство же страдало от многочисленных бедствий и неустойств. Весьма распространены были поэтому различные трактаты на тему о том, как может утешиться человек, если его родной город взят врагами, его близкие погибли, сам он попал в плен и продан в рабство, если из богача, обладавшего властью, он стал бедняком и изгнанником, если он бедствует, хотя живет честно, тогда как другой, попирающий все законы, благоденствует. В этих трактатах между строк звучали вопросы, как могут боги, если они вообще существуют (что при таких обстоятельствах сомнительно), допускать подобную несправедливость? И зачем вообще надо следовать каким-то этическим нормам, когда в большинстве случаев власти, почестей и богатства достигают ни перед чем не останавливающиеся негодяи? Не свидетельствует ли это о том,

что полезное никак нельзя примирить с честным, что выгода и добродетель несовместимы и что всегда приходится делать между ними выбор? Исконные, традиционные, простые представления, в соответствии с которыми гражданин, не рассуждая, исполнял свой долг перед согражданами, неизбежно стали колебаться, когда плодами его трудов и жертв стала пользоваться не вся гражданская община, а лишь незначительная ее часть, когда Почесть — Нопор стала уже не заслуженной наградой за Мужество — Virtus, а уделом своекорыстных, жестоких честолюбцев.

Ответить на все волновавшие общество вопросы можно было лишь введя некий новый критерий счастья, заимствованный у греческих философов, живших в такие же кризисные периоды своих родных городов. Счастье, учили эпикурейцы, состоит в отсутствии физических и душевных страданий, в бесстрастии, дающем покой, в приятных ощущениях, доставляемых скромными радостями простой жизни, дружеского общения с единомышленниками, в спокойной мудрости, ясной и невозмутимой, в познании мира и его законов. Мудрый человек не будет порочен хотя бы потому, что порок влечет за собой страх разоблачения и наказания, несовместимый со счастливой безмятежностью. Мудрый, зная, что излишек в наслаждениях всегда в конце концов приведет к страданиям, жертвует ими ради покоя, побеждает свои страсти и довольствуется лишь самым необходимым. Добродетель, так же как и мудрость, сама по себе дарует наслаждение, освобождая от страхов и предрассудков. Добродетель полезна, так как дает возможность избегать неприятных ощущений и испытывать приятные ощущения даже и при неблагоприятных внешних обстоятельствах. Полезна и дружба, которую эпикурейцы считали самой высокой формой человеческих связей. Полагая, как Лукреций, что люди объединились в обществе и государстве для собственной пользы, они не видели в последних чего-то священного, обязательного, стоящего над человеком. Мудрец в случае крайней необходимости должен был помогать отечеству, но при нормальных обстоятельствах никоим образом не вмешиваться в политику и не гнаться за суетными почестями и материальными благами. «Живи незаметно», таков был основной, воспринятый широкой публикой «лозунг» эпикурейцев, разделявшийся в Риме того времени многими уставшими от бурных политических пертурбаций богатыми и образованными людьми,

а также многими плебеями, для которых государство, представленное теперь фактически сенатом, становилось лишь досадным претендентом на их имущество и труд.

Для активных участников событий, главным образом из сенатской знати, концепция эпикурейцев была неприемлема. Здесь наибольшее распространение получили идеи стоической школы, издавна имевшей приверженцев среди римской знати.

Счастье, согласно учению стоиков, состоит в развитии и совершенствовании того, что природой дано и заложено в человеке, как и во всяком ином существе, имеющем свою природу и действующем согласно с ней. Так, например, лошади свойствен быстрый бег, и чем более развивается это ее свойство, тем более она будет отвечать своему назначению. Человеку от природы присуще стремление к знанию, к единению с себе подобными не из соображений пользы, а потому, что человек по самой своей сути существо общественное, ему присуще стремление к добродетели, деятельности на благо других людей, к самосовершенствованию. Если большинство людей недобродетельно, то это объясняется тем, что они испытывают влияние неправильных суждений окружающих невежественных лиц, не знающих, в чем состоит истинное назначение человека, вследствие чего их душа как бы заболевает, испытывая различные страсти, желания, аффекты, здоровой душе несвойственные. Знающий и мудрый неизбежно приходит к убеждению, что единственное счастье дает выполнение своего долга и добродетель. Он знает, что природа, бесконечный космос, вне которого ничего нет, включает, с одной стороны, действующее начало, силу, форму, а с другой стороны — материю, испытывающую воздействие этой силы и получающую форму. Живое существо состоит из силы или души и материи, взаимно проникающих, неразделенных. Все существующее в мире многообразие порождается комбинацией простых элементов: земли, воздуха, воды и огня. Создаваемые ими формы преходящи, но сама материя исчезнуть не может — она вечна и бесконечна. Все сущее в мире — части космоса, объединенные высшим, совершенным разумом, душой природы, высшим божеством. Все в нем регулируется высшей необходимостью, и только по незнанию всей цепи причин и следствий человек считает что-либо происходящее неожиданным и случайным. Чувственные восприятия отражают мир таким, каков он есть,

и позволяют уму познавать его, идя от вещей воспринимаемых к невоспринимаемым. Без этого не могли бы существовать ни наука, ни философия, ни искусство, ни ремесла. А главное, не могла бы существовать и добродетель без точного знания того, что соответствует природе. Действовать можно, лишь видя правду, имея точный критерий для ее определения.

Добродетель, по мнению стоиков, изучается как наука, ибо человек становится добродетельным, если ему разумно доказать, что добродетель сама по себе прекрасна, независимо от какой-нибудь пользы, что он родился не для себя, а для родины, для близких. Познавая красоту и упорядоченность природы, человек старается действовать и говорить соответствующим образом. Сила природы и добродетели столь велика, что даже эпикурейцы, ставящие во главу угла пользу, все же поступают согласно долгу, а люди, не верящие в бессмертие души, гибнут за родину и трудятся не только для современников, от которых могут ждать похвал, но и для потомков. Они, хотя бы и бессознательно действуют так потому, что в них заложено представление о единстве космоса, общего полиса людей и богов, благо которого как целого предпочтительно благу каждой отдельной его части, каковой является каждый из нас. Не страх разоблачения и наказания делает человека добродетельным — ведь такой страх испытывают лишь слабые и робкие, а не сильные и дерзкие, — но сознание, что поступивший плохо, поступил не так, как подобает мудрому и порядочному человеку. Добродетельный же всегда испытывает счастье независимо ни от каких внешних обстоятельств. Они могут задеть его тело, но не его внутреннее «я». Так мудрый освобождается от страха и зависимости от того, что его окружает. Для него существует лишь добродетель и порок, все остальное — вещи для него безразличные.

Однако это не означало, что мудрец стоиков считал себя стоящим над остальным человечеством, что он в какой-то мере уподоблялся «сверхчеловеку» буржуазной культуры. Напротив, мудрость должна была первым делом сообщить ему знание его неразрывной связи, единения с душой и разумом мира и всех его частей, знание управляющих миром законов. Познав их, он уже не просто в силу слепого повиновения необходимости, а добровольно и сознательно будет служить этому целому, сле-

довать его законам, исполняя свой долг на предназначенном ему месте. Вместе с тем повиновение необходимости не означало отрицания свободы воли: необходимость обуславливается цепью часто неизвестных людям причин, но причины есть главные и неглавные. К последним относятся и те, которые обуславливают побуждения человека, заложенные в нем самом и подчиняющиеся его воле. Тот, кто по своей свободной воле подчиняется познанной им природной необходимости, кого она не влечет за собой насильно, а ведет, тот и будет вечно блаженным мудрецом.

Стоицизм привлекал римскую аристократию своей строгой концепцией добродетели, соответствовавшей исконным римским традициям. Но многих бескомпромиссный ригоризм стоиков отталкивал и они предпочитали более мягкое учение академиков. К ним принадлежал и Цицерон, много сделавший для пропаганды греческой философии среди римлян. В периоды вынужденного безделья, по временам прерывавшие его политическую деятельность, он писал сочинения, в которых в доступной форме излагал доктрины основных философских школ¹⁰.

Академики в известной мере склонялись к скептицизму, отвергая возможность познания на основании свидетельства чувств, поскольку нет якобы никакого критерия для проверки их правильности. Так, например, солнце мы видим маленьким, тогда как на самом деле оно очень велико, больному мед кажется горьким и т. п. Кроме того, чувства отражают лишь вечно меняющееся, преходящее, возникающее и гибнущее. Их показания порождают лишь мнения, а не истинное знание. Познать изначальное, простое, непреходящее можно только умом, благодаря способности логически рассуждать. Но поскольку можно доказывать прямо противоположные постулаты, не нарушая цепи логических связей, то и знание, даваемое умом, в общем ненадежно. Непаром существует столько различных мнений по любым вопросам начиная от величины солнца, обитаемости луны, природы богов, и кончая тем, что есть высшее благо. Поэтому, поскольку чувства несовершенны, а разум слаб, следует руководствоваться тем, что представляется наиболее вероятным. Не отрицая того, что человеку следует жить согласно велениям природы, они указывали, что, поскольку человек состоит из души и тела, то, хотя душа, несомненно, возвышеннее тела и призвана

повелевать им, как господа повелевают рабами, тело имеет право на удовлетворение своих потребностей, а значит, и внешние блага отнюдь не безразличны, как считали стоики. Правда, добродетель стоит на первом месте, но для достижения полного счастья нужны также телесное здоровье, сила, красота, хорошее происхождение, обеспеченность, дающая досуг для занятий наукой и философией, для самосовершенствования. Ведь не может, как писал Цицерон, выйти что-нибудь благородное из мастерской ремесленника или лавки мелочного торговца¹¹.

Сам Цицерон, разделяя некоторые основные взгляды академиков, вместе с тем, как римлянин, модифицирует их, ставя во главу угла положение о долге человека служить обществу, т. е. Риму. Он выступает против тезиса эпикурейцев о том, что мудрец не должен вмешиваться в политику. Пусть его ясное спокойствие будет нарушено пререкательством с имеющими власть негодяями, пусть попытки исправить людей, причиняющих друг другу больше зла, чем любие звери, обречены на неудачу, все равно, хороший человек должен сделать все возможное, чтобы защитить государство от порочных людей, ибо человек наиболее близок к богу, когда основывает новые города и защищает уже существующие. Республика — дело народа, соединившегося в общем согласии и для общей пользы, но не из слабости, как полагают эпикурейцы, а в силу естественного стремления к единению с другими людьми, соблюдению законов и справедливости.

Некоторые считают, что польза и справедливость несовместимы, что Рим, подчиняя себе народы, руководствовался не соображениями справедливости, а своей пользой. Но, возражает Цицерон, подчинение одного народа другому оправданно и справедливо, если оно во благо подчиненного, неспособного жить самостоятельно, и если господство умеренно и нетиранично, подобно господству бога над людьми, души — над страстями. Человек не может считаться мудрым и добродетельным, если не служит родине, так как пассивной, оторванной от пользы сограждан добродетели быть не может, она извращается и переходит в свою противоположность. Так, например, если сила и величие духа не соединены с желанием быть полезным родине, они приводят к честолюбию, жажде власти, борьбе за власть, насилию и беззаконию. Благородное стремление возвышенного духа к свободе приводит

одних к тому, что они, дабы никому не повиноваться, уходят из города и живут незаметно, довольствуясь малым, а других к тому, что они рвутся к богатству и власти, чтобы повелевать, а не подчиняться. Но настоящий философ не должен идти ни по первому, ни по второму пути, ибо что же станет с государством, если мудрые и хорошие люди начнут им пренебрегать? Не может быть сама по себе самоцелью и наука, она бессмысленна, если не на пользу людям. Великие философы воспитывали великих граждан, а последние ничего не могли совершить без помощи других людей. Наука должна прежде всего сообщать знание того, что справедливо, как надо жить, воздавая каждому должное, никому не вредя и не покушаясь на чужое.

Отвечая на требования бедноты произвести передел земли и сложить долги, Цицерон доказывал, что всякий, живущий в обществе, должен помогать людям, но ни в коем случае не за счет другого. Покушение на чужую собственность противоречит природе больше, чем бедность, болезнь и смерть, так как природа создала людей для жизни в обществе, основанном на законах, но на законах, служащих интересам порядочных людей, а не изданных порочными тиранами.

Повиноваться справедливым законам обязаны все люди, особенно римляне, предки которых создали самую совершенную в мире республику. Следуя за Катонам, Цицерон подчеркивает постепенность становления римских государственных институтов, в создание которых вложили свой труд и ум многие цари и государственные деятели Рима. У Полибия он заимствовал идею смешанной формы правления как самой стабильной и обеспечивающей большую свободу и равенство прав. Равенство же статусов и состояний, по его мнению, невозможно и даже несправедливо, так как уравнивало бы негодяев с порядочными людьми. Вместе с тем он дает понять, что аристократия предпочтительнее демократии, так как народ, лишенный узды, портится и вырождается. Историю Рима Цицерон толкует как борьбу «столпа республики» сената с мятежным плебсом и представлявшими его народными трибунами, из которых он особенно осуждает положивших начало «своеволию народа» Гракхов.

Философские воззрения Цицерона и его аристократическая политическая направленность как в некоем фокусе

сливаются в нарисованном им образе «идеального героя» Сципиона Эмилиана, который привлекал его не только как утонченно образованный «филэллин», герой Третьей пунической и ряда других внешних войн, но и как последовательный противник Гракхов. В изображении Цицерона Сципион Эмилиан, великий политик, неустанно трудившийся на благо государства, стремившийся сделать своих сограждан богатыми, могущественными, счастливыми и добродетельными. В вещем сне ему явился его предок Сципион Африканский и открыл, какая награда ожидает самоотверженного борца за благо республики. Всякий, кто расширил границы своей родины, помог ей, спас ее, получает приготовленное для него на небе место, ибо с неба спускаются те, которым предназначено самое великое, что есть на земле, — управление общиной граждан. Во сне Сципион увидел небесные сферы луны, солнца, планет, звезд, вращающихся вокруг земли, и самую землю, ничтожно малую по сравнению с небесными светилами. Земная слава преходяща, но неуклонно следующий по пути добродетели обретает истинную и вечную славу на небесах среди душ тех, кто служил родине. Служение Риму отождествляется здесь со служением космической гармонии: оба Сципиона благодаря своим подвигам во имя Рима познавали тайны космоса, приобщались к его вечности и высшему единству. Так, «римский миф» становится органической частью общефилософских положений.

Разнообразие философских воззрений было лишь одним из проявлений общего раскола прежде монолитного гражданства; раскол этот имел место во всех сферах культуры, в первую очередь в интерпретации наиболее актуальных для современной политической борьбы вопросов истории Рима¹². Мы уже видели, как смотрел на нее идеолог сенатской знати Цицерон. Совсем по-иному оценивал римское прошлое представитель средних слоев историк Саллюстий, активный сторонник Цезаря, противник партии сената¹³. И для него римское прошлое — достойный подражания образец. Но теперь государство пришло в упадок и неминуемо погибнет, если не произойдут коренные перемены. Причины упадка — ужасающая порча нравов, задевшая и плебс, но особенно сильно поразившая знать — нобилитет. Подкупный, развратный, своекорыстный нобилитет всегда был врагом народа, отвоевавшего себе свободу в эпоху борьбы патрициев и плебеев. Рим был велик,

пока оставался сильным и свободным плебс и его представители — народные трибуны, государство крепло благодаря его победам. Власть народа и страх перед сильными внешними врагами держали знать в узде, но когда был разрушен Карфаген, сдерживающее начало исчезло. Жажда власти и богатства стала проявляться все более открыто. В стремлении к ним аристократы разорили и развратили подачками граждан, утративших завоеванную ими когда-то свободу. И все же только народ представляет собой силу, еще способную спасти Рим. Его задача вернуть себе свободу и власть, узурпированную нобилитетом. Он должен осознать свою силу, вспомнить, что все решения консулов и сената имеют значение лишь пока они их выполняет, действовать так же активно, как некогда боровшиеся с патрициями плебеи или как позже Гракхи. Тогда он сбросит цепи рабства, займет подобающее ему место и возродит государство.

Однако для Саллюстия, несмотря на его демократизм, «народ», это скорее средние слои и в первую очередь мелкие землевладельцы, составлявшие некогда основу городогосударства, а не тот реально существовавший тогда городской плебс, который в последние десятилетия республики наиболее активно выступал против сената и который для Саллюстия был таким же результатом разложения древней республики и порчи нравов, как и нобилитет.

К сожалению, о чаяниях этого плебса мы можем судить лишь по очень скудным и отрывочным данным. Видимо, в его среде особенно популярны были по-новому осмысливавшиеся предания о римских царях, якобы боровшихся с сенатом за права граждан. Наибольшей популярностью пользовался царь Сервий Туллий, по легенде сын Лара и рабыни, т. е. и сам раб, достигший царской власти вопреки сенату, раздавший народу землю и тем сделавший его действительно свободным, учредивший народный праздник в честь ларов — компиталии. К концу республики компиталии стали символом свободы плебса, и когда сенат попытался запретить и распустить группировавшиеся вокруг культа ларов квартальные коллегии, включавшие рабов и плебеев и игравшие очень большую роль в политической жизни, начались волнения плебса. Приписывавшаяся Сервию Туллию реформа, согласно которой римляне стали делиться не на основании их принадлежности к тому или иному роду, а по размерам их имущества, тол-

ковалась как желание царя-народолюбца дать возможность выдвинуться каждому не в силу знатности происхождения, а благодаря собственной энергии и заслугам. По-иному, чем у Цицерона, толковалась неприкосновенность чужой собственности: древние боги и сам Юпитер карали и предавали проклятию богачей, захватывающих землю бедняков. Такие насильники нарушали и справедливость и свободу граждан, а следовательно, передел земли есть лишь восстановление справедливости.

В среде трудящейся бедноты складывались или приобретали новое звучание легенды об услугах, оказанных государству рабами и рабынями, о рабском происхождении Ромула и других царей — персидского царя Дария, первых царей Македонии, правителя Сицилии Гиерона II, о богах, бывших некогда людьми и терпевших тяготы рабства — Геракле, Либере-Дионисе. Отсюда делался вывод, что ни для простого человека, ни даже для раба не должно служить препятствием его происхождение и положение, если он достоин лучшей доли; всякому должен быть открыт широкий путь. Особым почитанием плебеев и городских рабов пользовалась считавшаяся возлюбленной Сервия Туллия богиня судьбы Фортуна, которая могла в соответствии с заслугами низвергнуть могущественного и возвысить униженного. Из добродетелей особенно ценились *Mens Bona* (Стойкость разума), делавшая человека непоколебимым и активным в самых неблагоприятных обстоятельствах, Надежда и Свобода, означавшие для простого народа именно то уравнение не только в правах, но и в состоянии и статусах, против которого возражал Цицерон. Напротив, крайне пугавшая Цицерона и его единомышленников власть «тиранов», которые видели в ней антипод свободы, возможно, под влиянием практики греческих «тиранов», изгонявших богатых и знатных, раздававших их имущество беднякам и освобождавших рабов, не противоречила пониманию свободы плебеями. Тирани и подобный Сервию Туллию царь для плебса и связанных с ним рабов становились поборниками их прав, защитниками от насилий знати. Бедняки, приносившие жертвы на месте погребального костра убитого сенаторами Цезаря, видели в нем такого же народного вождя-царя, павшего подобно многим древним царям от руки врагов плебса и подобно Ромулу ставшего богом. Прошлое Рима и его система ценностей

оставались в центре внимания всех социальных слоев, но для каждого из них обретали свой особый смысл и получали свою интерпретацию.

Различным стало и отношение к религии. Тяжелая действительность заставляла многих искать в ней утешения. Несмотря на неоднократные запрещения заниматься астрологией и магией, в губительную силу которой верило большинство, даже образованные люди, интерес к этим «тайным наукам» непрерывно рос. К астрологам обращались постоянно такие деятели, как Марий, Сулла, Помпей. Бродячие чародеи и гадатели по дешевке предсказывали будущее плебейм и рабам, составляли для них магические таблички с обращением к различным демонам, имена которых имели особый тайный смысл. С Востока проникали приносимые солдатами культы Изиды, Сераписа, фригийской богини-Матери, связанные с верой в умирающих и воскресающих богов, различными мистериями, в которые посвящали верующих. Претенденты на высшую власть в государстве связывали себя с теми или иными, якобы особо покровительствовавшими им божествами: Сулла — с Фортуной и Афродитой, Цезарь — с Венерой, считавшейся родоначальницей рода Юлиев, Антоний — с Дионисом, Октавиан — с Аполлоном.

Многие ждали каких-то решительных перемен, вмешательства богов в неустроенные земные дела. В народе говорили о предсказаниях, приписываемых древним пророчицам Сивиллам. Начинаявший свою литературную деятельность в последние десятилетия гражданских войн Вергилий Марон одну из написанных им эклог (пасторальных стихов) посвятил золотому веку, грядущему на смену нынешнему железному¹⁴. Его наступление он связывал с рождением некоего божественного младенца. Кого он под ним подразумевал, осталось неизвестным. Христиане впоследствии видели в нем пророчество о Христе; современные исследователи полагают, что Вергилий писал под влиянием восточных учений о пришествии бога-спасителя. К тому же времени относится и одно из стихотворений (эподов) другого, также впоследствии прославленного поэта Горация¹⁵. Настоящее ужасно, писал он, Рим губит себя нечестивыми междоусобицами, и рано или поздно он станет добычей варваров, копыта их коней будут попираť Форум. Надо бежать из проклятого богами города, и, доверившись Океану, искать «острова блаженных», где еще

царит золотой век. Но достигнуть их могут лишь благочестивые люди, которым Юпитер позволит найти там спасение от бедствий железного века.

Стоики, исходя из своей общей концепции взаимосвязи всего в природе, обосновывали возможность предсказаний земных событий по положению светил и другим знамениям. Хотя высшим божеством для них был мировой разум, мировая душа, они признавали и обычных богов как воплощение отдельных сил природы и считали нужным воздавать им должное.

В широкие массы окрашенная восточными влияниями мистика и философские концепции проникали мало. Даже рабы и отпущенники явно азиатского происхождения посвящали свои дары римским ларам, Меркурию, Гераклу, Минерве, Фортуне. Но и в этих слоях отношение к богам изменилось. Оно становилось более личным, непосредственным. Человек уже обращался к богу не только как член какого-то коллектива, а и сам за себя, давал обеты и приносил благодарность за исцеление, удачу, освобождение от рабства. С I в. до н. э. на надгробиях появляются обращения к благодетельным душам умерших — манам — с просьбой быть благосклонным к покойному за его достойную жизнь, которая должна обеспечить бессмертие его душе. Вместе с тем многих сторонников находило и эпикурейское отношение к религии.

Значительное внимание религиозным вопросам уделял и Цицерон. В решении их он колебался. С одной стороны, он отдавал дань астрологическим и стоическим представлениям о сродстве человеческих душ с небесными светилами, к которым они возвращаются после смерти, обретая там за свои заслуги блаженство, как его герои Сципионы. С другой стороны, он признавал, что вопрос о богах сложен и темен, и вполне можно предположить, что богов вовсе нет, и это более последовательно, чем верить в совершенных, но пассивных богов эпикурейцев. Принимая теорию стоиков о возможности предвидеть одно явление на основании другого, Цицерон вместе с тем высмеивал слепую веру в гадание и предзнаменования и доказывал, что не может существовать наука о предсказаниях, так как наука должна основываться на свидетельстве чувств или хотя бы вероятности.

Однако как политик Цицерон считал, что исчезновение веры в богов или излишнее свободомыслие в религиозных

вопросах грозит подорвать основы общества и государства, так как исчезнет связывающая их Pietas. Гражданин обязан исходить из того, что боги существуют, что все в мире совершается по их воле и они видят все мысли и дела людей. Он не должен участвовать в мистериях и культах новых, не признанных государством богов и обязан выполнять установленные обряды в честь своих фамильных богов и богов общегосударственных, небесных — Юпитера, Юноны, Минервы — и принятых в число небожителей за свои добродетели людей — Геракла, Ромула, Либеры-Диониса, — а также в честь тех добродетелей, которые открывают путь на небо, — Virtus, Pietas, Fides, Libertas, Concordia. Ему следует помнить, что души всех людей бессмертны, выдающихся же героев — божественны. Все эти установления, заключает Цицерон, соблюдали предки, сделавшие Рим наилучшей из республик. В этом смысле он солидаризируется с Полибием. Но если, по наблюдению последнего, римляне искренне верили в богов и добровольно руководствовались предписаниями религии, то для Цицерона она лишь сдерживающее начало для простого народа. Человек же образованный должен соблюдать только внешний декорум, особенно занимая должность магистрата или жреца. Сам же он может верить во что хочет или вовсе не верить ни в государственных богов, ни в обожествленные силы и разум природы стоиков, ни в никому не нужных богов эпикурейцев. Эта точка зрения весьма характерна для того времени с его быстро прогрессирующим расколом, отдалением массы граждан от сенатской аристократии, ставившей себя во всех отношениях выше плебса.

Черты эти проявились и в историографии того времени. Историки из знатных родов основной упор делали уже не на освещении деятельности римского народа в целом, а на рассказе о подвигах своих предков, знаменитых консулов и полководцев. Именно они оказывались главной движущей силой возвышения Рима. В их уста вкладывались приспособленные к современным событиям и интересам речи; им приписывались необыкновенные поступки в битвах, в которых римляне теряли не более десяти воинов, а враги по нескольку десятков тысяч. История превращалась в сборники потрясающих воображение рассказов, приближаясь скорее к трагедии, чем к тому вдумчивому, следующему истине изложению фактов, на котором на-

стаивал Полибий. Тогда же появляется и развивается жанр мемуаров крупных политических деятелей, старавшихся представить свои мероприятия и поступки под желательным углом зрения. Таковы не дошедшие до нас мемуары Суллы и поэма Цицерона о его консулате, знаменитые записки Цезаря о галльских и гражданских войнах и составленный Августом краткий перечень его деяний, дававших ему, по его мнению, право на то исключительное место, которое он занял в государстве.

Все это было свидетельством роста в среде римской знати и интеллигенции индивидуалистических тенденций, уже давно дававших себя знать в эллинистической культуре.

Они сказались и на тогдашней поэзии. Кружок молодых поэтов, «неотериков», усиленно культивировал заимствованное у эллинистических поэтов искусство писать поэмы и стихи на мифологические темы, исполненные ученых рассуждений в вычурной, по возможности мало понятной непосвященным форме. Цицерон резко осуждал «неотериков» за их полную, с его точки зрения, бесполезность для общества, но среди светской молодежи они пользовались большим успехом. К их кружку принадлежал и один из лучших поэтов Рима Катулл¹⁶. Он также отдавал дань увлечению эллинистическими образцами, но главной его темой была вначале счастливая, затем несчастная, мучительная любовь к одной из светских «львиц», Клодии, фигурирующей под именем Лесбии. Впервые в Риме любовь, все ее перипетии, радости и страдания заняли такое место в литературе. Впервые поэт решился поставить свою возлюбленную на пьедестал, подобающий лишь богине, и позволил своим личным переживаниям заслонить для него весь остальной мир, порвав в этом смысле со всеми традициями предков.

Вместе с тем тогда же складывается под влиянием греков теория искусства, эстетика, известная нам из сочинений Цицерона и Горация, также во многом расходившегося с «неотериками». В соответствии с философскими воззрениями, о которых речь шла выше, и Цицерон, и Гораций исходили из близости к природе как высшего критерия искусства. В соразмерности и гармонии они видели основу прекрасного, ибо в них более всего проявляется красота и присущие природе целесообразность и польза. Так, в архитектуре красивы колонны, поскольку

они необходимы в конструкции здания, и покатые крыши, дающие сток дождевой воде. Бесполезные колонны и украшения некрасивы. В живописи и поэзии глаз и слух радуется то, что наиболее полно передает характер изображаемого, например прелесть в женщине, суровое достоинство в мужчине. Художник и писатель должны глубоко изучить характеры тех, кого они изображают, будь то консул или раб, старик или юноша. Люди с конскими головами, женщины с рыбьими хвостами, дельфины, сидящие на дереве, красивыми быть не могут, так как все это противостоит природе. Не могут быть красивыми и изображения сцен, чрезмерно поражающих людей своей жестокостью, ибо назначение искусства соединять приятное с полезным. Содержание всегда должно превалировать над определяемой им формой. Но и форма играет большую роль. Если она не соответствует той мысли, которую художник хочет воплотить и передать зрителям или слушателям, эта мысль до них не дойдет. В форме мера не менее важна, чем в содержании, излишняя роскошь красок, богатство музыкальных фиоритур первоначально привлекают, но вскоре приедаются, как приедается слишком сладкое кушанье.

Эти положения эстетики, внимание к личности, к психологии (как мы бы сказали) людей со всем многообразием их характеров и статусов определяли в основном римское искусство и литературу того времени. В изобразительном искусстве помимо подражаний греческим образцам получил распространение скульптурный портрет, творцы которого стремились наиболее реалистически передать индивидуальные черты своего оригинала. Авторы, писавшие для театра, пользовавшегося все большей популярностью, стали обращаться к сюжетам из римской жизни, создавать комедии, отражавшие быт простого народа. Ораторы, выступавшие в народных собраниях и на судебных процессах, не только совершенствовали форму своих речей, но и мастерство характеристик людей и ситуаций. Многие речи Цицерона читаются и до сих пор как «остросюжетные» новеллы¹⁷.

Таковы были основные черты культуры эпохи, соединявшей элементы культур римской и эллинистической в сложном, органически связанном комплексе. Убежденность в красоте и гармоничности космоса, непреложной необходимости, благодетельности его законов и в прови-

денциальной миссии Рима, наиболее совершенного отражения, воплощения космоса в земном государстве были исходным пунктом, интерпретировавшимся по-своему каждым социальным слоем. Отсюда вытекали, во-первых, идея общей космической взаимосвязи, проявляющейся в единстве человечества, и особый интерес как к целостностям, объединяющим людей, так и к отдельному человеку, от природы имеющему право на счастье (счастье тоже понималось по-разному); и, во-вторых, поиски наилучшей, наиболее адекватной человеческой природе, нравам и добродетелям людей государственной формы, наиболее совершенного соотношения целого и частей, или практически — общины и граждан. Отражением кризиса полисной идеологии было осуждение испорченных нравов своего времени, апелляции к традициям «предков», надежда на возможное возвращение «золотого века», мира, благополучия, справедливости, свободы — понятий, толковавшихся различно, но привлекавших всех.

Итак, культура эпохи римской республики зиждилась на специфической идеологии, обусловленной отношениями, присущими античной гражданской общине. Она возникла как система, на базе заложенных в ней возможностей, определявшихся возможностями развития античного рабовладельческого способа производства в целом. Именно его неповторимые особенности определили основы мировоззрения творцов и носителей римской культуры.

КАНУН КРИЗИСА И ЕГО ПЕРВЫЕ СИМПТОМЫ

Установление единоличной власти приемного сына и наследника Цезаря — Октавиана, впоследствии получившего от сената имя Августа, подводило итог тем процессам, которые внешним своим выражением имели гражданские войны, восстания рабов, мятежи в провинциях. Победа Августа над партией сенатской знати была победой экономического наиболее прогрессивного для того времени класса городских собственников, связанных с находившимся еще на подъеме рабовладельческим способом производства и извлекавших основную выгоду из утверждения нового строя.

Однако Август — талантливый государственный деятель и мастер социальной демагогии — принимал все меры к тому, чтобы созданный им строй представлялся благотворительным для всех классов и социальных слоев, чтобы казалось, будто он удовлетворил все их чаяния и надежды.

Как наследник Цезаря, возвысившегося в качестве вождя популяров (сторонников «власти народа» и удовлетворения требований плебса), Август на пути к власти в борьбе с сенатом выступал, между прочим, и под их лозунгами. Став главой государства, он реально удовлетворял ту часть бедноты, которая состояла в армии, раздав 300 тыс. легионерам земельные наделы за счет отчасти конфискованных у его противников, отчасти купленных на государственные средства земель. Для беднейших жителей Рима были утверждены постоянные государственные раздачи зерна и дополнительные раздачи в праздники, по случаю побед, юбилеев и т. п., устраивались театральные представления и цирковые игры, предоставлялся заработок на широко проводившихся строительных работах, в результате которых Август, по его словам, застав Рим кирпичным, оставляет его мраморным.

Заботился он и об идеологическом воздействии на плебс. Формально осуществляя политические чаяния плебса, Август стремился нейтрализовать то, что было в них опасного для правящего класса, и поставить их на службу новому строю. В конце республики, как уже упоминалось выше, весьма острым был вопрос о квартальных коллегиях, группировавшихся вокруг культа ларов и посвященного им праздника компиталий. Сенат их запрещал, как источник смут и волнений, народ требовал их восстановления. Август разрешил квартальным коллегиям функционировать, выбирать из рабов, отпущенников и свободнорожденных плебеев должностных лиц, так называемых магистров и министров, ведавших компиталиями и отправлением культа. Но культ ларов он соединил с культом своего гения (т. е. живущей, по представлениям римлян, в каждом человеке божественной силы), сделав его, таким образом, самым широко распространенным народным культом императора. Кроме того, поскольку плебс утратил свою роль в политической жизни, поскольку законы издавались не народным собранием, а императором и им же фактически назначались государственные магистраты, лишь формально утверждавшиеся сенатом, коллегии перестали быть организациями плебса, имеющими политическое значение, как во времена республики.

В эпоху гражданских войн символом народной свободы была власть народных трибунов (выборных представителей плебса, обладавших правом вето на все действия, наносящие ущерб его интересам). По словам одного оратора-популяра, народные трибуны были страшны для магистратов, так как умеряли их своеволие и всегда были готовы прийти на помощь плебсу, и потому сила плебса в государстве определялась силой народного трибуната. Август, а впоследствии и все его преемники ежегодно облакались властью народного трибуна. Права и полномочия императора мотивировались официально тем, что по законам, принятым относительно его власти, «народ уступил ему и перенес на него свою власть и могущество»¹. Поэтому император стал верховным собственником земли, ранее считавшейся собственностью римского народа, поэтому изданные им законы имели силу законов, принятых на народных собраниях, поэтому те, кто выступал против него, карались по древнему закону об «оскорблении вели-

чества римского народа», некогда направленному против виновных в государственной измене. Император персонифицировал народ, а значит, его власть в государстве как будто осуществляла призывы популяров восстановить суверенитет и свободу народа, ущемленные сенатом. Народу, казалось бы, не оставалось ничего более желать — его требования наконец осуществились.

Вместе с тем, достигнув к концу гражданских войн компромисса с сенатом, Август не только предоставил ему право участия в управлении государством (это была видимость участия) и закрепил за сенатом положение представителей высшего сословия, но и объявил о восстановлении республики и свободы, нарушавшейся различными пытавшимися присвоить власть «тиранами». Он укрепил права крупных собственников на их земли, так что возможность передела земли, постоянно пугавшая их во времена республики, исчезла. Август проповедовал популярные среди знати добродетели: *Virtus* (Мужество), *Pietas*, *Aequitas* (Справедливость) и *Clementia* (Снисходительность). Это должно было свидетельствовать о его верности моральным устоям, составлявшим первооснову «республики предков», и законам, стоящим выше магистратов и правителей, о его стремлении к всеобщему взаимному примирению, близкому по содержанию к Согласию и Справедливости, добродетелям особенно прославлявшимся Цицероном. Смысл Справедливости в официальной пропаганде хорошо вскрыт историком Веллеем Патеркулом, жившим при преемнике Августа — Тиберии. Теперь, пишет он, воцарилась истинная справедливость, ибо могущественный стоит над простым человеком, но не презирает его, простой же поддерживает благородного, но его не боится². Таким образом, должны были утвердиться в обществе согласие и социальный мир, как их понимала знать.

Ко всем сословиям была обращена пропаганда якобы наступившего, наконец, благодаря усилиям и заслугам Августа «золотого века»: кончились войны, настал мир, каждый может спокойно заниматься своим делом, земля снова дает обильный урожай, вознаграждая труд земледельца, все наслаждаются счастьем и спокойствием. С прославлением «золотого века» тесно была связана кампания по возрождению старых добрых нравов, умеренности, сурового трудолюбия, благочестия, уважения к долгу, цело-

мудрия. Август ремонтировал старые храмы, демонстративно соблюдал полузабытые древние обряды, восстанавливал старые жреческие коллегии, с исключительной торжественностью справил так называемые секулярные игры, издревле устраивавшиеся раз в столетие в честь богов, подателей изобилия и счастья. Он издал строгие законы о семье, предписывавшие всем вступать в брак и иметь детей, строго каравшие прелюбодеяние, и требовал, чтобы его домочадцы подавали пример строгой простой жизни.

На деле истинное положение вещей было далеко не таким благополучным, как пытались это представить Август и его сторонники. Широкие массы городского плебса продолжали жить в нищете. Многие крестьяне лишились во время гражданских войн и конфискаций своих участков и вынуждены были перейти на положение арендаторов. Жесточайшие меры были приняты для подавления недовольства рабов. Многие рабы, бежавшие во время гражданских войн, были казнены. По изданному в правление Августа закону в случае убийства господина всех рабов, находившихся в его доме, пытали и казнили. Ограничен был отпуск на волю рабов, особенно «неблагонадежных». В провинциях, несмотря на некоторые ограничения произвола наместников, по-прежнему вспыхивали мятежи обремененного поборами и повинностями населения. Особенно опасными для римлян были с трудом подавленные восстания в Паннонии и Далмации и восстание прирейнских германских племен, нанесших сокрушительное поражение римским легионам.

Но все же политика Августа находила положительный отклик среди мелких и средних землевладельцев, считавших, что Август выступает против испорченных нравов нобилитета. В этом духе продолжалось начатое еще Саллюстием обличение богатства и богачей, нажившихся неблагоприятными способами за счет притеснения маленьких людей. Тема эта на все лады разрабатывалась философами, поэтами, авторами сборников риторических упражнений. Кое-что здесь заимствовалось из речей популяров конца республики, но без их острой социальной направленности. Обличаемые богачи были уже не реальные представители нобилитета, а некие абстрактные фигуры. Если они конкретизировались, то представляли обычно в образе разбогатевшего выскочки-отпущенника, удобной и безо-

пасной мишени насмешек и благородного негодования. Кроме того, если выпады против крупных собственников у популяров сочетались с призывом к плебсу восстать против их власти, то теперь этот мотив начисто отпал. Напротив, испорченность нравов служила одним из оправданий сильной императорской власти: порочные люди не могут сами собой управлять, их должен обуздывать полновластный глава государства. Имущественное неравенство стало трактоваться уже не как социальное, а как моральное зло, против которого борется сам император, ратуя за добрые нравы. Как и в вопросе о суверенитете народа лозунг сохранился, но его социальный и политический смысл нейтрализовался общей направленностью социальной демагогии.

Центральной, объединяющей все остальные элементы официальной идеологии идеей была идея величия и вечности Рима и его провиденциальной миссии, слившейся теперь с миссией самого Августа, — господствовать над всеми народами, принося им счастье и мир. «Непобедимый император» и «вечный Рим», начиная с правления Августа и во все время существования империи, были основой ее официальной системы ценностей. Им воздавался почет, их культ принял в Италии и западных провинциях форму культа гения живых и обожествленных умерших императоров, а на Востоке, издавна привыкшем к царям-богам, — форму культа правящего государя. Для обслуживания императорского культа создавались специальные коллегии, так или иначе включавшие все слои населения, от самых знатных до отпущенников и рабов. С императорами и их женами стали отождествлять различных богов и богинь, именовавшихся теперь Августами и Августами. Уже об Августе рассказывали, что он был сыном Апполона. Постепенно учение об изначально высшей, божественной природе тех, кого боги избрали для того, чтобы возвести на престол и сделать своими наместниками на земле, все более укреплялось. Отправление императорского культа во всех его формах стало пробным камнем лояльности подданных, от которых требовалось уже не только исполнение обрядов, но и искренняя вера. Неверие в вечность и божественность императора и Рима стали трактоваться как государственная измена, «оскорбление величества». Связь императоров с религией подчеркивалась и их титулом («Август» — «возвеличенный божеством») и принимав-

шимся всеми ими званием великого понтифика, т. е. верховного жреца, главы культа.

Оформившаяся таким образом, в значительной мере по инициативе Августа, официальная идеология во многом предопределила дальнейшее развитие духовной жизни общества. Утверждая вечность установленного Августом строя, осуществившего надежды и чаяния всех сословий, всех жителей римской державы, апеллируя вместе с тем как к незыблемому идеалу к прошлому, к «предкам», она как бы отрицала возможность всякого движения вперед, всякого прогресса, а следовательно, и лишала жизнь истинной цели, ибо единственной целью и долгом становилось служение раз и навсегда застывшему целому, столь совершенному, что ни в каких дальнейших усовершенствованиях оно уже не нуждалось. Кроме того, то место, которое занял теперь императорский культ, придало религии такое значение, какого она ранее в античном мире не имела. Теперь и признание существующего строя, и оппозиция ему так или иначе должны были принимать религиозную форму, а сама религия, чем далее, тем более, становилась центром духовного творчества, начинала возглавлять все сферы его деятельности и определять их направленность.

Однако все это в полной мере сказалось лишь впоследствии. При Августе, в той или иной мере удовлетворявшем интересы значительно более широких кругов, чем это делало сенатское правительство конца республики, официальная идеология имела не только многочисленных искренних сторонников, но и выдающихся глашатаев среди поэтов и писателей, сделавших время его правления «золотым веком» культуры империи.

Литературой в то время занимались все не чуждые образования люди начиная с самого императора. Теперь, писал Гораций в «Искусстве поэзии», все горят желанием сочинять стихи, юноши и старцы диктуют стихи даже на пиру, и знающие, и невежды всюду постоянно слагают стихи. Ближайшие друзья и соратники Августа — Меценат и Азиний Поллион — писали сами и собирали вокруг себя литераторов, поощряли их, выдвигали, одаривали. Август принимал их у себя, читал их сочинения еще до опубликования, давал советы. Особенно он одобрял произведения, наиболее полно отразившие дух времени, историка Тита Ливия³ и Вергилия, написавшего после «эклог»

поэму о земледелии «Георгики» и знаменитый эпос «Энеиду».

Ливий не был глубоким мыслителем и теоретиком, подобно Полибию. Он не отвергал ни легендарного, ни занимательного, даже зная, что оно не очень отвечало истине. По его словам, он хотел в отличие от других историков, сосредоточивавших все внимание на современности, отвлекаясь от пережитых его поколением бедствий, обратившись к прошлому, тем более что ни одному народу в такой мере, как римскому, не пристало знать свое происхождение, которое он ведет от богов, изначально предназначивших ему власть над миром. Его цель — показать, благодаря каким нравам, образу жизни, искусствам их империя возвысилась настолько, что и сама уже с трудом выносит свое величие. Ни одно государство не было богаче добрыми и святыми примерами, ни в одном так поздно не появились жадность и честолюбие, порождающие смуты. По существу Ливий возвратился к концепции Катона. Из формулы Полибия, принятой Цицероном, объяснявшей возникновение могущества Рима его государственным строем и его нравами, — первая часть выпала, поскольку государственный строй уже обсуждению не подлежал. Философия истории у Ливия сводится к извлекаемой из истории морали. Исчезает и всемирно-исторический подход к прошлому. История — это в первую очередь история Рима, его народа, сената, великих людей, подвигам которых Ливий в отличие от Катона уделял много места. Возродить римские добродетели, считал Ливий, значит упрочить и оправдать господство Рима. Ливий мало рассуждает на страницах своего труда, он иллюстрирует свои мысли вложенными в уста действующих лиц речами. В его творчестве нашел свое наиболее полное и художественное завершение «римский миф», оставшийся в веках именно таким, каким его создал Ливий.

Те же идеи лежат в основе «Энеиды» Вергилия⁴. Она трактует, правда, не всю историю Рима, а лишь легенду о странствованиях троянского героя Энея, закончившихся его браком с дочерью царя латинов Лавинией, который знаменовал союз троянцев с аборигенами Италии.

Философские воззрения Вергилия сходны с теми, которые излагает Цицерон в рассказе о Сципионе. Весь мир проникнут и питает единым духом или разумом, движущим массу космоса и оживляющим тела, в которые нисхо-

дит. Так вызываются к жизни и люди, и животные, и птицы, и рыбы. В них во всех присутствует животворный, идущий с неба огонь, но под воздействием тела он ослабевает, что порождает страх, желания, горе, радость в земных существах. В телесной тюрьме их души слепы, не видят своей небесной родины и, даже выйдя из тела, не сразу освобождаются от зла и пороков, вызванных соединением с ним. Лишь после долгого очищения они могут войти в поля блаженных, откуда затем, испив из источника забвения — Леты, будут посланы в новые тела. Жестоким мучениям подвергаются в загробной жизни души тех, кто ненавидел отцов и братьев, кто обманул доверившихся им клиентов, скупцов, ни с кем не делившихся своим богатством, мятежников, поднимавших нечестивые гражданские войны, и особенно тех, кто изменил родине, за плату предал ее тиранам. Напротив, в полях блаженных пребывают души воинов, погибших в битве за отечество, жрецов, поэтов и всех тех, кто своими искусствами и науками благодетельствовал людей и способствовал их цивилизации. Там ждут они воплощения в новые тела. Отец Энея Анхиз, душу которого Эней увидел, спустившись в загробное царство, показывает ему тех, кому предназначено стать героями Рима, и самого великого из них — Августа, потомка сына Энея Юла, родоначальника Юлиев. Анхиз и пророчица Сивилла говорят Энею о будущем Рима и о его миссии: пусть другие превосходят Рим в искусствах и науках, его назначение — править народами для их счастья, подавлять надменных и щадить покорных.

В «Энеиде» с особой силой дано о себе знание отношение к прошлому, как к залогом и оправданию настоящего, predetermined судьбой и волей богов. Юпитер провел Энея через все испытания, а Эней прошел их, жертвуя личным (например, любовью к Дидоне, царице Карфагена, куда он попал в своих странствиях) ради священного долга, потому что ему предназначалось стать предком основателя Рима Ромула и спасителя Рима Августа. Твердая верность долгу и идее величия Рима сближает Энея с Сципионом Эмилианом Цицерона. Эта основополагающая черта роднит их и с героями старых легенд — Муцием Сцеволой, Децием Мусой и другими. Но образы их усложняются, вписываясь, так сказать, в общеполитические представления о мире. Служа Риму и римскому народу,

они служат и всему человечеству, повинуются правящему космосом закону и в награду познают его тайны и непосредственно приобщаются к его величию, красоте и гармонии, достигая тем высшей мудрости и даваемого ею блаженства. Эней же отличается от Сципиона тем, что он основоположник идеи о миссии Рима, как Август ее воплощение и завершение на вечные времена. Для Цицерона Сципион — образец, которому должны следовать те, кто способствует возвеличению Рима. Для Вергилия кульминационный пункт величия Рима уже достигнут при Августе, история по существу завершена. Цель уже не в движении вперед, а в консервации достигнутого.

«Энеида» стала своего рода «библией» культа Рима и Августа, что в соединении с высокими художественными достоинствами, многочисленными экскурсами в историю древних верований, легенд, обычаев, живо интересовавших поклонников «предков», сделало ее самым популярным произведением как у современников Вергилия, так и у их потомков, преданных идее «вечного Рима». Ее изучали, комментировали, по ней гадали, отрывки и отдельные стихи ее цитировали безымянные авторы эпитафий, их выцарапывали на стенах.

Аналогичной тематике так или иначе отдали дань и другие поэты — современники Августа. Они прославляли его победы, его заслуги, наступивший в его правление мир и начавшееся возрождение. Гораций в «Юбилейном гимне», написанном для хоров юношей и девушек, выступавших на секулярных играх, благодарил богов за дарованное Риму счастье, за вновь вернувшиеся на землю мир, верность, честь, скромность и молил их сделать так, чтобы солнце никогда не увидело ничего более великого, чем Рим, чтобы Август властвовал над всеми народами, побеждая противящихся и милуя побежденных.

Однако тематика поэзии отнюдь не ограничивалась прославлением императора. В это время своего полного развития достигают разнообразные стили и жанры. Введенные в моду Катуллом любовные стихи нашли многочисленных подражателей. Авторам любовных элегий — Овидию⁵, Тибуллу⁶, Проперцию⁷ и другим — не хватало подлинного сильного чувства Катулла, но изящество формы и разнообразие сюжетов обеспечивало им большой успех, особенно среди светской молодежи. Любви были посвящены «Героиды» Овидия — письма знаменитых ми-

фологических героинь к покинувшим их любовникам, любовь играла немалую роль и в его «Метаморфозах», сборнике поэм на мифологические темы о превращении людей в растения и животных, заканчивавшемся рассказом о превращении души обожествленного Цезаря в звезду. Даже в свои «Фасты», поэтическую обработку римского календаря, Овидий в связи с разнообразными версиями происхождения праздников и праздничных обрядов вставил немало эротических эпизодов. Особенно большим успехом пользовалось его «Искусство любви» — остроумная пародия на дидактические поэмы, содержащая наставления, как выбрать, завоевать и удержать любовницу или любовника, обмануть бдительность мужа, утешиться в случае измены. По распространившимся тогда слухам, именно за «Искусство любви» Август, увидя в нем насмешку над своим брачным законодательством, сослал Овидия на берег Черного моря, в страну народа гетов, откуда поэт писал в Рим печальные послания с просьбами о прощении, но так и не дождавшись его, умер в изгнании.

О любви писал и Гораций, но его творчество было глубже и разностороннее, чем его собратьев, сочетая разнообразие ритмов, совершенство формы и языка с философскими раздумьями и меткими наблюдениями. Возможно, тому отчасти способствовал его довольно сложный жизненный путь. Сын небогатого отпущенника, из всех сил старавшегося дать сыну хорошее образование, участник гражданской войны на стороне убийц Цезаря — Брута и Кассия, лишенный в наказание отцовского имения, Гораций после многих бедствий по ходатайству Вергилия был принят Меценатом в его кружок. Он получил небольшую виллу и пользовался дружбой и покровительством Мецената, но, видимо, иногда страдал от зависимого положения и от косых взглядов некоторых светских снобов, презиравших его за низкое происхождение.

Отчасти Горацию было близко эпикурейство, если не вся его сложная натурфилософия, то идеал жизни вдали от суеты, на лоне природы, среди скромных радостей текущего момента, без мыслей о будущем, о неизбежном конце быстротекущей жизни, когда смерть всех уравнивает. Досуг и независимость, простой сельский праздник в кругу домашних рабов, собравшихся у скромного очага, маленькая пирушка по случаю встречи со старым другом — вот что дороже богатства, знатности и высокого по-

дожения и всех связанных с ними забот, волнений и низостей. Лучше всего в жизни — золотая середина, незаметность, ибо молния чаще всего поражает не кусты, а высокие деревья. Мы строим планы, к чему-то стремимся, путешествуем в поисках нового, но все равно не можем уйти от самих себя. Заботы следуют за нами, как за богачом следует всеобщая ненависть, как бы высоко он не поднялся. Эпикурейские мотивы переплетаются у Горация со стоическими. Наилучшая жизнь, говорит он, это жизнь в согласии с природой, без сильных привязанностей к тому, что можно потерять, когда человек довольствуется тем, что имеет, и не желает большего, находя оплот в добродетели, которая не ищет одобрения толпы, черпая удовлетворение в себе самой. Пусть рушится вся вселенная, осколки могут задеть, но не сбить с пути мудрого и добродетельного человека, подобного Гераклу, Ромулу, Дионису, принятых в жилище богов.

По существу Гораций, несмотря на призывы довольствоваться радостями жизни, скорее пессимист, так как не может не видеть противоречий в себе и в окружающем мире и не хочет закрывать на них глаза. Он призывает бежать в деревню от утомительной римской жизни и нервничает, не получив от Мецената приглашения на обед; жаждет независимости и незаметности и добивается похвал и признания. И он не одинок. Восхваляя древнюю простоту, люди уже не могут к ней вернуться. Они чтут добродетель в прошлом и ненавидят ее в настоящем, ибо роскошь безвозвратно убила старые добрые нравы. Мы хуже наших отцов, а наши дети будут хуже нас, утверждает Гораций, люди стали слишком смелы, хотят все знать, все познать, для них уже нет узды и предела. Но, может быть, это и не так плохо: если бы всегда люди держались только за старое, то не было бы ни в чем прогресса, заметного на каждом шагу.

Несмотря на все восхищение Римом и Августом и уверенность, что нет ничего выше служения родине и смерти за нее, у Горация постоянно проскальзывает мысль, что спокойнее всего не думать о государственных делах: жизнь слишком коротка, чтобы отвлекаться от ее маленьких радостей ради больших забот. Сын бывшего раба, Гораций не был чужд презрения к грубым вкусам простонародья. Он, по собственному признанию, писал лишь для тех, кто мог его оценить, и не хотел пробовать

свои силы в комедии для невежественных зрителей, способных потребовать, чтобы в действие были введены дрессированные медведи или гладиаторы.

Вместе с тем он высоко ценил миссию поэта и поэзию как средство воспитания тонкого вкуса и добродетели. Поэты некогда смягчали нравы первобытных людей, в стихах были составлены первые правила общежития, первые законы. Покоренная Греция в свою очередь покорила сурового победителя и принесла искусства в сельский Лаций. Здесь они прошли долгий путь от творений древних до современной ему поэзии, когда Рим наконец сравнялся с Грецией, а кое в чем и превзошел ее. Теперь поэты освоили все греческие ритмы и пишут на обогащенном ими латинском языке. Но сколь ни важна форма стиха, сколь ни многих трудов она требует, главное в поэзии сочетать приятное с полезным, уметь и нравиться и поучать. Поэт не смеет довольствоваться мелкими и средними достижениями. Если во всяком другом деле посредственность может быть полезна и почтенна, то в поэзии ее не терпят ни боги, ни люди, ни книгопродавцы. Не достигший первого ранга неизбежно попадает в последний. Совершенство же требует сочетания таланта и культуры. Поэт должен изучать философию, дабы знать сущность вещей, знать, каков его долг перед родиной, семьей, друзьями, каковы права и обязанности консула, сенатора, патрона, отца. Главное же он обязан изучать человеческую природу, дабы каждый обрисованный им персонаж был живым, действовал и говорил так, как это свойственно его возрасту, характеру, положению. Сам Гораций был мастером портрета и дал целую галерею типов современников. Из-за своих сатир он нажил много врагов, но, ссылаясь на одобрение Августа, отстаивал свое право высмеивать тех, кто того стоит, и исправлять нравы.

По оценке современников, Гораций — второй после Вергилия поэт Рима. В его многогранном творчестве, как в фокусе, сосредоточились наиболее характерные черты культуры его времени и ее противоречия: зрелость и глубокость языка и формы, богатство мысли, психологизм, высокое представление о миссии поэта и обращение лишь к избранным, преклонение перед Августом и Римом и тенденция к уходу от политической и общественной жизни, сочетание эпикурейства и пессимизма,

уважение к стоической добродетели и отсутствие ясно осознанной цели ее приложения, известная усталость от городской цивилизации и неспособность обходиться без того, что она дает, почтение к «предкам» и признание неизбежности прогресса, сделавшего Рим Августа столь непохожим на Рим Ромула и даже Катона, пытаться возродить который было бы очевидной утопией.

Противоречия императорского строя и его идеологии стали более заметно проявляться при преемниках Августа. После его смерти подняла голову сенатская оппозиция, борьба императоров с которой, то затухая, то разгораясь, продолжалась весь I в. н. э. Поскольку, как уже упоминалось выше, наиболее яркие из дошедших до нас от того времени сочинений принадлежали в основном представителям оппозиции, выступавшей под флагом борьбы за утраченную свободу, процветавшую в эпоху республики, у многих современных исследователей⁸ часто складывается впечатление, что именно утрата политической свободы, понимаемой в ее современной интерпретации, была главным пороком и несчастьем империи, вызвавшим деградацию ее культуры, якобы значительно уступавшей культуре предшествующих веков. Однако при более подробном рассмотрении всех обстоятельств подобная точка зрения представляется односторонней.

Во-первых, борьба правивших в I в. императоров, принадлежавших к династиям Юлиев—Клавдиев и Флавиев, с сенатом касалась лишь высших кругов города Рима, мало затрагивая широкие слои населения Италии и провинций, которые к тому же были на стороне императоров, а не сената, осуждавшего меры правительства по охране интересов провинциалов и собственников из средних слоев и требовавшего, чтобы императоры не только предоставляли сенаторам главную роль в управлении государством, но и уделяли им значительную часть извлекавшихся доходов.

Среди сенатской аристократии того времени было модно прославлять ее героев последних десятилетий республики: Цицерона, убийц Цезаря — Брута и Кассия, Катона Утического, всю жизнь выступавшего против Цезаря, сражавшегося с Цезарем на стороне помпеянцев в Африке и покончившего с собой, когда Цезарь взял последний оплот помпеянцев, город Утику. Их считали символом древней римской свободы, за которую они боролись

и гибель которой не хотели пережить. Однако, хотя в I в. н. э. некоторые сенаторы еще мечтали о восстановлении республики, всерьез об этом никто не помышлял. Огромное большинство ясно сознавало, что в современных им условиях возвращение к старому строю невозможно. При этом одни упирали на всеобщую испорченность нравов, другие — на размеры римской державы, для управления которой нужна сильная монархия, третьи — на недисциплинированность войска, нуждавшегося в сильной власти, четвертые — на необходимость сильной власти для провинций, которые до римского завоевания были раздираемы постоянными смутами и только при империи обрели мир. Необходимость единоличного правления императора, который, по словам философа Сенеки, объединяет народы, как мировая душа объединяет космос, и который воплощает в республике⁹, была в основном признана даже в сенатских кругах. Не отрицалось и то положение, что как персонификация римского народа и римской республики император был верховным собственником всего в государстве, тогда как граждане были лишь как бы держателями своего имущества, что он являлся источником права и стоял выше законов, что, воплотив в себе идею Рима, он имел право на безграничную и самоотверженную преданность граждан, обязанных ставить его благо выше своего. Тот же Сенека доказывал, что император имеет право жестоко карать виновных со всеми их родными и близкими, если эта кара заслужена. Протест вызывали действия, представлявшие собой злоупотребление властью, да и то многие считали, что даже против таких злоупотреблений не имеет смысла бороться. Надо, говорит один из персонажей «Истории» Тацита, молить богов, чтобы они послали хороших правителей, но плохих правителей следует терпеть, как терпят град или другие посланные богом бедствия¹⁰. Таким образом, даже в наиболее оппозиционных империи кругах утрата гражданами политической свободы была скорее предметом для декламаций, чем реальным тормозом деятельности, в частности и в сфере культуры.

Во-вторых, и самое стеснение свободы было весьма относительным. Правда, в периоды особенно острых столкновений императоров с сенатом — в правление преемников Августа из династии Юлиев—Клавдиев—Тиберия, Калигулы, Нерона и последнего из Флавиев, Доми-

циана — древний закон об оскорблении величества римского народа, перенесенный теперь на императора, превращался в страшное оружие против неугодных правительству лиц. Уличенные или подозреваемые в неблагоприятных отзывах об императорах, в недостаточном почтении к их божественности, в распускании порочащих их слухов, репрессировались, часто без суда и следствия, по одним доносам врагов или даже рабов. Доносчиков поощряли, выдвигали, награждали частью конфискованного имущества осужденных. Императоры, стремясь укрепить свою власть и независимость от сената, требовали неумеренной лести и таких почестей, которые оказывались богам. Бывший при Домициане сенатором Плиний Младший позднее уже при новой династии писал, что при этом императоре какое бы мероприятие не обсуждал сенат, хотя бы указ об организации пожарной команды, он должен был начинаться с пространного восхваления Домициана, воцарившегося в его правление счастья и справедливости и только затем уже переходить к сути дела¹¹. Нерон, страстно увлекавшийся искусством и сам к великому негодованию ревнителей «нравов предков» выступавший публично в качестве певца и актера, требовал, чтобы сенаторы не только присутствовали на его выступлениях и восхищались его талантом, но и приносили жертвы в честь его «божественного голоса», и чуть не казнил ставшего впоследствии императором Веспасиана за то, что тот заснул во время его пения. Но при всем том творчество в разных областях фактически не ущемлялось. Известен лишь один случай, когда император Тиберий приказал сжечь сочинения историка Кремуция Корда, возвеличившего Брута и Кассия, да и то при Калигуле запрет с них был снят. Поэма Лукана «Фарсалии»¹², где также превозносились «последние республиканцы», несмотря на то, что сам Лукан был казнен за участие в заговоре против Нерона, изъята не была. Не были изъяты и сочинения Сенеки (воспитателя Нерона и его приближенного, пользовавшегося большим влиянием, но затем заподозренного в измене и принужденного императором к самоубийству), хотя в этих сочинениях неоднократно воздавалась хвала Катону Утическому и другим политическим деятелям, которые предпочли смерть потере свободы. Прежние философские школы продолжали существовать и действовать и, хотя

время от времени Юлии—Клавдии и Флавии высылали из Рима философов, нападавших лично на них или на их политику, ни одно философское направление как таковое преследованиям не подвергалось. Несмотря на все большее значение, приобретаемое религией, граждане, если они соблюдали официальный императорский культ, могли высказывать любое мнение о богах вообще, хотя бы и вовсе отрицать их существование. Христиане до начала массовых антихристианских гонений в середине III в. лишь изредка преследовались за отказ участвовать в императорском культе, как правило, их не трогали.

Во II в., когда на смену Флавиям пришла династия Антонинов, примирившаяся с сенатом, не стало и тех ограничений, которые имели место в I в. Императоры династии Антонинов сами по большей части люди высоко образованные, поклонники греческой культуры, «филэллины» всячески поощряли философов, поэтов, историков, риторов, не стесняя их творчества. То обстоятельство, что они демонстративно осуждали политику своих предшественников как «тираническую», дало возможность их современникам, обличая «злодеяния» Юлиев—Клавдиев и Флавиев, достаточно вольно говорить о положении дел в империи вообще, высказывать свои взгляды по различным актуальным для них вопросам управления, политики и т. д.¹³ Даже представители наиболее близкой простому народу школы киников, отрицавшей мораль и культуру власть имущих, выступали на улицах и площадях с обличениями знати, императорских чиновников и самих императоров без особых препятствий. По словам философа Эпиктета, современника первых Антонинов, император слишком мудр, чтобы обращать внимание на всякие подобного рода речи, тем более что если он станет карать всякого, кто о нем злословит, то вскоре останется вовсе без граждан¹⁴.

И наконец, если римские сенаторы и жаловались иногда на ограничение политической свободы, то иной была в этом смысле позиция сословия декурионов и вообще провинциалов из имущих классов, особенно в городах Востока, а именно из этих слоев выходило большинство деятелей тогдашней культуры.

Одна из краеугольных идей официальной идеологии — избавление провинций, находившихся под властью Рима, от опасности внешних войн и внутренних смут — была ими

принята, видимо, достаточно искренне. Страх более или менее обеспеченных граждан города перед народным волнением заставлял их не слишком сожалеть о древней демократии. В сочинениях Плутарха, ратора Диона Хрисостома и других писателей восточной половины империи мы постоянно встречаем рассуждения о пагубности излишней свободы, о том, что императоры оставляют городам ровно столько свободы, сколько им полезно иметь, и большей им желать незачем. Они дают советы городским магистратам и видным гражданам не раздражать провинциальных наместников неумеренными требованиями и претензиями, уважать волю императоров, соблюдая при этом собственное достоинство и не впадая в излишнее угодничество; во время выступлений на народных собраниях не вспоминать беспрестанно о великом прошлом греков и их борьбе за свободу, а напротив, показывать, сколь пагубными всегда оказывались народные восстания для самого же народа. Известный историк II в., также уроженец Востока, Аппиан в своей истории гражданских войн конца республики писал, что как помпейцы, так и цезарианцы считали, что сражаются за свободу — «слово всегда привлекательное и всегда пустое»¹⁵. В таком же духе, по сообщению Тацита, говорил, обращаясь к галлам, и уже упоминавшийся Петилий Цериал. Цивилис, доказывая он, призывая вас восстать против Рима, делает вид, что хочет вернуть вам свободу, но на деле германцы рассчитывают над вами господствовать, «свобода и прочие громкие слова для них лишь предлог»¹⁶.

Таким образом, среди класса, составлявшего опору империи, не было сожаления об утраченной политической свободе, напротив, она представлялась ему неким лживым, так сказать, демагогическим лозунгом, который ведет или к порабощению, или к напрасному кровопролитию, нарушению мира и спокойствия. Как условие, необходимое для развития творчества, она не выдвигалась. Так, например, один неизвестный автор труда по ораторскому искусству резко полемизировал с теми, кто считал, что ораторское искусство во времена империи пришло в упадок из-за того, что его не питала более свобода слова, породившая великих ораторов греческой и римской демократии. Не гражданские смуты, а мир, доказывал он, способствуют развитию талантов¹⁷. Даже

Сенека считал, что, в общем, не от политического строя зависит возможность творить; Сократ, писал он, жил и учил при тиранах, а возродившаяся демократия его убила¹⁸.

Но если неправомерно преувеличивать значение ущемления политической свободы в империи по сравнению с республикой или говорить о серьезных, ощущаемых как таковые ограничениях свободы творчества, то хотя и не по злой воле императоров и не в силу существования определенных форм государственного строя, а в результате развития всей античной общественной системы в целом, с течением времени все более исчезала та экономическая независимость граждан, которая для античного человека была истинной основой его свободы. Начавшийся некогда разорением крестьян этот процесс продолжался, захватывая массу средних собственников и целые города, попадавшие в зависимость от различных «благодетелей», принимавшую характер тягостной моральной зависимости клиента от патрона.¹ Сами же «благодетели» зависели от императоров, имевших возможность действовать не только как суверены, но и как номинальные верховные собственники всей территории империи и как фактически крупнейшие собственники в государстве. Эта всеобщая нестабильность и материальная зависимость, сочетавшаяся с зависимостью моральной, переплеталась с более или менее осознанной утратой смысла индивидуальной и коллективной деятельности для достижения каких-то общих реальных целей, поскольку все, чего можно было достигнуть в рамках данной системы, представлялось уже достигнутым, о возможности же достижения чего-то нового еще никто не помышлял. То и другое в соединении порождало тягостное чувство несвободы, «отчуждения», невозможности и неспособности управлять внешними обстоятельствами, которые теперь были также вне контроля свободнорожденных граждан, как некогда вне контроля стоявших вне гражданской общины рабов. Империя оказалась силой, которая, будучи создана самими римлянами, вышла из-под их контроля. В сознании современников жили, с одной стороны, представления о некоем в принципе совершенном и вечном целом в космических и земных масштабах, органической частью которого является каждый индивид, а с другой стороны, ими осознавалось реальное несовершенство существую-

щей действительности. С одной стороны — общность в рамках космоса, империи родного города, все еще оставшегося значительным фактором в жизни граждан; с другой стороны — разобщенность, несовместимая с идеей мировой гармонии. Отсюда ряд основных черт культуры первых двух веков империи, когда за видимым благополучием назревал развившийся в III в. кризис.

Существующее положение вещей нельзя серьезно изменить, и вместе с тем оно не оправдало надежд, возлагавшихся на «золотой век», надежд, которыми вдохновлялись борющиеся стороны в конце существования республики и которые они еще не утратили в правление Августа. Как же жить в создавшихся условиях? Как обрести утраченную общность, единство с космосом? Вот вопрос, в той или иной форме задававшийся разными социальными слоями и так или иначе затрагивавшийся философами, историками, писателями.

Для господствующих классов он имел в основном три аспекта: во-первых, раз уже невозможно или даже нежелательно возвращение к «республике предков» и неизбежно правление одного, то каким должен быть этот один, чтобы максимально удовлетворять своему назначению, и каковы должны быть взаимные права и обязанности императора, олицетворявшего высшее единство мира, и его подданных? Во-вторых, поскольку не оправдались надежды на установление всеобщего мира и согласия, вражда разделяет разные сословия, бедные готовы подняться против богатых, а рабы ненавидят господ и обуздываются лишь с помощью драконовских мер, принимаемых государством, то какими средствами можно нейтрализовать эту взаимную вражду и заставить низших повиноваться высшим мирным путем? В-третьих, как в условиях, когда целое вечно и неизменно, судьба же каждого отдельного человека нестабильна и он в любую минуту может лишиться своего состояния, положения и самой жизни, можно все же сохранить выдержку, мужество, достоинство и самоуважение, по исконным античным представлениям отличавшие благородного, свободнорожденного гражданина от варвара и раба?

Мечта об идеальном монархе, сменив проекты идеального государственного строя, волновавшие в свое время греков, а затем и римлян, стала последней утопией античного мира. Образ идеального монарха вырабаты-

вался в противовес «тиранам», реальным (в основном, как мы уже видели, императорам из династий Юлиев—Клавдиев и Флавиев) и вымышленным. Отдельные авторы наделяли его чертами, отвечавшими их политическим интересам. Одни считали, что его власть, опирающаяся на чиновников и армию, должна быть достаточно сильной, чтобы обезопасить государство от мятежей; другие, напротив, полагали, что император должен только командовать войском, строго держа его в руках и, по возможности, удовлетворяя его нужды за счет своего имущества, гражданское же управление предоставить сенату и не обременять собственников налогами; третьи указывали на то, что достаточно сильная императорская власть должна сочетаться с известной автономией городов, которые правитель обязан охранять как от «мятежного простонародья», так и от своекорыстных, захватывающих чужое имущество и не желающих ни с кем делиться своим имуществом богачей. Некоторые видели долг императора в том, чтобы воевать, приобретая новые земли и добычу, другие, напротив, в том, чтобы сохранять мир, не разрушать, а отстраивать города. Солдаты и декурионы выступали за наследственную монархию, дававшую императорам независимость от сената, сенаторы же настаивали на монархии выборной с тем, чтобы кандидатура преемника императора утверждалась сенатом. Но при всем различии конкретных политических программ, обычно вкладывавшихся авторами в уста каких-нибудь исторических деятелей прошлого, основные черты «идеального монарха» у всех более или менее совпадали. Эту тему затрагивали философы Сенека, Музоний Руф, Дион Хрисостом, историки Тацит, Светоний, Дион Кассий, Плиний Младший, произнесший речь в честь вступления на престол императора Траяна, и др.

Хороший, «истинный» царь, по их представлениям, должен был обладать выдающимися достоинствами, ясно свидетельствующими о том, что он послан на землю царем богов Юпитером, дабы быть среди людей его наместником. Хотя ему, персонифицирующему государство, принадлежит верховная собственность на имущество и жизнь подданных, ему следует не злоупотреблять своими правами, а предоставлять каждому спокойно пользоваться своим достоянием, не боясь репрессий и конфискаций. Сам источник права, он не может ставить себя выше

законов, использовать свою власть в личных целях, требовать неумеренных почестей и восхвалений. Его целью должно быть благо граждан, общий мир и гармония, повиновение низших высшим, рабов господам. Когда нужно, он может карать, но проявлять вместе с тем умеренность и снисходительность. Он должен править людьми не насилием, не как скотом, а разъяснять им их собственную пользу, как это умел делать Сократ, не стеснять их мысли и слова, сочетая «единовластие со свободой», вести себя не как господин, а как гражданин, первый среди равных; трудиться на общую пользу, не жалея сил, как трудился для человеческого рода Геракл — прообраз идеального царя в одной из речей Диона Хрисостома. За все это монарх имеет право на благоговейную, самоотверженную любовь народа, так как объединяет его в одно целое, подобно мировой душе и мировому разуму, объединяющим космос в единый организм, а после смерти, когда его душа вернется к богам, — на божеские почести. Напротив, тиран, ненасытный, алчный, жестокий, себялюбивый, ставящий превыше всего свою волю, творящий беззакония, ненавидим всеми и, хотя он окружен многочисленной стражей, живет в постоянном страхе, так как тот, кого все боятся, неизбежно боится всех: ведь стонущие, поодиночке слабые, станут грозными и сильными, когда страх их, наконец, объединит. Против тирана оправданы все меры самозащиты вплоть до восстания и убийства, представляющегося в таком случае не только правом, но и долгом граждан. Император Траян из династии Антонинов, воплощавший в глазах сената тип идеального государя, включил в текст ежегодных молитв о здравии императора слова: «если он будет править хорошо и в общих интересах», а вручая меч новому командиру преторианцев, сказал: «бери этот меч, чтобы пользоваться им для моей защиты, если я буду править хорошо, и против меня, если я буду править плохо»¹⁹. В этом духе обрисовал в своем панегирике образ Траяна Плиний Младший, а Дион Хрисостом — образ Геракла. Поставленный перед выбором между истинной царской властью и тиранией, Геракл предпочел первую, стал идеальным царем, тираноубийцей, борцом против нечестивых людей, поборником добродетели и науки. В таком качестве Геракл особенно почитался Антонинами и знатью, усердно развивавшей также культ добродетелей,

украшавших «хорошего царя» и господствовавших в его правление: Справедливости, Снисходительности, Предусмотрительности, Мужества, Согласия, Мира, Счастья, Щедрости, Победы и Свободы, трактовавшейся как свобода от тирании.

В соответствии с тем значением, которое в глазах правящих классов приобрела проблема хорошего и плохого государя, основные интересы их сосредоточились на императорах, их характерах, словах, поступках, всех мелочах придворной жизни и интриг. Горизонт историков, прежде пытавшихся включить в поле зрения весь мир или хотя бы весь римский народ, сузился до рамок императорского дворца. История стала тесно переплетаться с императорскими биографиями. Их составляли Плутарх, Светоний, позже авторы, известные как «писатели истории августов», и многие другие, сочинения которых до нас не дошли. Главной их целью было подчеркнуть хорошие и дурные черты в характере того или иного императора, как бы поставив его в пример, или предостерегая современных автору и будущих правителей. Каждая биография подобного сборника и весь сборник в целом иллюстрировали взгляды автора на задачи государя и пропагандировали его политическую программу. Этой цели подчинялись и описания государственных мероприятий, войн, личной жизни правителей и поведения их в быту. Попутно сообщалось о разных чудесных предзнаменованиях, снах, предвещавших важнейшие события в жизни императоров, любовных историях, ходивших при дворе сплетнях и закулисных интригах.

Интерес в глазах публики приобретала жизнь не только дворца, но и высокопоставленных лиц, близких ко двору. Чрезвычайный успех имели опубликованные Плинием Младшим его письма к родным и друзьям и к Траяну, которого он, занимая должность наместника Вифинии, запрашивал о различных деталях провинциального управления. Письма Плиния (в отличие от изданной уже после смерти автора переписки Цицерона, посвященной важнейшим политическим пертурбациям, непосредственным участником которых он был) не содержали ни описания особо важных событий, ни особо глубоких мыслей. Плиний рассказывал о своих заботах по организации принадлежавших ему многочисленных больших имений, о визитах к друзьям и имевших там

место разговорах на литературные и философские темы, о различных любопытных случаях. К Траяну он обращался обычно по незначительным вопросам: можно ли горожанам разрешить организовать пожарную команду, построить баню, что делать с тремя рабами, обманным путем проникшими на военную службу, принимать ли доносы на христиан и т. п. И все же его переписка казалась современникам интересной, и жанр бытовых писем стал очень популярным. Даже в конце IV в. аналогичные письма сенатора Симмаха, по его словам, ценились так высоко, что люди, стремясь прочесть их еще до опубликования, подкарауливали и подкупали его рабов, посланных с письмами к адресатам.

Суженность горизонта сказалась на творчестве даже такого замечательного историка конца I—начала II в., как Тацит. По мастерству драматического изложения событий, глубине и тонкости психологического анализа, яркости характеристик, умению несколькими штрихами нарисовать образ или картину, безошибочно воздействующие на читателя в нужном автору направлении, Тацит не имеет равного себе в античной литературе. Он начал свою senatorскую карьеру при Флавиях и тогда же написал свои первые произведения: «Диалог об ораторах», жизнеописание своего тестя Агриколы, бывшего при Домициане наместником в Британии, и «Германию», где рассказывалось о зарейнских племенах, не входивших в состав империи. Уже в этих ранних сочинениях видны основные черты его стиля и мировоззрения. В «Диалоге об ораторах», разбирая причины упадка красноречия, он осторожно, но ясно дает понять, что, хотя теперь государство наслаждается миром и счастьем, чего не знала раздираемая смутами республика, но именно та обстановка свободного соревнования в трактовке больших актуальных проблем делала прежних ораторов, с юных лет воспитывавшихся в гуще политических событий, значительно красноречивее теперешних, учившихся в тепличных условиях школ и на выдуманных казусах, ничего общего не имеющих с жизнью. В биографии Агриколы и «Германии» он также достаточно прозрачно противопоставляет свободную, суровую, чистую в своей близости к природе жизнь бритов и германцев развращенным в своей покорности, изнеженным, безвольным римлянам. С большим сочувствием и проникно-

вением в их психологию дает Тацит образы вождей составших против римского владычества британцев, особенно Калгака, обратившегося к повстанцам с речью, призывавшей не жалеть жизни в борьбе против алчных и жестоких римлян, поработивших все народы. «На своем лживом языке, — говорит Калгак, — убийство, грабеж, захват они называют правлением, а причиненные ими опустошения — миром»²⁰.

В полной мере талант Тацита развернулся при Антонинах, когда он мог более свободно высказывать свои мысли, хотя бы применительно к положению дел в правление «тиранов». В это время он написал «Истории» о гражданских войнах между претендентами на престол после свержения Нерона и историю Юлиев—Клавдиев, известную под названием «Анналов». Тацит обещал писать «без гнева и пристрастия», не вдаваясь ни в свойственное одним историкам злоречие, «имеющее фальшивый вид свободы», ни в характерную для других неумеренную лесть. Формально он действительно как будто не отступает от истины, основываясь на документальном материале. Признает он неоднократно и необходимость установления единовластия в государстве, где долгие годы борьба знати и плебса дезорганизовывала нормальную жизнь, приводила к насилиям и беззаконию.

Вместе с тем его «Истории» и особенно «Анналы» — это страстное и гневное обличение императорского режима. Ужасна жестокость и самодурство полуобезумевших от неограниченной власти над миром деспотов, но еще ужаснее для Тацита то развращающее влияние, которое они оказывают на общество. Сенаторы спешат превзойти друг друга в раболепстве, воздавая почести Нерону, убийце жены, брата и матери. Заподозренные в заговоре, они выдают друг друга, клеветают на родных и друзей, лишь бы спасти свою жизнь. Льстят и заискивают не только перед императорами, но и перед их любовницами, отпущенниками, рабами. Доносчики процветают, и даже, когда после свержения Нерона честные люди предлагают с ними разделаться, большинство предпочитает их не трогать, так как слишком многие замешаны в их деяниях. Римляне, утратившие былое достоинство, жадно ловят подачки и стремятся на зрелища. Чем хуже император, тем любезнее он черни. Солдаты готовы поддержать каждого претендента на престол, су-

лящего им возможность наживы и грабежа. По существу это они ставят и смещают императоров, превратившись из защитников государства в его бич. И хотя Тацит на словах признает, что в правление Антонинов все стало по-другому, по существу он не верит, что при единовластии, даже если оно и необходимо, есть выход из нарисованного им мира низости, жестокости, разврата, всеобщего разложения.

Но при всей глубине мысли Тацит, несмотря на то, что он формулирует взгляд на империю как на общее достояние римлян и провинциалов, некогда покоренных, а теперь равноправных граждан, и уделяет немало внимания провинциальным восстаниям, по существу не видит ничего, кроме Рима. Да и Рим для него лишь фон императорского дворца. И хотя он как-то мимоходом замечает, что не все было лучшим у предков, но и «наше время» завещает потомкам кое-что достойное подражания, оценить свое время не только с его недостатками, но и с достижениями он не может и не хочет. В этом отношении Тацит был не одинок. Живший столетие спустя сенатор Дион Кассий, автор обширной истории Рима, также все внимание сосредоточивает на императорах, их отношениях с сенатом, их хороших и дурных свойствах, чудачествах, полезных и вредных, с его точки зрения, мероприятиях, стараясь прямо или косвенно показать, каким должен быть хороший государь.

Историография теряла свою прежнюю общефилософскую, общесоциальную значимость. Лишь изредка появлялись более глубокие исследования, вроде «Римской истории» упоминавшегося выше александрийца Аппиана, написавшего историю отдельных областей римского мира и крупнейших римских войн, в том числе и гражданских. Читая «Римскую историю», Марк высоко оценивал способность Аппиана понять глубокую первопричину гражданских войн — борьбу крупного и мелкого землевладения²¹. Но по большей части историки прошлого занимались мелким фактологическим анализом, казавшимся ненужным и бесполезным не только широким читательским кругам, но и такому образованному человеку, как Сенека, недоумевавшему, как могут люди тратить время на решение столь «неактуальных вопросов»: когда жил Гомер, кто первый уговорил римлян выстроить флот или устроил представление в цирке с участием слонов. Писав-

шие же о более близких временах, не удержавшись на трагической высоте Тацита, колебались между пасквилями на уже умерших «тиранов» и топорными панегириками правящему императору, весьма зло высмеянными Лукианом в его сатире «Как следует писать историю».

Вырождение игравшей некогда столь значительную роль и пользовавшейся столь большим уважением историографии было ярким симптомом и следствием разложения «римского мифа». Миссия Рима, воплотившаяся в империи и императоре, более никого особенно не вдохновляла, став темой повседневной пропаганды, проблема же «хорошего государя» и его отношений с сенатом мало занимала круги, стоявшие вне непосредственно заинтересованного в ней высшего сословия. Подавляющее большинство городских собственников, не имевших шансов продвинуться в деятели, так сказать, общеимперского масштаба, жило местными городскими интересами, и наместник провинции был для них гораздо более реальной и устрашающей фигурой, чем император. Что же касается простого народа, то, «перенеся свою власть и величество на императора» (как говорится в «Институциях» Юстиниана), якобы осуществившего его желания и надежды, он охладел к своим старым, вдохновлявшим его некогда на борьбу лозунгам, к политической жизни и к вопросу о том, кто будет главой государства. Как писал близкий плебсу баснописец Федр, «когда сменяется тот, кто занимает первое место среди граждан, для бедняков не меняется ничего, кроме имени господина»²².

Вторая из упоминавшихся выше коренных проблем — проблема социального мира, тесно связанная с идеалом «хорошего государя», была значительно шире и касалась не только отношений политических, но и в значительной мере экономических, производственных, насущных для каждого владельца имения, мастерской, «рабской фамилии» (так именовались теперь рабы, принадлежавшие одному хозяину) проблем. Такая «фамилия», первичная производственная ячейка, часто отождествлялась писателями того времени с миниатюрной республикой, возглавляемой «отцом фамилии», тогда как государство, управлявшееся «отцом отечества» (один из императорских почетных титулов), сравнивалось с огромной «фамилией». Сопоставлялись поэтому права и обязанности глав и со-

членов «фамилии» и государства при попытке найти наилучший вариант их соотношения.

Вопрос о «рабской фамилии» или, что то же самое, об организации труда рабов становился все более животрепещущим по мере того, как в первые два века империи рабовладельческий способ производства достигал своего максимального распространения вглубь и вширь. Многовековой опыт позволял усовершенствовать агротехнику, значительно увеличить число различных сельскохозяйственных культур, пород скота и птицы, увеличить и улучшить ассортимент ремесленных изделий. Развитие товарно-денежного хозяйства, возраставший спрос на предметы роскоши требовали от владельцев вилл и мастерских производства все большего количества продукции, способной удовлетворить изысканным вкусам покупателей и обеспечить им самим достаточный денежный доход с их хозяйства. А с задачей этой можно было справиться лишь имея достаточно квалифицированных и хорошо организованных работников. Старые методы управления рабами путем одного только грубого принуждения к труду становились недостаточными, так как ими можно было заставить рабов исполнять лишь самые простые работы, но нельзя было принудить тщательно выращивать требовавшие особого внимания культуры, изготавливать тонкие инструменты, изящные ювелирные украшения, чеканные и расписные сосуды. К тому же рабов теперь боялись излишне раздражать. Правительство, хотя и принимало жестокие общегосударственные меры против бегства рабов, убийства господ и т. п., вместе с тем все более ограничивало самоуправство рабовладельцев, дабы избежать возможных эксцессов. Соответственно направлялось и общественное мнение, осуждалось жестокое отношение к рабам, проповедовалось изначальное естественное равенство всех людей, часть которых только закон, а не природа, сделал рабами. Отсюда многочисленные поиски новых путей, обострение «рабского вопроса», не игравшего еще почти никакой роли при республике.

Одни владельцы, преимущественно практики, старались заинтересовать рабов материально, особенно наиболее квалифицированных: поощряли прилежных и умелых, предоставляя им лучшие условия, выделяли им пекунии, ставили во главе имений, мастерских и лавок с тем, чтобы часть доходов те оставляли себе, оплачивали ра-

бам-ремесленникам произведенную ими продукцию, облегчали освобождение и т. п. Но это не всегда достигало цели и не всегда было возможно. Если собственник был не богат, он не имел возможности наделить рабов пекулием, материальное поощрение рабов вело к новым расходам. Передача рабу виллы или мастерской в конечном итоге могла истощить хозяйство, так как рабу приходилось выколачивать из него двойной доход, чтобы обеспечить и себя, и хозяина и т. д. Мелкие же подачки и привилегии на рабов, ненавидевших господ, особого действия не оказывали. Поэтому один из виднейших агрономов I в. н. э., теоретик организации рационального рабовладельческого хозяйства Колумелла писал, что каким бы знающим и опытным в земледелии не был управитель имения — вилик, если он не будет предан хозяину, то все его познания никакой пользы владельцу не принесут. Простых же рабов из числа квалифицированных он советовал пытаться расположить к себе более фамильярным обращением, шуткой, разговорами о предстоящих работах, дабы им показалось, будто хозяин интересуется их мнением и с ним считается.

Таким образом, в отношениях господ и рабов появляется прежде отсутствовавший моральный фактор, играющий все более значительную роль. Уже Август, применявший социальную демагогию не только в масштабах государства, но и в своем частном хозяйстве, стал организовывать в своем дворце и в императорских имениях состоявшие из рабов и отпущенников коллегии с выборными жрецами и магистратами, с некоторой видимостью самоуправления. Затем обычай этот распространился и в частных хозяйствах. Фамильные коллегии группировались вокруг культа домашних ларов, и гений господина стал считаться для рабов таким же священным, как гений императора для свободных. Они приносили дары на домашние алтари, в складчину приобретали изображения домашних богов, давали обеты во здравие господ и их семей. Некоторые владельцы организовывали в своих фамилиях так называемые *фиасы* бога Диониса, т. е. религиозные общины, в которых сочлены посвящались в мистерии, связанные с культом Диониса. Господа, возглавлявшие *фиасы*, получали высшие степени посвящения, их рабы и отпущенники — низшие, что связывало их новыми духовными узами. На могилах рабов высекались

эпифании, повествовавшие об их преданности хозяевам и любви хозяев к ним; выражалась надежда, что боги наградят их за верность, которую они сохраняют и в загробном мире. Сходные стихи посвящали своим рабам поэты. В моду вошли рассказы об исключительной, самоотверженной верности некоторых рабов господам, верности, как наивно признавали их авторы, тем более удивительной, что она «противоречит природе вещей». Одни из таких легендарных рабов во время гражданских войн спасали иногда ценой собственной жизни господ, осужденных на смерть победившей партией. Другие умирали вместе с ними или сражались за них. Третьи, подвергнутые допросу обвинителями господ, терпели страшные пытки, но не выдавали их тайн.

Новые, идеальные, с его точки зрения, отношения господ и рабов теоретически обосновывал Сенека²³. Исходя из аналогии между государством и «фамелией», императором и господином, он доказывал, что и тот и другой обязаны быть милостивыми и снисходительными к своим подданным, править ими так, чтобы внушать не страх, а преданность и любовь. Устрашение невыгодно самим властью имущим: подданные в конце концов свергнут тирана, рабы, несмотря на грозящие им кары, убегут от жестокого господина или убьют его. Господа воображают, что рабы всецело находятся в их власти, но им принадлежат только их тела, души же и воля рабов, таких же людей, как и свободнорожденные, свободны. Господа презирают их за грубость, невежество, «рабские пороки», но пусть они стараются собственным примером исправить рабов. Добродетель доступна всем, добродетельный раб будет не ниже, а выше порочного сенатора. Он свободно, по собственной воле будет повиноваться господину; он в случае нужды окажет господину благодеяние, потому что и раб оказывает благодеяние, когда делает для господина больше, чем обязан, не по принуждению, а добровольно. Руководимый мудрым и добродетельным господином, раб поймет, что только порочный и невежественный сопротивляется необходимости, желает невозможного, что иго больнее ранит шею сопротивляющегося, чем покорного, и что пытающийся бороться несчастен более смирившегося. Со своей стороны господин должен помнить, что его дом — обширное поле для благодеяний. Ему ли осуждать тиранию в государстве, если он

тиран в своем доме? Пусть он видит в рабах скромных друзей, сожителей, товарищей по общему для всех рабству. Пусть отношения господ и рабов станут отношениями человека с человеком, дом превратится в маленькую республику, где раб морально свободен и где его свобода находит выражение в любви к господину, которому он подчиняется добровольно без ропота и протеста, признавая моральный приоритет знающего, мудрого, благородного господина, как клиент признавал свои моральные обязанности перед патроном.

Идеи Сенеки, по его собственным словам, у современников вызвали неодобрение и недоверие. Придворный Нерона, утонченно образованный, прозванный «арбитром изящного», Петроний в своем романе «Сатирикон» окарикатурил их, вложив в уста разбогатевшего вольноотпущенника невежды Тримальхиона: на пиру тот усаживает рабов за стол вместе с гостями и произносит речь о том, что рабы тоже люди, ничем не отличающиеся от свободных. Но постепенно теория Сенеки находила все больше сторонников, что нашло отражение в упоминавшихся выше попытках представить взаимоотношения рабов и господ в виде некой сентиментальной идиллии, подчинить рабов господам не только материально, но и морально, на основе тех же принципов, в соответствии с которыми свободные должны были подчиняться императору.

Таким образом, моральный нажим со временем становился все более характерным для всех сфер общественной жизни, распространялся на все общественные слои. Сенаторы произносили панегирики в честь правящего императора, доказывая, что именно в нем воплотился идеал «хорошего государя» и что именно он осчастливил подданных «золотым веком». Декурионы воздвигали статуи, снабженные многочисленными вычурными похвалами не только императорам, но и провинциальным наместникам, военачальникам, видным и влиятельным гражданам городов. Городской и сельский плебс вел себя таким же образом по отношению к патронам коллегий и различным «благодетелям»; рабы и отпущенники — по отношению к нынешним и бывшим господам. Именно та роль, которую стал играть в империи моральный фактор, обусловила и характер ответов на третий из наиболее существенных вопросов: как жить при сложившихся обстоятельствах, чтобы все же чув-

ствовать себя свободными? Вопрос этот в отличие от проблемы «хорошего государя» и управления подчиненными стоял не перед отдельными, а перед всеми социальными слоями, страдавшими от экономического и идеологического гнета. Но, несмотря на известную общность исходных предпосылок, обуславливавшуюся общностью культурных традиций, различные классы и социальные группы отвечали на него по-разному.

Общей была уже неоднократно упоминавшаяся мысль о том, что зависимость материальная неизбежно связана с зависимостью моральной. А поскольку на свободу от первой уже реальных надежд не было, всеобщим стремлением стало по крайней мере в принципе ограничить материальные потребности настолько, чтобы необходимость их удовлетворять не поработала человека морально. Власть над человеком имеет тот, кто может дать ему то, к чему он стремится, или лишить его того, к чему он привязан. Свободный от желаний и привязанностей, способный быть автаркичной, самоудовлетворяющейся личностью будет свободен от людей и внешних обстоятельств. Таков был фундамент, на котором строились все тогдашние теории. Теперь прославлялась бедность, а не умение главы фамилии приумножать свое имущество. Даже явно обеспеченные люди на своих надгробиях приказывали писать, что они были не только честны, но и бедны. Соответственно у авторов самых различных направлений образцами и идеалом становятся Сократ и киник Диоген, ни в чем из земных благ не нуждавшиеся, а потому ни от кого не зависевшие, свободно высказывавшие свои мысли власть имущим. Диоген и в рабстве оставался свободным, а Сократ встретил смерть, как подобает свободному человеку. Своим мужеством и стойкостью они были подобны героям древних римских легенд, но вдохновляло их уже служение не родному городу, а некому общечеловеческому идеалу мудреца, добродетельного, свободного, не изменяющего своим принципам и себе самому ни при каких обстоятельствах. /

Это исходное положение по-разному интерпретировалось и варьировалось в различных философских и моральных учениях и направлениях. Наиболее популярным среди представителей господствующих классов и интеллигенции I—II вв. был стоицизм и частично примыкавший к нему умеренный кинизм, стремившиеся с наиболь-

шей последовательностью обосновать соотношение единства и множественности, целого и части, человека и человечества, империи и гражданина, утвердить чувство общности с окружающим миром и его законами, избавиться от ощущения несвободы и отчужденности. Самыми известными стойками того времени были Сенека, Эпиктет и Марк Аврелий. Сенека, как мы помним, был придворным Нерона, нажил огромное состояние, пользуясь часто весьма неблагоприятными средствами, и вплоть до того как попал в немилость, участвовал во всех придворных интригах. Эпиктет был сперва рабом, затем отпущенником любимца Нерона — отпущенника Эпафродита. Его заметил философ Музоний Руф, стал заниматься с ним и преподавал ему стоическую доктрину. Вместе с другими философами, находившимися в оппозиции в правление Флавиев, Эпиктет был выслан Домицианом, затем возвращен в Рим при Антонинах. Беседы Эпиктета пользовались большой популярностью, их посещали самые высокопоставленные люди, они были записаны и изданы сенатором Аррианом. Марк Аврелий, о котором подробнее будет сказано в следующей главе, был императором, правившим в конце II в., когда внешнее и внутреннее положение империи резко ухудшилось и она вступила в полосу длительного кризиса, от которого полностью уже не смогла оправиться. Различие в судьбах этих трех философов и в эпохах их жизни и деятельности позволяют нам проследить, как интерпретировался стоицизм в различных классах общества и каково было общее направление эволюции этого самого характерного для времени империи учения.

Для Сенеки цель философии — свобода мудреца от страхов и желаний, порабощающих невежественного человека. Только философия дает знание природы, ее законов, господствующей в ней необходимости, подчиниться которой добровольно и есть истинная добродетель и истинная свобода. Так знающий свой долг солдат подчиняется командиру. Неповинуящегося же командир карает, и неправ будет солдат, жалующийся, что его свобода ущемлена. Познание не сводится к изучению отдельных наук. Они дают сведения или применимые к отдельным случаям или вовсе бесполезные. Не одобряет Сенека и увлечения логическими построениями. Может ли, говорит он, рассуждение «тайну доверяют хорошему человеку,

пьяному тайну не доверяют, значит хороший человек не пьет», — удержать кого-нибудь от пьянства, или логически доказанное положение о том, что смерть не зло, побудить человека к смерти за родину? Очищающее душу знание философа состоит в созерцании природы и постижении разумом ее высших общих законов. Он проникает в ее тайны, исследует, какова материя вселенной, кто ее творец и страж, что есть бог — часть мира, или весь мир, сделал ли он что-либо однажды, или действует непрерывно, может ли он изменить раз навсегда установленные законы природы, или сам им подчиняется, не теряя своего могущества и свободы, ибо он сам для себя своя необходимость. Происходит ли несовершенство в мире от несовершенства творца или от сопротивления материи его искусству, предшествует ли материя идее или, наоборот, бессмертна ли душа или после смерти тела распадается — все это и многое другое для нас еще тайна, пишет Сенека, но кое-что люди уже постигли и еще больше постигнут в будущем. Самый же процесс проникновения в тайны и законы природы очищает душу и возвышает ее над мелкими заботами, освобождает ее. Мудрец начинает понимать, что возвышения и крушения царств, войны и даже периодически повторяющаяся гибель и возрождение космоса, не говоря уже о личной судьбе, представляется людям великим, потому что сами они малы. Он сознает себя как часть космоса, свой разум как частицу мирового разума, целостности, становящейся множеством, проникая во все сущее. Индивидуальный разум, логос — божественная составляющая человека, его нельзя обмануть, он сам карает за отступление от добродетели, заставляя человека мучиться от сознания собственного несовершенства.

Живущий согласно природе мудрец равнодушен ко всему внешнему, оно его не смущает, не делает несчастным, не сбивает его с избранного им пути. Он целостен, как мировой разум, не знает колебаний и сомнений, заставляющих невежественного и лишенного добродетелей человека метаться между делом и бездельем, жизнью в обществе и в одиночестве, завидовать другим и чувствовать вечное недовольство собой, проклинать весь мир из-за собственных неудач. Однако это не означает, что мудрый должен жить вне мира и не участвовать в его делах. Напротив, природа создала человека для жизни

в теснейшей взаимосвязи с другими людьми. Мудрый обязан служить им всеми силами и при всех обстоятельствах. Его обязанность участвовать в жизни государства, служа ему на том посту, на который поставила его судьба. Если государство оказалось в такой степени испорченным, что философу в нем нет места, он должен помнить, что он гражданин не только своего родного города, но и всего мира, и приносить пользу человечеству в целом, поучая его и подавая пример собственной жизнью.

Сенека не только не одобряет, но прямо осуждает попытки активного сопротивления злу: обличая пороки перед невежественной толпой, мудрый только раздражит ее, выступая против тирана, навлечет на себя его гнев, что также бессмысленно, как выходить в море во время бури. Тем более недостойно роптать и жаловаться, осуждать мировой порядок и бога на том основании, что порочные счастливы, а хорошие несчастны. Судьба посылает испытания, чтобы закалить добродетельных и мудрых, и если они попадают в тяжелые обстоятельства, то это также естественно, как то, что хорошему солдату приходится затрачивать больше трудов и сталкиваться с большим числом опасностей, чем дезертиру. Их долг — с достоинством переносить все испытания. Если же чаша терпения переполнится, у них всегда остается возможность уйти из жизни. Достойная жизнь и мужественная смерть послужат людям примером, принесут им пользу, следовательно, долг быть полезным людям будет выполнен.

Насколько жизненной была эта мысль Сенеки для его современников из сенатской знати, видно на примере Тацита. Тацит не был философом и даже подчас относился к философам с некоторым презрением. Так, он рассказывает, что во время гражданской войны после свержения Нерона, когда войска будущего императора Веспасиана подходили к Риму и сенат послал к ним своих представителей, чтобы попытаться предотвратить возможные при взятии города эксцессы, в число делегатов замешался философ Музоний Руф, и пока шли переговоры с военачальниками, сновал между солдатами, произнося речи о величии мира и гуманности, и так надоел солдатам своими рассуждениями, что они чуть его не избили. Изредка касаясь общих вопросов, например, вопроса о том, направляется ли все в мире роком или случаем, Тацит

обычно воздерживается от собственных суждений, передавая чужие. Но идею Сенеки о значении примера достойной жизни и смерти он не только горячо принимает, но и иллюстрирует в своих сочинениях.

Со специальной целью показать, что и при плохих правителях могут жить и действовать великие мужи, он написал биографию своего тестя Агриколы. Отец Агриколы был казнен Калигулой за то, что отказался выступить в роли доносчика. Сам Агрикола в юности получил хорошее образование и только мать удержала его от занятий философией «более усердных, чем это прилично римлянину и сенатору». Занимая различные должности в провинциях, соединяя в своих действиях честное и полезное, сохраняя молчание, когда все безудержно льстили Нерону, и добросовестно выполняя возложенные на него обязанности, Агрикола относился к подчиненным строго, но милостиво, пользовался среди них любовью и авторитетом, не вмешивался в интриги и не хвалился своими успехами и заслугами, относя их на счет начальников. Одержав ряд побед в Британии, он, дабы не раздражать Домициана, не терпевшего чужой славы, вернулся в Рим, не претендуя на награды и почести, жил скромно и замкнуто, что отвратило от него гнев Домициана. Он не хвалился дерзкими притязаниями на свободу, и его скромность и повиновение в соединении с активной работой более достойны уважения, чем бесполезное для республики «восхищение недозволенным».

Таким же молчаливым, выходящим из сената, когда там восхваляли Нерона, был другой герой Тацита, сенатор Пет Тразея, впоследствии осужденный на смерть императором. Только вскрыв себе вены по приказу Нерона, он решился сказать, что посвящает свою кровь Юпитеру Освободителю. Тразея, Сенека, Петроний и другие «положительные герои» Тацита спокойно встречали смертный приговор. В то время как кровь уходила из вен, они беседовали с собравшимися к ним друзьями и родными о посмертной судьбе души или слушали музыку и стихи, утешали и ободряли близких. Только изредка говорит Тацит о тех, кто хотя бы перед смертью осмелился выступить с обличением несправедливости. Так, когда Тиберий приказал сжечь исторический труд Кремуция Корда, тот произнес речь в защиту свободы историка высказывать свои суждения и выразил надежду,

что потомки, вспоминая прославленных им Брута и Кассия, вспомнят и его. От себя Тацит прибавляет, что насмешки заслуживают глупость тех, кто, имея власть в настоящем, думают, что могут погасить память у следующих поколений, ибо, напротив, преследованием они укрепляют славу талантов и поднимают их авторитет в глазах потомков. «Идти своим путем между излишней дерзостью и безобразной угодливостью» — так формулирует Тацит задачу порядочного человека, подобного мудрецу Сенеки.

Эпиктет, вышедший из низов, претерпевший много унижений от своего господина Эпафродита, особенно жестоко обращавшегося со своими рабами, потому что и сам некогда был рабом, несколько по-иному, чем Сенека, интерпретировал стоические доктрины²⁴. Признавая высшим началом природы всепроникающий разум и высшим критерием истины умозаключения, делаемые на основании показаний чувств, он в гораздо большей мере, чем Сенека, персонифицирует этот первичный принцип и его «искры» — логосы, воплощенные в человеке и роднящие его с природой целого. Первичный принцип для него бог Зевс, логосы он отождествляет с гениями, направляющими дела людей и знающими все их мысли и побуждения. Познание себя, своего гения, логоса, есть путь к познанию своего божественного начала и самого бога. Именно оно, а не изучение строения космоса, сущности материи и т. п. делает человека счастливым, добродетельным, а главное, свободным. Задача философии — открыть критерий истины, который не может не существовать. Академики, отрицающие истину, эпикурейцы, отрицающие участие богов в делах людей, не могут дать людям какой-либо ориентир в полной насилия и жестокостей жизни.

Бог для Эпиктета, постоянно подчеркивающего непосредственную связь с ним людей, его детей, это как бы высшая инстанция, перед которой земные правители и господа совершенно ничтожны. Мудрец, осознавший свою божественную сущность, не будет испытывать перед ними страха, будет с презрением относиться к их недостойным деяниям. Родство с цезарем, говорит Эпиктет, обеспечивает спокойную, безопасную жизнь, тем более родство с Зевсом. Боги дали человеку тело и ум с тем, чтобы тело не было ему подвластно, а ум был свободен в своих жела-

ниях, в своем выборе. Тело подчинено внешним обстоятельствам, оно может испытывать болезни, голод, насилие, но возвышенный ум сознает, что внешние, не зависящие от него обстоятельства не могут его смутить и подчинить. Не привязываясь к телу и внешним материальным благам, отказавшись от мнения, которое имеют о них люди невежественные, мудрец не будет рабом того, кто имеет власть дать ему эти блага, или отнять у него имущество, близких, жизнь. Тиран или господин, говорит Эпиктет, страшны нам потому, что мы имеем неправильное мнение о границах их власти. Они говорят нам: мы бросим тебя в тюрьму, мы тебя закуем, мы тебя убьем. Это их право, так как они имеют власть над нашими телами. Но когда они говорят: я хочу управлять твоими суждениями, то этого они сделать не могут, ибо власть над умом, т. е. над истинной сущностью человека, им не дана, если человек по робости, привязанности к жизни и ее материальным благам сам такой власти не даст.

Главная задача философа, по мнению Эпиктета, не в том, чтобы выразить протест молчанием, а в том, чтобы личным примером научить людей, как можно и нужно жить так, чтобы быть истинно свободным. Изменить существующий порядок вещей нам не дано, не дано изменить и людей, но можно привести свою волю в гармонию с реальными условиями нашей жизни и окружения. Для этого нет необходимости уходить из жизни или бежать в пустыню. Напротив, человек должен всегда помнить, что он часть целого, гражданин космоса и своего государства, и исполнять свой долг на том посту, который назначил ему бог, мужественно терпеть испытания, посылаемые ему богом, тренирующие его, как тренируют хороших солдат и гладиаторов. Он должен исходить не из своего личного блага, а из блага целого, вне которого отдельно взятый человек вообще не человек.

Но исполняя свой долг гражданина, подданного, правителя, отца, сына, мужа, соседа, он должен показать людям, как можно при этом жить без страха, боли, волнений, страстей. Для этого он должен ничего не считать своим, не бояться изгнания, бедности, простого труда, избавиться от зависти, гнева, желаний, жалости, не осуждать богов и людей, если все идет не так, как он мог бы хотеть, довольствоваться минимумом, всегда доступным, и не стремиться к излишнему. Счастье не в исполнении желаний,

а в их уничтожении. Желания, даже будучи исполненными, только порождают новые. Раб мечтает быть свободным, получив вольную, он хочет разбогатеть. Знатный хочет получить звание консула, затем приближенного императора и, получив все это, убеждается, что он по-прежнему раб, если не человека, то своих страстей и страхов. Даже император не свободен так, как свободен умеющий ничего не желать, ничего не бояться. Унижает себя тот, кто гневается на подчиненного или власть имущего, тот, кто бежит к судье жаловаться, если у него что-нибудь украли, или его обругали, или его побили. Тот, кто это сделал, сам нанес себе ущерб, проявив неприличную гневливость. Мудрый должен не жаловаться на него, а просить у него извинения за то, что своим поведением довел его до такого состояния.

Гневающемуся правителю надо отвечать с достоинством, дать ему понять, как мала его власть над истинным «я» мудреца. Когда Эпафродит, разгневавшись на Эпиктета, угрожал ему жестоким наказанием, Музоний Руф предложил за него заступиться, но Эпиктет отказался и мужественно вытерпел пытку. Когда Веспасиан хотел казнить стойка Гельвидия Приска, тот сказал ему: «Твое дело меня казнить, мое — умереть так, как подобает»²⁵. Какое значение, имеет мужество, проявленное столь немногими?! То же значение, какое имеет пурпурная нить на тоге — ею все украшается. Ради того, что люди называют свободой, свободы внешней, многие не жалели жизни, ради нее гибли целые города, так неужели ради истинной, внутренней свободы человек не может с готовностью отдать богу то, что тот ему дал? Однако свобода для Эпиктета отнюдь не своеволие. Смешно считать свободным того, кто станет писать имя «Дион», как ему хочется, а не так, как пишут все. Свобода — в подчинении высшей необходимости, в осознании того факта, что все в мире преходяще. Кто смотрит на себя как на нечто отдельное от целого, тот заботится о своем личном благе и ропщет, если у него нет богатства, высокого положения, здоровья. Тот же, кто понимает, что он лишь часть целого, как гражданин часть полиса, и подчиняет свои желания богу и законам целого, будет всей своей жизнью свидетельствовать, что счастлив и свободен лишь человек, который привел свою волю в соответствие с установлениями и волей бога.

[В системе стоиков были заложены противоречия, обусловленные обстановкой, в которой она развивалась. Признавая разумность законов природы и ее отображения — империи, воплотившей всечеловеческую общность, стоики сплошь да рядом оказывались в оппозиции к империи и большинству человечества, пороки и невежество которого постоянно обличали и вообще оценивали его довольно пессимистически. Доказывая, что долг мудреца служить людям, они, исходя из тезиса о невозможности улучшить мир и людей, часто советовали прекратить общение с людьми, жить наедине с собой, с заложенной в них самих божественной искрой. Доведя идею приоритета целого перед частью до утверждения незначительности судьбы человека по сравнению с судьбой мира, бессмертия или смертности отдельной души по сравнению с вечностью души мира, стоики все же высшую ценность видели в совершенствовании собственной души и разума, т. е. самих себя. Мудрец не может исправить людей, но исполняет свое назначение, исправляя самого себя. Таким образом, личное, индивидуальное, хотя и санкционированное всеобщим, все же оказывалось на первом месте. Призывая повиноваться законам бога и природы, а не государства, превыше всего почитая собственное суждение, они фактически ставили себя над связями человеческими и гражданскими. Индивидуализм достиг здесь крайних для античного мира пределов. И в конечном счете он не только не ставил той общей цели, которую когда-то предполагал «римский миф», но и не давал ощущения причастности к мировой гармонии, через которую воспринималась и причастность к человеческим коллективам.]

Все же ряд положений Сенеки и Эпиктета получил столь широкое распространение, что превратился в некие общие места. Еще Музоний Руф советовал тому, кто хочет обрести независимость и свободу, самому трудиться, стать земледельцем на своей или арендованной земле, или еще лучше стать пастухом, так как жизнь пастуха дает большой досуг для размышления и созерцания природы. Дион Хрисостом неоднократно противопоставлял зависимую, порочную жизнь в городах свободной чистой жизни пастухов и земледельцев, призывал городские власти стимулировать переселение в сельские местности горожан, а последних не бояться простого труда. На все лады варьировалась тема о счастливой простой жизни людей «золо-

того века» и «варваров», живущих не в городах, а в единении с природой, не знающих собственности, роскоши, а следовательно, господства и рабства. Даже поэт Марциал, автор изящных, остроумных коротких стихотворений, так называемых эпиграмм²⁶, не отличающийся вообще склонностью к занятиям философскими вопросами, в одной эпиграмме писал, что царей приходится терпеть тем, кто желает того же, чего желают цари; тот же, кто может обойтись без раба, не должен будет иметь и царя. Лучше работать самому, как раб, чем, стремясь к роскоши, брать взаймы деньги и попадать в зависимость от рабов своего кредитора, писал Плутарх в специальном трактате о том, что следует избегать долгов. Роскошь, порожденная богатством, всячески осуждалась. Тот же Дион Хрисостом, а впоследствии христианские авторы осуждали даже тех ремесленников, которые заняты изготовлением предметов роскоши.

У авторов, писавших для господствующих классов, помимо мысли о пагубности богатства и роскоши для независимости и свободы постоянно проскальзывает мысль и о той опасности, которую навлекают на себя богачи, вызывая зависть бедных. Лукиан советовал богатым делиться с бедными, так как в противном случае бедные могут возмутиться, отобрать имущество богатых и не оставить им даже «обрезков, годных в пищу только собаке». Дион Хрисостом сравнивает жизнь Диогена с жизнью персидского царя, боявшегося, что его убьют богатые, ставшие слишком могущественными, а бедные возмутятся против богатых. Этим отчасти вызывалось стремление доказать бедным, что их жизнь спокойнее, чем жизнь богатых и власть имущих, преследуемых вечными страхами и обремененных заботами. Однако основной упор все же делался на то, что независимость и свободу дает простая, близкая к природе жизнь. Близость к природе приближала человека к божеству, так как самое понятие о божестве люди получили от природы.

Поэтому, как доказывал, например, Дион Хрисостом²⁷, первобытные люди были постоянно исполнены божественного чувства, как посвящаемые в мистерии, только храмом для них был космос, а посвящали их сами боги. Боги создали на радость людям землю, сделав ее как бы своей колонией, и пока она была новой, часто ее посещали и посылали своих представителей — Геракла, Диониса и дру-

гих. Тогда и сами люди были как полубоги, но затем они оказались предоставленными сами себе и стали несправедливыми и порочными. Однако боги с самого начала даровали людям разум и способность рассуждать — логос, соединив их с космосом и собой в единую общность, единый полис, или единый живой организм. Чем ближе человек к природе, тем яснее он сознает эту общность, объединяющие все согласие и симпатию, тем более ему доступна истинная духовная свобода, состоящая в следовании законам, установленным не людьми, а природой, законам, подобным правилам, действующим в хоре или на корабле, где добровольное и свободное выполнение каждым своего долга, своей роли обеспечивает как благо целого, так и неразрывно связанное с ним благо каждого отдельного сочлена такого целого.

Мысль о близости к природе как источнике добродетели и мудрости, даваемых самими богами, обуславливала особый интерес не только к жизни «варваров», но и народов, которые якобы следовали заветам богов, полученным в отдаленнейшие времена и хранимым в тайне жрецами и посвященными — брахманами в Индии, магами в Персии, мудрецами-гимнософистами в Эфиопии, жрецами в Египте. Фантастические повести о путешествиях в полубогородные и легендарные страны всегда пользовались успехом в античной литературе. Но в более ранние периоды их основное ядро составлял рассказ об идеальном общественном и политическом строе этих стран, каким его представляли себе авторы соответствующих произведений. Теперь центр тяжести был перенесен на тайные знания и моральные предписания, которые можно было почерпнуть в беседах с боговдохновенными мудрецами, пожелавшими открыть их достойным путешественникам.

Все больший интерес стало вызывать чудесное, необычайное. Неизвестный автор, написавший в I в. трактат «О возвышенном», еще придерживаясь в основном эстетических воззрений Цицерона и Горация, вместе с тем уже считал, что изображения в искусстве и литературе заслуживает не повседневное и обычное, а редкостное и поражающее воображение, «не ручей, а океан». Лукиан, едко высмеивавший в своих многочисленных произведениях всевозможные, свойственные его современникам симптомы отклонения от здравого смысла, передает дей-

ствительную или воображаемую беседу, имевшую место у его приятеля, где собралось тогдашнее интеллигентное общество и где каждый из гостей рассказывал о случаях явления призраков, чудесных исцелений, оживления статуй и т. п. Росла популярность тех культов (Изиды и Озириса, Атиса и Кибелы, Диониса и т. п.), где адепты посвящались в мистерии, открывавшие им божественные тайны мироздания и дававшие непосредственно то духовное освобождение, которое философия обещала лишь в результате длительного труда и учения.

Столь долгий и трудный путь, проповедуемый философами, видимо, многих отталкивал. Тот же Лукиан неоднократно показывал в карикатурном виде не только философов, жизнь которых отнюдь не соответствует их учению, но и тех, кто многие годы изучает философию в тщетной надежде «войти в полис мудрецов», где нет «ни бедных, ни богатых, ни рабов, ни господ», но все добродетельны, счастливы и свободны. Судя по тому, что и Эпиктет, и Дион Хрисостом, и другие жаловались на несколько настороженное и насмешливое отношение к философам, Лукиан в этом смысле был не одинок. И все-таки то основное, что характерно для стоической философии — стремление к духовной независимости и перенесение идеи свободы из реального в моральный план — так или иначе определяло интересы как высших, так и средних слоев общества.

Среди последних особенно живой интерес вызывали вопросы морали, приспособленные к их повседневной жизни. Сочувствием по-прежнему пользовалось обличение испорченных нравов. Этой теме были посвящены едкие и желчные сатиры Ювенала²⁸, выходца из среды небогатых италийских землевладельцев. Как и другие писатели времени Антонинов, он мог себе позволить свободно бичевать пороки, разъедавшие общество при «тиранах». Богатые и невежественные выскочки, чванные аристократы, жестокие к рабам господа, их самодурки-жены, развратные юноши, гоняющиеся за покровительством богатых патронов, авантюристы, со всей империи стекающиеся в Рим, плебеи, ради хлеба и зрелищ готовые сегодня приветствовать императора, а завтра тащить его тело в Тибр и славить его убийцу, император Домициан, попирающий все законы и приличия, — таковы основные персонажи его сатир. Им он противопоставляет старые добрые простые

нравы, еще сохранявшиеся кое-где в маленьких городках Италии, и «нравы предков».

Тем же духом проникнут обширный энциклопедический научный труд «Естественная история» Плиния Старшего. Писал ли он о земледелии, металлах, драгоценных камнях, он всегда находил повод заклеить современную испорченность и противоестественную жажду роскоши. Темам морали в связи с темами воспитания уделял много внимания ритор Квинтиллиан в своем труде о подготовке юноши к карьере оратора. Им же посвятил ряд специальных сочинений Плутарх, собирая и сопоставляя высказывания различных, преимущественно древних авторитетов по поводу того, как следует вести себя с рабами, с друзьями и недругами, как воспитывать детей, соблюдать приличную благородному человеку умеренность и воздержанность и т. п. По существу и его знаменитые биографии римских и греческих деятелей написаны как иллюстрации к правилам морали. Нравственному облику своих героев Плутарх придает наибольшее значение, наиболее рельефно его обрисовывает. В этом отношении близок к нему, хотя и значительно слабее по исполнению, римский писатель Валерий Максим, собравший в своем сочинении «О замечательных делах и словах» примеры необычайного нравственного величия римлян и иноземцев прошлых времен, между прочим и рабов, пожертвовавших жизнью ради господ. Та же морализирующая тенденция присуща многочисленным биографиям риторов, грамматиков и поэтов, написанных Светонием, софистов — Филостратом, философов — Диогеном Лаэртским. Следуя заветам Горация соединять приятное и полезное, развлекать и поучать, авторы старались и удовлетворить интерес читателя к судьбам и характерам известных лиц, и преподать им уроки и правила жизни, и развлечь многочисленными анекдотами и остротами, обильно уснащавшими такие повествования.

Поучительный оттенок так или иначе присущ был и другим распространенным жанрам произведений для легкого чтения. Они были весьма разнообразны по замыслу и исполнению, предназначаясь для широкой читающей публики, желающей развлечься в часы досуга. В известной мере они заменили театральные представления, которые во времена империи в значительной мере были вытеснены цирком и пантомимами — пластическим, без слов,

позображением чувств и переживаний героев. Старые комедии и трагедии теперь казались зрителям скучными и растянутыми и постепенно сходили со сцены. Новые не писались или писались только для чтения, а не для постановки. К легким литературным жанрам относились эпиграммы на различные темы: от описания какого-нибудь лица или предмета до небольших сценок, от посвящения богам до облаченных в стихотворную форму моральных афоризмов. К ним близки были написанные в подражание переписке Плиния письма вымышленных лиц, коротко рассказывающие о разных событиях и поучительных случаях. Издавались и специальные сборники о правилах поведения и морали, например «Моральные дистихи» некоего Дионисия Катона, рассчитанные на мелких собственников и деловых людей.

Вырабатывался некий канон характеристики «положительного» и «отрицательного» персонажа. Первый обычно происходил из семьи декурионов, получал хорошее образование, честно и усердно служил родному городу, исполнял обязанности городских магистратов, щедро делился с согражданами своим имуществом, умел личным примером или вовремя произнесенной разумной и хорошей речью прекратить возникавшие в городе несогласия, был равнодушен к материальным благам, благосклонен к людям, снисходителен к низшим, вел себя почтительно и с достоинством с высшими. «Отрицательный» персонаж обычно уже с детства предавался разврату, оскорблял родителей, при разделе наследства обделял братьев, всевозможными нечестными средствами вплоть до расхищения общественной казны гнался за богатством, был жесток, груб, невежествен, чванлив, спекулировал на людских пороках и суевериях, разжигая раздор и смуты. По такому шаблону обрисовывались и реальные и вымышленные лица.

Совсем новым жанром, появившимся в первые века нашей эры, был роман — латинский и греческий²⁹. Что касается первого, то до нас дошли отрывки «Сатирикона» Петрония и полностью «Метаморфозы» Апулея, уроженца африканского города Мадавра³⁰. В «Сатириконе» описываются похождения трех жуликов в маленьких италийских городах. Однажды герои попали на пир к богатейшему отпущеннику Тримальхиону, и образ этого возвысившегося благодаря плутням «нувориша» стал одним из

шедевров римской литературы. По ходившим в древности слухам, под видом Тримальхиона и его гостей Петроний описывал двор Нерона, что придавало роману особый интерес в глазах современников. В романе Апулея, платоника и адепта культа Изиды, привлеченного к суду по обвинению в чародействе родственниками богатой вдовы, вышедшей за него замуж, обрабатывается бродячий сюжет, встречающийся также у Лукиана, о юноше, превращенном в осла. Пережив множество приключений, герой, наконец, с помощью Изиды обретает человеческий облик. «Метаморфозы», написанные живо и остроумно, со множеством бытовых подробностей, имели большой успех. Вставленные в текст рассказы об Амуре и Психее, о неверной жене мельника, спрятавшей любовника в бочку, потом неоднократно использовались писателями Возрождения и нового времени.

Гораздо более условны, дальше от реализма греческие романы³¹. Основой их сюжета обычно была любовь юноши и девушки необычайной красоты, добродетельной и благородной. Волей судьбы молодые люди оказывались разлученными (чаще всего, отправившись в путешествие, они терпели кораблекрушение и попадали в плен к пиратам или разбойникам), переносили многочисленные бедствия, оказывались в рабстве, нищете, подвергались гонениям власть имущих и насильников, считали друг друга умершими, но, наконец, с помощью богов воссоединялись и жили счастливо.

В романах, видимо, рассчитанных на самые широкие круги, отражаются основные элементы тогдашних представлений и вкусов авторов и читателей. «Положительный герой» это уже не принимающий муки и смерть за родину воин (хотя, если такой герой волей случая попадает на войну, он мужественно сражается), не гражданин, служащий родному полису, а в первую очередь человек, сохраняющий в любых условиях свое достоинство, внутреннюю независимость, добродетель, верность своей цели и любви. Причем если даже герой или героиня, считая, что любимый человек умер, под давлением обстоятельств вступают в брак или любовную связь с другим лицом, это не является нарушением морали, так как они остаются верными любимому или любимой. Внешний момент, факт отступает перед внутренним умонастроением, волей, духом в полном соответствии с учением стоиков о безраз-

личии к внешнему, не зависящему от воли человека, и о единственной значимости его никому не подвластного «суждения». Отрицательные персонажи в романах — обычно жестокие господа, тираны, восточные цари, не умеющие собой владеть, приносящие несчастье другим и в конечном счете, несчастные сами. Часто в романах как бы кульминационным пунктом является сцена суда, на котором несправедливо обвиненные герой или героиня произносят речь, обличающую тирана или царя, противопоставляя его внешней власти внутреннюю силу истинно свободного и добродетельного человека.

Появляется в романах и еще одна весьма характерная фигура — «благородный разбойник», человек хорошего происхождения, пострадавший от несправедливого к себе отношения и ставший атаманом разбойничьей шайки, но по-прежнему великодушный, справедливый, способный на высокое самоотвержение ради дружбы и чувства товарищества. Такой персонаж был очень популярен — он фигурирует не только в романах, но и в произведениях историков. Особенно характерен образ выведенного у Диона Кассия³² атамана Буллы Феликса. Собрав в Италии 600 человек — рабов и крестьян, — он грабил богатых и помогал бедным, проявляя чудеса храбрости и находчивости, мороча посланных на поимку его солдат и спасаясь в самых опасных обстоятельствах. В конце концов он все же был пойман из-за предательства своей любовницы. Приведенный к императору Булла на его вопрос, «каким образом он стал разбойничьим атаманом», ответил: «А каким образом ты стал цезарем?». Образы «благородных разбойников» в средние века и в новое время рождались обычно в крестьянской среде как символ борьбы с социальной несправедливостью, но были популярны и в литературе тех слоев, которые, будучи неудовлетворенными существующим положением дел, не видели иного выхода, кроме индивидуального, более или менее активного протеста. Возможно, что таково же было происхождение «благородных разбойников» в позднеантичной литературе, где их образ дополнял имевшую те же корни идею ухода от зла внешнего мира в собственный внутренний мир или на лоно природы, в глухие уголки, где нет пороков, разъедающих город.

Стремление к уходу от реальной действительности проявилось и в романах, где действие обычно происхо-

дило в каких-нибудь отдаленных, полусказочных странах и даже (судя по одной пародии Лукиана на такого рода литературу) на луне и солнце, населенных некими фантастическими существами. Иногда в романах появляются и посвященные во многие божественные тайны восточные мудрецы и жрецы, и непременно большую роль играют боги, которые помогают благоговейно почитающим их героям. Авторы романов не скупились на изображение чудесного, начиная от необыкновенной красоты главных действующих лиц и исключительно роскошной обстановки во дворцах богатей и царей и кончая потрясающими сценами кораблекрушений, битв, казней, чудесных знамений и т. п., что вполне соответствовало точке зрения на задачи искусства вышеупомянутого автора трактата «О возвышенном».

— Это стремление уйти от реальности, обусловленное отсутствием ясных целей реального действия, сказалось на самых различных сторонах тогдашней культуры. Так, например, как и в предыдущие века одним из наиболее распространенных и любимых видов искусства оставалось ораторское искусство. Но за исключением сравнительно редких случаев, когда оратор выступал перед императором как член посланной от города делегации или перед народом, когда отправлял какую-нибудь городскую magistraturу, риторам не приходилось затрагивать действительно актуальные вопросы. Обычно они произносили речи на исторические темы от имени тех или иных деятелей Древней Греции, или на абстрактные общие темы, или разбирали выдуманные, нереальные казусы, например: «так как подавивший восстание заслуживает награды, один человек, поднявший и подавивший восстание, произносит речь, требуя награды»; «тиран отказался от власти при условии безнаказанности, но один человек, которого тиран некогда сделал евнухом, убивает его и произносит защитительную речь»; «похищенная девушка потребовала казни похитителя, когда же у нее родился ребенок, деды спорят, кто из них должен его воспитывать, и произносят речи» и т. п. Набор сюжетов был в общем ограничен, и искусство оратора заключалось в умении привести новые аргументы, найти новый, неожиданный поворот, поразить слушателей непривычным словосочетанием. В результате форма начала преобладать над содержанием, стала самоцелью. В моду вошли архаические слова и обороты речи,

вычурность, надуманность, видимо, тем более производившие впечатление на слушателей, чем менее были понятны им.

Та же вычурность, внешняя красивость, против которых протестовали Цицерон и Гораций, начинает проявляться в архитектуре, живописи, в зрелищах. Грандиозность построек стала цениться больше соразмерности и изящества. Императоры воздвигали со всей возможной роскошью отделанные дворцы, триумфальные арки, колонны с вылепленными на них сценами их войн и побед, мавзолеи своим обожествленным предшественникам. За ними тянулись частные лица, имевшие достаточно средств. Делавшиеся из бетона стены домов украшались живописью и мозаикой. Широкое распространение получили саркофаги и гробницы, украшавшиеся барельефами, имевшими непосредственное отношение к земной и загробной судьбе покойных. Их изображали то посреди их имений, с семьями и несущими дары колонами, то в кругу богов, в образе бессмертных героев — Геракла, Диониса. Такие гробницы окружали садами, обслуживавшимися специально приставленными к ним рабами и отпущенниками покойных.

В зрелищах ценили даваемые ими сильные ощущения и затраченные на их устройство огромные средства. Чем больше на арену выпускали гладиаторов, редкостных диких и дрессированных зверей или состязавшихся в беге колесниц, тем большим был восторг зрителей. Когда Марк Аврелий хотел законодательным путем уменьшить все растущие расходы на гладиаторские игры, его друг, философ и ритор Фронтон писал ему, что опасно задевать два основных оплота империи: раздачи хлеба и зрелища, причем последние особенно опасно, так как в хлебных раздачах заинтересованы только бедняки, а в зрелищах же — решительно все. Хотя философы обычно резко осуждали повальное увлечение гладиаторскими боями и бегами, тягу к роскоши и внешним эффектам, по существу это были явления, порожденные тем же стремлением забыться и отвлечься от существующей действительности, что и их собственные учения, их идеал бесстрастного, ни в ком и ни в чем не нуждающегося мудреца, добродетельного и исполняющего свой долг, не отдавая себе отчета какой цели, кроме собственного спокойствия и самоудовлетворения, он служит.

Общее умонастроение сказалось и на судьбе науки этого времени. Под влиянием непосредственных требований жизни продолжали развиваться те ее отрасли, которые были связаны с практикой. В первую очередь это была агрономия, разрабатывавшаяся рядом видных теоретиков и практиков³³. Все они подчеркивали необходимость соединять знания, почерпнутые из книг, с непрерывным экспериментированием и учетом опыта достигших наилучших результатов земледельцев. Однако успехи агрономии сужались невозможностью организовать достаточно интенсивное рациональное хозяйство, основанное на рабском труде.

Непрерывно развивались и теория и практика юриспруденции³⁴. Право при империи было необычайно сложным. Основой римского права были законы XII таблиц, составленные еще в эпоху борьбы патрициев и плебеев. Потребностям общества с развитыми товарно-денежными отношениями, многослойной структурой различных статусов и прав они не удовлетворяли, но приверженность римлян к установлениям предков не позволяла им отменить устаревшие законы. Они дополнялись многочисленными новыми законами, принятыми сенатом или народным собранием, эдиктами магистратов, а со времени установления империи — законами, издававшимися императорами, и рескриптами, т. е. ответами на различные обращения к императорам прошения, становившимися прецедентами для аналогичных случаев. Так или иначе должны были учитываться и многообразные правовые нормы провинций.

Чтобы разобраться во всей этой массе материала, требовались большие специальные знания. Их получали в юридических школах, из которых выходили наиболее видные юристы, становившиеся затем императорскими чиновниками и советниками императоров. Их обширные толкования и комментарии к действующим законам также превращались в источники права. Уделяя основное внимание практическому приложению римского права, юристы вырабатывали и основные теоретические положения — о видах собственности, договоров, контрактов, исков, сущности и границах правоспособности контрагентов различного статуса, юридических лицах и т. п. Наибольшее значение в теоретическом плане приобрело учение о природном равенстве людей, естественном праве, об обычном праве, общем для разных племен и народов, и, наконец,

о гражданском (цивильном) праве, действительном для римских граждан и не совпадающем с естественным правом, например в вопросе о рабстве: человеку от природы по естественному праву присуща свобода, рабом его делает лишь закон. Рабство, таким образом, определялось как результат насилия, лишь санкционированного законом, что было большим шагом вперед по сравнению с прежними теориями прирожденного рабства варваров и вообще людей, неспособных самостоятельно управлять своими поступками в силу низшей их природы. Сводка основных положений права давалась в составившихся для учебных и практических нужд сборниках. Кодифицировано римское право было только при византийском императоре Юстиниане. Составленный тогда «Корпус гражданского права» лег в основу как средневекового, так и буржуазного права Европы.

В других областях науки, как уже упоминалось выше, теория и практика со временем все более расходились. Помимо растущего неодобрения практической деятельности, столь ярко заметного уже у Сенеки, это объяснялось отчасти и тем обстоятельством, что философия, некогда искавшая подкрепления даже этическим постулатам в физике, все далее от нее отходила. Философские системы, в первую очередь наиболее популярный стоицизм, застыли, и наука перестала играть ту роль в конституировании мировоззрения философов, которая заставляла их на более ранних этапах все вновь и вновь обращаться к астрономии, космогонии, математике, естествознанию. Приняв, например, учение о гармонии мира, философ мог теперь с одинаковой легкостью видеть ее и в гелиоцентрической, и в геоцентрической системах. Как мы видели, Сенека постоянно подчеркивал, что философ должен заниматься лишь тем, что очищает душу, не входя в детали частных случаев и закономерностей. Под таким углом зрения он написал свои компилятивные умозрительные «Вопросы естествознания», посвященные небесным и атмосферным явлениям, морям, океанам, землетрясениям и вулканам. Единственный практический вывод, который он делал из всех изложенных сведений, это возможность предсказания будущего по ударам молнии и положению звезд, поскольку все в мире взаимосвязано. И вскоре астрология почти полностью вытеснила астрономию; к ней обращались все, начиная от императоров, желавших

узнать, кто из сенаторов может оказаться их соперником, до человека, задумавшего строить дом при наиболее благоприятном для этого расположении звезд. Отвергнутая наукой практика все же пролагала себе путь, хотя бы и окольный.

Наконец, лишь очень немногие, подобно Лукрецию, видели в науке силу, противостоящую религии, освобождающую разум человека и соответственно могущую служить самостоятельной целью человека и человечества. В большинстве же случаев античная наука и религия не сталкивались и не противостояли друг другу в той мере, как это было во времена Возрождения и позже. В силу всех этих причин наука оказалась в стороне от основных фронтов идеологической борьбы, что сильно повлияло на ее судьбу.

Предпочтение стали отдавать не исследованиям, а компиляциям энциклопедического типа. В I в. такие компиляции по всем отраслям знаний составили Корнелий Цельс и Плиний Старший. Последний для своей «Естественной истории» использовал 2 тыс. трудов 500 авторов, в основном греческих. Но с течением времени такие компиляции все более приобретали характер легкого чтения, рассчитанного на людей, не стремящихся к серьезным знаниям, но желающих развлечься в часы досуга занимательной и поучительной книгой, а при случае в разговоре или речи блеснуть каким-нибудь любопытным примером или анекдотом. Для такого рода потребителей предназначались многочисленные сборники и отдельные трактаты. В этом духе много писал Плутарх, затрагивая самые различные темы: об оракулах, различных греческих и римских обрядах, изречениях знаменитых людей и т. д. Афиней собрал множество отрывков из греческих авторов на самые разнообразные темы. Клавдий Элиан в книгах «О природе животных» и «Пестрые рассказы»³⁵ кратко изложил занимательные сведения о далеких племенах, ассирийских и персидских царях и их придворных обычаях, о греческих полководцах и тиранах, о случаях проявления ума и благородства животными. Юлий Солин составил сборник сведений о чудесных предзнаменованиях, Артемидор — о толковании снов. Все эти и им подобные сочинения содержали самые невероятные выдумки, имея целью поразить воображение читателя. Соответствие излагаемого фактам авторов не заботило. Так, например, пи-

савшие для широкой публики географы сплошь да рядом пользовались сочинениями многовековой давности, не трудясь проверить, какие изменения произошли в жизни описываемых ими стран, племен и народов. Складывался определенный стандарт: в Индии или Эфиопии обязательно должно было быть что-нибудь чудесное, первобытные племена и варвары непременно жили почти что в «золотом веке» и т. д. На эти сочинения весьма мало влияли труды по географии, написанные с практическими целями и знанием дела: «География» Страбона, давшего в I в. довольно точное описание земель и народов, входивших в состав империи и с нею граничивших³⁶; многочисленные «Периплы» — описания морских берегов для нужд мореплавателей; снабженные картами «Итинерарии» — путеводители и маршруты для путешественников и воинских частей. Все это казалось слишком сухим и мало интересным для людей, в такого рода сведениях непосредственно не нуждавшихся. То же относится и к другим областям знаний.

Жить и развиваться наука продолжала только в Александрии, где еще блюлись старые традиции учеными, работавшими в основанном в III в. до н. э. научном центре — Музее. Там учились и работали великие ученые последних веков античности, главным образом математики и медики. Из последних наибольшей известностью пользовался ставший впоследствии врачом Марка Аврелия — Гален, автор множества трактатов по философии и медицине. Исходя из того, что божественный разум проявляется во всех сферах природы, он объяснял структуру и функции различных органов. Однако Гален был не только теоретиком, но и активным исследователем и экспериментатором. Он анатомировал животных и ставил на них опыты, например с целью выяснения взаимосвязи спинного мозга обезьяны с подвижностью и чувствительностью ее органов. Он доказал, что в артериях находится не воздух, как думали в его время, а кровь, сделав таким образом важный шаг на пути к открытию кровообращения. В IV в. на основе трудов Галена и других авторов ученый врач Орибазий составил подробную медицинскую энциклопедию в 70 книгах.

Пышного расцвета достигла в Александрии математика и связанные с нею науки. В конце I в. Менелай Александрийский написал труд по сферической геометрии и

усовершенствовал составленную знаменитым математиком и астрономом II в. до н. э. Гиппархом таблицу хорд и дуг для вписанных в круг углов различной величины, эквивалентную таблице синусов. В то же время продолжали разрабатываться проблемы механики — равномерное движение по прямой, условия равновесия простых механизмов, скорость в ее соотношении с силой и сопротивлением.

Итог математическим наукам был подведен в трудах Птолемея. Наибольшее влияние на последующую науку оказал его «Математический синтез», известный у арабов под названием «Алмагест» трактат по астрономии как ветви математики. Многие позаимствовав у Гиппарха, Птолемей основывался и на непосредственных наблюдениях. Гелиоцентрическую систему, разработанную Аристархом Самосским, он отбросил именно потому, что принятая Аристархом круговая (а не эллиптическая) траектория движения планет не подтверждалась данными наблюдений. В своей системе Птолемей исходил из шарообразности земли, расположенной в центре вращающихся вокруг нее сфер небесных тел, движение которых он вычислял, основываясь на тригонометрии и сферической геометрии Гиппарха и Менелая. Он рассчитал продолжительность самого длинного дня для каждой широты дня, сроки солнечных затмений и составил каталог 1028 звезд, приводя и координаты каждый из них. На математических принципах основывалась и его «География» с приложением руководства по черчению карт. Определив размеры земли, Птолемей дал координаты 8000 географических пунктов, но сделал это весьма неточно.

В трактате «Оптика» он старался объяснить механизм зрения, отражения в зеркалах и рефракции при переходе луча света из воздуха в воду под разными углами. Ему же принадлежит и астрологический трактат «Тетрабиблион». В предисловии Птолемей писал, что в отличие от астрономии астрология имеет дело с вещами, которые не могут быть продемонстрированы, но тем не менее заслуживают исследования. Астрологические методы предсказания будущего он считал более надежными, чем иные виды гадания. Он характеризует благоприятные и зловерные планеты, общие астрологические прогнозы событий, относящихся к целым странам, городам и большим массам людей, таких как стихийные бедствия и войны, и, наконец,

индивидуальный аспект астрологии — события в жизни отдельных людей и составление гороскопов.

Александрийская математическая школа дожила до VI в. В III и IV вв. там работали математик Диофант, положивший начало разработанной затем арабами алгебре, и Папп, суммировавший все основные проблемы античной математики и механики, между прочим, и в ее практическом применении к конструированию механизмов для переноса тяжестей, военных машин, насосов, водяных часов, автоматов, движущихся сфер. Труды Паппа в новое время привели к рождению аналитической геометрии.

Все это были крупные достижения античной науки, но оценены, развиты и использованы они были учеными будущих поколений. Современники оставались к ним равнодушны. Пока я занимался астрономией, писал в одной из своих эпиграмм поэт Леонид, меня не знал ни один благородный гражданин Италии. Теперь меня знают и любят все, ибо я понял, насколько Каллиона (муза поэзии) выше Урании (муза астрономии)³⁷. Александриец Теон в эпиграмме, посвященной Птолемею, называл его «божественным существом, познавшим движения светил и даваемые ими предзнаменования. Его небесный ум не имел ничего земного; и хотя, привязанный к земле, он делил жизнь смертных, он очистил свой дух от земных страстей, освободился от телесных уз». Здесь звучит та же мысль, что в одной анонимной эпиграмме, посвященной Эпиктету: «Проникнись мыслями и моралью Эпиктета, — советует автор, — если хочешь облегчить свой дух, стремящийся к небу, жаждущий оторваться от земли и подняться в небесную обитель»³⁸. Наука о мироздании в ту эпоху в отличие от современности была лишь средством для очищения души, обретения ею свободы, приближения к божественному началу. Но этой цели огромное большинство тех, кто к ней стремился, пыталось достигнуть более доступными путями, принимая в готовом виде положения философии, постепенно отказывавшейся от попыток обосновать данными науки уже установившиеся, отлившиеся в некую стандартную форму доктрины. Слишком много написано книг, слишком много существует различных мнений ученых о земле и небе, но они не сделали людей ни лучше, ни счастливее, неоднократно говорили и Сенека и особенно Эпиктет. С той конечной, практической

целью, которая стояла перед античной наукой — научить людей быть хорошими гражданами, добродетельными, свободными, а значит, и счастливыми, наука не справилась, а другой цели, кроме привлекавшего лишь немногих — познания ради познания — она поставить себе не могла. И здесь кризис общих и частных целей приводил к сужению горизонтов и застою.

Все это — симптомы, предвещавшие кризис античной культуры. Но, пожалуй, самым характерным для того времени явлением был все углублявшийся разрыв между идеологией господствующих и эксплуатируемых классов, являвшийся результатом углубления и обострения социальных противоречий.

Широким массам, трудящейся бедноте официальная пропаганда и культура господствующих классов становились все более чуждыми, а попытки поставить угнетенные классы под эффективный идеологический контроль давали совершенно обратные результаты³⁹. В этой среде складывались свои представления, нашедшие свое отражение в обрабатывавших народные сюжеты баснях, в пословицах и поговорках, в эпитафиях, прославлявших покойного за его добродетели, казавшиеся его близким наиболее похвальными, в интерпретации образов популярных в низах богов, в проповедях крайних представителей кинизма, которых не чуждые умеренному кинизму Лукиан и Апулей называли «беглыми рабами», грубыми «трактирщиками» и «сапожниками». Представления эти в противоположность распространившемуся в высших классах презрению ко всем видам «рабской деятельности» отличались высоким уважением к труду и трудящемуся человеку. Таким вечным тружеником, не гнушавшимся простого труда, был для народа Геракл, ставший за это богом и помощником всех работающих. Физический труд представлялся не только необходимым, дающим средства к жизни, но силой, очищающей человека. На надгробиях часто изображались орудия труда, земледельческого и ремесленного, особенно плотничьи инструменты, ставшие символом правильной жизни. Покойного прославляли как искусного в своем деле, прилежного труженика, а баснописец Федр в басне о пчелах и трутнях утверждал, что продукт труда должен принадлежать тому, кто его произвел, а не никчемному бездельнику.

Высоко ценилась дружба, маленькие дружеские

кружки в противоположность официальным коллегиям, единение с равными себе хорошими людьми, но никак не с могущественными и богатыми, которые хорошими людьми быть не могут, так как власть имущие прикидываются друзьями маленьких людей только для того, чтобы их разьединить и поработить, а богатый неизбежно или сам негодяй, или наследник негодая. Включение старых плебейских лозунгов в императорскую пропаганду дискредитировало их в глазах народа и отвратило от попыток возобновить борьбу за их осуществление. Живуч, видимо, был некий смутный идеал справедливого социального строя, при котором каждый человек трудится на своем небольшом участке земли, никто не может у него отнять ни землю, ни созданное им своим трудом, никто ни от кого ни материально, ни морально не зависит. Но вместе с тем возникло сознание невозможности установления таких справедливых с точки зрения трудящихся отношений. Поэтому средством сохранить хотя бы духовную свободу признавалась возможная изоляция от мира богатых и знатных, от всех их учреждений и установлений. Повиноваться внешне, чтобы не давать повода проникать в свой внутренний мир, — такова была основная мысль, близкая к учению Эпиктета о неподчинении кому бы то ни было своих суждений.

Набору официальных добродетелей и учению о добродетели как о знании, принятому стоиками и отраженному в ходячем афоризме «добродетель это мудрость, плебс ее не имеет», } противопоставлялись иные добродетели, выработанные в практике общения с друзьями и необходимой для бедняков взаимопомощи. То были доброта, кротость, простосердечие, милосердие и сострадание, невинность, чистая совесть, становившаяся здесь высшей моральной санкцией. Идея Рима, полиса, государства как главной, определяющей ценности выпадает. Напротив, наиболее радикальные киники последовательно отрицали все то, что является, как говорится в одной направленной против них речи, святыней для гражданина и включается в понятие *Pietas* ⁴⁰. Отрицали они и святость семейных уз и обусловленное ими повиновение жены мужу, детей отцу, уходили из семьи, ничего не желая брать у ее главы. Такой уход был, конечно, исключением, но и те, кто до подобной крайности не доходил, отвращались от исконных ценностей.

Сказывалось это и в религии. С внедрением обязательного императорского культа, связывавшегося так или иначе с культом официально включенных в государственный пантеон богов, любой протест против идущей сверху пропаганды не мог не включать вопросы религии. Некоторое время в народных массах и средних слоях еще было распространено вульгаризованное эпикурейство в форме призыва наслаждаться моментом и радостями жизни, так как придет смерть и все кончится, ибо душа смертна. Но в тех условиях, когда наслаждаться житейскими радостями могли очень немногие, а никакие ясно осознанные общественные цели не искупали мысли о конечном уничтожении, эпикурейство стало пессимистичным. Упор делался именно на неизбежный конец, обесценивающий жизнь вообще, делающий все ненужным и безразличным. От эпикурейства в низах остался лишь призыв «жить незаметно», вдали от официального мира.

Условия для распространения атеизма как реакции на официальную религию не сложились. Протест против нее также принимал религиозную форму. Боги, входившие в фамильный и государственный пантеон, все более теряли популярность среди трудящейся бедноты и рабов. Они выдвигали своих богов, не получивших официального культа, в первую очередь божеств земли, природы, растительности, противостоявших в известной мере небесным богам — олимпийцам. Особенно широкое распространение получил в низах культ бога Сильвана. Первоначально он был богом лесов и вообще дикой природы, покровителем пастухов, враждебный цивилизации. Вместе с тем благодаря его связи с лесами и рощами, в старину отделявшими одно племя от другого, усадьбу от соседних участков, он стал богом границ, межей, добрососедских отношений, хранителем нерушимости владения. Видимо, эта его функция и обеспечила Сильвану популярность среди «маленьких людей», страдавших от насилия знати, захватывающей их земли. Во времена империи из врага культурного земледелия он стал его покровителем и основателем, научившим некогда людей культивировать растения. Его изображали в одежде земледельца с орудиями земледельческого труда и собакой. По некоторым преданиям, Сильван был человеком, сыном раба, изгнанным господином в лес. Как Геракл, он превратился в божество благодаря своим трудам на пользу людей и так же

помогал тем, кто прилежно работал и вел честную жизнь, награждая посмертным блаженством достойных. Вместе с тем его почитатели видели в нем могучего бога-творца всего сущего, владыку космоса. Тяга к единому всемогущему божеству, выведившему своих почитателей из-под власти земных господ, характерная, как мы видели, для Эпиктета, вообще была присуща народной религии. В качестве таких богов выступали и другие боги, культ которых был особенно распространен в низах, например греческий пастушеский бог Пан, самое имя которого, означавшее «все, всеобъемлющее», подсказывало отождествление его с космосом. Приап, страж садов, несколько комическая фигура у поэтов в силу приписывавшейся ему особой эротической потенции, в надписях простых людей выступал как могучий создатель, родитель всего живого. Это был еще не монотеизм, но уже значительный шаг к нему. Отвращаясь от тех, кто имел власть на земле, простые люди противопоставляли им бога всемогущего и вместе с тем справедливого, близкого к людям, их страданиям и трудам. Сильван не имел официального культа, но рабы, отпущенники, плебеи организовывали коллегии его почитателей, строили на свой счет и своим трудом ему святилища, выбирали его жрецов, судя по некоторым данным таких, на которых бог сам каким-то образом указал, приносили дары в благодарность за вещий сон, исцеление, освобождение от рабства или опасности, надеялись, что после смерти он наградит их души.

Неприятие низами официальных ценностей, их пока еще пассивный протест против настойчивых попыток власть имущих «подчинить себе их суждения», растущая склонность в широких слоях господствующих классов к легко и бездумно воспринимаемым готовым истинам, к острым ощущениям, позволяющим отвлечься от действительности, перенесение людьми всех проблем в область морали, проповедь добродетели и мудрости ради даваемого ею покоя и исполнение долга ради долга без дальнейших реальных положительных целей — все это были предвестники надвигающегося кризиса античной культуры. Она еще порождала многих замечательных деятелей, стоявших не ниже, а в некоторых отношениях, может быть, и выше своих более или менее отдаленных предшественников. Тацит, Ювенал, Лукиан, Сенека, Эпиктет гораздо глубже проникали в психологию своих современников,

в большей степени умели вскрыть в ней «общечеловеческие» черты, чем писатели времен расцвета Афин или римской республики, благодаря чему их влияние на культуру нового времени было очень велико, а сочинения их возбуждают интерес вплоть до нашего времени. Но в отличие от историков, писателей, философов, ораторов, некогда обращавшихся ко всему афинскому или римскому народу и находивших у народа живой отклик, они современному им простому, трудящемуся народу оставались чуждыми. Культура империи превращалась в культуру элиты, не предназначенную для «плебса, не имевшего мудрости». А это было несомненным показателем ее близкого упадка.

С конца II в. общее положение в империи начинает резко ухудшаться¹. Тяжелые войны с соседними племенами и народами, вторгавшимися в империю, перемежались почти не прекращавшимися гражданскими войнами между различными претендентами на престол, между императорами и подымавшими восстания провинциями. Снова крайне ухудшались отношения императоров с сенатом. Императоры стремились усилить свою власть, ориентируясь на армию, сенаторы оказывали военным кругам противодействие, что приводило к непрерывной смене императоров, свергаемых и провозглашаемых то армией, то сенатом. В результате всех этих событий гибло население, люди бежали с насиженных мест, приходили в упадок земледелие и ремесло, быстро росла дороговизна, усиливавшаяся инфляцией, так как императоры, постоянно нуждавшиеся в деньгах, выпускали недоброкачественную монету, примешивая медь к серебру. Большое количество земель оставалось необработанным, что приводило к нехватке продуктов, частым голодовкам, эпидемиям. Особенно в тяжелом положении оказались города. Городские собственники разорялись, их земли отбирались за долги фиском или по дешевке скупались теми крупными землевладельцами, которые сумели использовать общую разруху для собственного обогащения. Они захватывали или скупали, несмотря на неоднократное запрещение подобной практики, и земли, остававшиеся в общественной собственности городов, терявших все более и более свой характер античных полисов. Императоры, пытаясь сохранить города и обеспечить поступление в казну налогов, запрещали декурионам уезжать из родных городов, обязывали их отправлять магистратуры, из почетных и желанных обратившиеся в тяжелое бремя, отвечать за выполнение городами и их округой многочисленных повинностей

и выплату налогов. Меры эти ускоряли разорение сословия декурионов, всеми правдами и неправдами старавшихся избавиться от своих обязанностей, поступить в армию или на императорскую службу, стать арендаторами в экзимирированных сальтусах или даже рабами лиц, достаточно могущественных, чтобы защитить их от императорских чиновников. С размыванием сословия декурионов в городах исчезли последние остатки демократии, влияние и власть сосредоточивались в руках нескольких богатых семей. Основная социальная опора империи катастрофически ослабевала и суживалась.

Особенно ярким симптомом ее упадка было прекращение образования новых городов, за счет которого в первые два века империи осуществлялось распространение античного способа производства и античной культуры. Зато по всем провинциям множилось число сел. Из них теперь преимущественно вербовали солдат и в них же, а не в городах получали земельные наделы ветераны. Из ветеранов и других разбогатевших селян складывался новый слой землевладельцев, значительно менее романизованных, чем декурионы провинциальных городов, гораздо более привязанных к местным культурным традициям. Вместе с тем законодательно укреплялись права сельских общин, отвечавших за поступление налогов и выполнение государственных повинностей. Укрепление общин вызывалось отчасти именно фискальными интересами, отчасти тем обстоятельством, что мелкие землевладельцы, которые с упадком рабовладельческих городских хозяйств становились основными поставщиками сельскохозяйственных продуктов, не могли достаточно эффективно вести свое хозяйство без общинных угодий, различных форм взаимопомощи и регулирования производства. В селах развивалось ремесло, их связи с городами ослабевали, что еще более опосредствовало упадку городского ремесла. В борьбе с этим процессом правительство опять-таки, как и в отношении декурионов, стало прибегать к насильственным мерам: ремесленников начали прикреплять к их коллегиям, несшим ответственность за поставку продукции, необходимой казне и армии. Дети были обязаны изучать ремесло отцов и вступать в ту же коллегия. Правда, ремесленные коллегии одновременно получали некоторые привилегии и освобождение от других повинностей, так что даже кое-кто из декурионов пытался приписаться к той

или иной коллегии. Но все же положение ремесленников значительно ухудшилось, чему способствовало и сокращение рынка сбыта для их изделий.

Параллельно упадку городов шло усиление земельных магнатов, особенно провинциальных. Территории экзими-рованных сальтусов росли за счет земель других социальных слоев. Росло и земледельческое население сальтусов. Колонами становились попавшие в зависимость от магнатов крестьяне, иногда добровольно отдававшиеся под защиту (так называемый патроциний) могущественных собственников в надежде, что те будут брать с них меньше, чем императорские чиновники; чаще же их опутывали всевозможными «благоденствиями» настолько, что они лишались своих участков и получали их затем от «благодетелей» с условием взноса части урожая и отработок. В колонов, а не в рабов стали постепенно обращать и пленных, расселяя их на государственных и на частных землях. Экзимированные сальтусы все более превращались в автономные производственные комплексы со своими ремесленными мастерскими и рынками, мало связанные с внешним миром. Продукция, поступающая от колонов, реализовалась владельцем, он же уплачивал государственные налоги. Так постепенно слабели экономические связи в империи, хозяйство натурализовывалось. С середины III в. даже часть жалованья императорским наместникам и другим служащим стала выплачиваться не в обесцененных деньгах, а натурой. В зависимости от ранга чиновнику причиталось определенное количество выдававшихся из казны продуктов, рабов-слуг и даже наложниц.

Ослабление экономических связей обуславливало усиление связей политических, «деспотических» (по выражению В. И. Ленина)², что и лежало в основе попыток императоров превратить свою власть в неограниченную монархию. Но этим попыткам противостояло усиливавшееся сопротивление экономически окрепших провинций и в первую очередь земельных магнатов, не желавших более мириться с притязаниями римского правительства на часть прибавочного продукта и труда зависящих от них людей, которые сидели на их землях.

Это противоречие и лежало в основе борьбы императоров и сената. И хотя современникам оно представлялось возобновлением тех отношений, которые имели место при

Юлиях—Клавдиях, когда «тираны» преследовали сенат, подоплека борьбы теперь была совсем иная, так как сенат уже в основном состоял из крупных землевладельцев провинций, по сути дела стремившихся не к участию в дележе извлеченных из провинций доходов, как в I в., а к максимальной автономии на местах. Сохранявшиеся же городские слои, армия, чиновничий аппарат, поддерживавшие «тиранов», хотели укрепления единства империи и ее старой социальной базы.

Борьба группировок прекращалась только тогда, когда вспыхивали народные, преимущественно крестьянские восстания, по временам принимавшие огромный размах. Справляться с ними своими силами провинциальные магнаты еще не могли и оказывались вынужденными искать защиты у центрального военно-бюрократического аппарата. Так, например, в середине III в., воспользовавшись тяжелыми внешними войнами, отвлекавшими все силы империи, Галлия, Испания и Британия отпали от Рима и выбрали собственного императора. Самостоятельная «Галльская империя» просуществовала 15 лет. Но когда там подняли восстание крестьяне и колонны, принявшие имя «багаудов» (борцов), стали отбирать земли у местной аристократии и взяли город Августодун, последний галльский император Тетрик тайно обратился к правившему тогда в Риме Аврелиану с просьбой явиться на выручку, обещая сдаться ему со всей своей армией. «Избавь меня, о непобедимый, от этих бед», — закончил он свое послание цитатой из Вергилия. Аврелиан пришел в Галлию и после данной Тетриком, для вида, битвы присоединил отпавшие провинции к империи.

Борьба с багаудами и многочисленными иными повстанцами в других провинциях вынудила враждующие слои господствующих классов к концу III в. пойти на примирение и ряд компромиссов. Это привело к известной стабилизации в правление Диоклетиана и Константина, стабилизации временной и обусловленной таким переустройством во всех областях жизни, что эта новая, поздняя империя (так называемый доминат) уже весьма мало походила на империю Августа.

Кризис, ввергший империю в неисчислимые бедствия, начался непосредственно вслед за миром и благополучием, казалось, царившими в век правления Антонинов, и до сих пор представляется историкам некой загадкой.

Объяснения ему в буржуазной историографии давались и даются самые разные: неспособность и самодурство императоров, сменивших опытных и добросовестных правителей II в.; распушенность армии, которая стала теперь набираться не из романизованных и эллинизованных горожан, а из сельских «варваров»; проникновение в государственный аппарат, сенат и другие слои населения выходцев с Востока, привыкших к сильной царской власти и чуждых греко-римской демократии; противоречия между городом и деревней, толкавшие крестьян, эксплуатируемых городом, на борьбу с городскими собственниками и интеллигенцией, борьбу, якобы возглавленную самими императорами III в. и их состоявшей из крестьян армией; финансовый кризис, вызванный постоянной утечкой золота на Восток, откуда ввозились в империю предметы роскоши; усиление соседних племен и народов, натиску которых империя все менее могла противостоять; сокращение численности населения и т. д.

С точки зрения историков-марксистов в основе событий в период с конца II в. и до начала IV в. н. э. лежал кризис античного рабовладельческого способа производства, вызвавший кризис всей основанной на нем системы. Противоречие между все усиливавшейся потребностью в претворенном в деньги прибавочном продукте, создававшимся в рабовладельческих хозяйствах, и невозможностью повысить производительность рабского труда настолько, чтобы она этой потребности удовлетворяла, привело к подрыву экономики античного города, на котором зиждилась империя.

Первоначально потребности городов, не удовлетворявшиеся за их собственный счет, покрывались в значительной мере за счет государственных доходов с других типов хозяйств, об этом свидетельствуют, например, неоднократно проводившиеся императорами сложения недоимок городов по налогам, ссуды городским собственникам под заклад их земель, снабжение городов продовольствием или установление максимальных цен в неурожайные годы, субсидии, выдававшиеся городам на строительство, и т. п. Но можно полагать, что постепенно неантичные уклады или достаточно окрепли (как экзимирированные сальтусы), или оказались настолько переобремененными всякими налогами и повинностями (как провинциальное крестьянство), что начали все более активно сопротивляться экс-

плуатации со стороны государства. Типичные для землевладения античных городов мелкие и средние рабовладельческие виллы вытесняются крупными имениями, в которых основными работниками становятся не рабы, а мелкие земледельцы, колонны.

Сочетание крупного землевладения с мелким хозяйством колоннов создавало экономические предпосылки для зарождения феодальных отношений. Но античный уклад не давал возможности для их развития. Раб, посаженный на землю, в рамках города оставался рабом, стоящим вне общества граждан и его институтов. Мелкий арендатор при всей его фактической приниженности все же оставался гражданином города и в личную и юридическую зависимость от землевладельца попасть не мог. Не было на землях города места и сельской общине, стоявшей между общинником и гражданским коллективом. Неосуществима была здесь и та степень натурализации хозяйства, которая избавила бы землевладельцев от напряжения, вызываемого непосильным для них развитием денежного обращения. Но при всех претерпеваемых им изменениях, античный город все еще сохранял видимость гражданской общины, в которой беднота имела право на помощь и субсидии деньгами и купленными на деньги продуктами за счет более обеспеченных сограждан. Таким образом, непосредственного перехода от античного уклада к феодальному не было. И в тех областях империи, где античные города были наиболее развиты, наиболее остро чувствовался сперва застой, длившийся десятилетия, а то и столетия, а затем упадок.

Новые отношения могли быстрее развиваться и действительно развивались в неантичных укладах, оплодотворенных воздействием античных методов хозяйства, античной государственности и культуры в самом широком смысле слова. Там, где эти уклады преобладали территориально или по своему воздействию на разные сферы отношений, упадка не было или он был гораздо менее заметен. Но их дальнейший прогресс и окончательная победа тормозились еще той ролью, которую продолжали играть античные города, и возникшим на их основе, пытавшимся их оживить государственным аппаратом. Принимавшая самые различные формы, сложная вследствие переплетения многих, часто противоречивых тенденций и сил, борьба между обреченным, ставшим препятствием на

пути к прогрессу античным укладом и феодализировавшимися неантичными укладами составляла основу кризиса ранней империи и во многом определяла его перипетии. Решающее влияние она оказала и на судьбу античной культуры.

Внешние проявления кризиса — длительная, стоившая много сил и окончившаяся в общем не в пользу римлян война с германскими племенами квадов и маркоманов, голод, эпидемии, восстание претендовавшего на престол полководца Авидия Кассия — начались в правление Марка Аврелия, т. е. как раз тогда, когда осуществлялась мечта тех, кто создавал образ «идеального государя», — увидеть на троне философа. Однако, когда эта последняя утопия античного мира реализовалась, она оказалась столь же обманчивой, как и остальные. Дальше идти в рамках данного строя было некуда.

Марк Аврелий был крупным философом-стоиком, но на его произведении «К самому себе»³ уже лежит печать упадка и вырождения стоицизма. Это учение, несмотря на содержащиеся в нем противоречия, могло быть жизненным, пока империя, земное отображение гармоничного и прекрасного космоса, представлялась процветающим и достаточно совершенным целым, чтобы долг служить ему казался в какой-то мере оправданной целью. С наступлением кризиса цель эта стала иллюзорной, и те элементы пессимизма, которые были заметны уже у Сенеки и Эпиктета, начали преобладать у Марка Аврелия. Как и они, он исходил из общности всего существующего, проникнутого одной материей, душой, разумом, единым логосом, ставшим множественностью в различных существующих предметах. Он подчеркивает благодетельность и разумность законов природы, добровольно следовать которым обязывает нас добродетель и живущий в нас разум — наш гений. Все, что происходит, происходит ко благу целого в результате сцепления причин, образующего необходимость. Нарушить хоть малую часть целого — значит оторваться от него, и человек, оторвавшийся от природы, ставший ей чуждым, вообще не человек, как и отделенный от живого организма член уже не живой. Поэтому неразумно и порочно роптать на что-либо, совершающееся в силу общей необходимости, пытаться противопоставить себя целому. Не все ли равно, бессмертна душа или она как тело после смерти растворится

в элементах, из которых состоит? Главное, что бессмертен мир, внешне вечно изменяющийся — то гибнущий, то вновь возрождающийся, — но в основе своей сохраняющий свою сущность. Тот, кто познал законы природы, знает, что она представляет собой нечто общее со всем, но каждый имеет в ней свою часть. Поэтому человек должен поступать так, как подсказывает ему его ум, его гений, и не тревожиться, глядя на других, которые поступают иначе. Для него достаточно исполнять свой долг, не желать невозможного, не быть ни рабом, ни тираном.

Вместе с тем идея необходимости и внутренней неизменности мира при видимой его изменчивости — жизнеутверждающая, оправдывающая мир и служение ему — переходит у Марка Аврелия в тягостное сознание тщетности всего, в том числе и какой бы то ни было деятельности. Учение о безразличности того, что люди считают благом или злом, сменяется тезисом о том, что все существует лишь во мнении. Зло уничтожится с уничтожением мнения, т. е. с признанием нереальности мира. Тело, говорит Марк Аврелий, — это вечно меняющийся поток, душа — дым и мечта, жизнь — война и остановка в пути, слава, будь то слава Цезаря или Сократа, преходяща, да и какое дело им до нее после смерти? Что же может нас вести? Только философия, т. е. сохранение гения внутри нас от всякого бесчестия, победа над болью и удовольствием, способность не нуждаться ни в ком, не бояться смерти, ибо она естественна. Утверждая общность и родство всех людей как основание долга приносить им пользу, он вместе с тем постоянно говорит, что людей исправить нельзя, нельзя надеяться настолько изменить их души и умы, чтобы они не были рабами и негодяями, так как такими они были во все предыдущие века. Да и вообще улучшить что-либо в мире, движущемся по неизменным и необходимым законам природы, невозможно, все идет по кругу, бесконечно повторяясь. Всегда возникали и гибли государства, и умирали и хорошие, и плохие. И сама земля, не говоря уже об отдельных ее частях, которая со временем сгорит в мировом пожаре, — лишь ничтожная песчинка. Так что же, спрашивает Марк Аврелий, во всей этой сумятице достойно уважения и заботы? И отвечает — ничего. Есть только одна достойная задача: без гнева провести пашу жизнь среди людей, творящих несправедливости, лжецов, столь отвратительных, что их

с трудом можно выносить. Оторванность, отчужденность человека, его бессилие перед необходимостью, по существу непознаваемой, — основное в философии Марка Аврелия. Даже мудрый, добродетельный человек, наделенный, с точки зрения римлян, почти божеской властью, оказывался беспомощным и дезориентированным. Часть немыслима без целого, но это целое, неподвижное, неизменное, не нуждается в том, чтобы ему служили, так как такое служение не имеет ни цели, ни смысла ни для целого, ни для индивида.]

Хотя сам Марк Аврелий всю жизнь провел в активной деятельности, диктуемой его положением, занимался делами империи и был на всех тогдашних военных фронтах, его интерпретация стоицизма никакой ориентации для жизни и деятельности дать не могла. И, конечно, не случайно, что в дальнейшем уже сколько-нибудь крупных произведений, написанных стоиками, не появлялось.

Вообще обстановка для философии, особенно для философии, искавшей рационального обоснования мировой гармонии и апеллировавшей к разуму, как к высшему началу в природе и человеке, складывалась неблагоприятная. В связи с общим ухудшением положения Римской империи и крайним обострением всех социальных противоречий чрезвычайно усилился идеологический нажим сверху. Недоверие стали вызывать не только инакомыслящие, но и вообще мыслящие. Репрессии теперь касались не только сенатских кругов, как в I в., а распространялись на все слои общества. Императоры, правившие после Марка Аврелия, в отличие от Антонинов были по большей части люди мало образованные, не склонные поощрять различные интеллектуальные и творческие искания, требовали безоговорочного признания божественности своей власти. Их покровительством чем далее, тем более стали пользоваться восточные культы солнечных богов, утверждавшие взгляд на монарха, как на сына и наместника на земле солнца, верховного или даже единственного владыки космоса. Император Аврелиан (правивший во второй половине III в.) пытался даже сделать культ бога Солнца главным официальным культом империи, связав его с собственными притязаниями на титул «бога и господина». Культ этот не привился и после свержения Аврелиана заглох, но Диоклетиан (конец III — начало IV в.), окончательно утвердивший теократическое

оформление императорской власти, официально именовал себя «Иовием», т. е. происходящим от Юпитера, а его соправитель Максимиан — «Геркулием», связывая себя с Гераклом.

Вместе с тем императоры требовали непрерывного восхваления того счастья, которое они принесли подданным. В руководстве по составлению речей, написанном одним ритором III в., говорилось, что всякую обращенную к императору речь следует начинать с утверждения того, что в его правление установился «золотой век». Крестьяне и колоны императорских и частных салтусов, обращаясь к императорам с жалобами на различные притеснения и просьбами о помощи, во вступлениях к своим петициям неизменно писали, что под мудрым и справедливым управлением этого императора все живут в счастье и изобилии и только они, по какой-то странной случайности, все еще несчастны. «Мы видим золотой век», «счастливый, блаженный век», — такие и им подобные надписи-слогунги чеканились на монетах и раздававшихся солдатам медальонах. Самое понятие «век» приобрело в этом контексте особое религиозно-политическое значение, связанное как с «золотым веком», так и с вечностью Рима и императора. И хотя императоры III в. в среднем правили не больше 3—5 лет, а некоторым удавалось продержаться всего несколько месяцев, и хотя они терпели жестокие поражения во внешних и внутренних войнах, подданные обязаны были именовать их «непобедимыми», «вечными», славить их мудрость, предусмотрительность, справедливость и прочие добродетели. Священным стало считаться все, что имело какое-то отношение к главе государства: его семья и приближенные, его законы и рескрипты. Свою долю в этом культе власти имели и назначаемые правительством чиновники и военачальники. На поставленных в их честь памятниках жители городов и сел, захлебываясь от льстивого угодничества и верно-подданных чувств, высекали надписи, превозносившие их до небес.

Всякая оппозиция жестоко преследовалась, в какой бы форме она ни выступала. Дион Кассий, сам бывший сенатор, пишет о том, как на заседании сената стало известно, что какой-то сенатор рассказывал друзьям про виденный им неблагоприятный для императора сон. Доносчик, подслушивавший его рассказ, не знал его имени и мог только

сообщить, что тот был лыс. За сон полагалось наказание, возможно, очень тяжелое. И вот все присутствовавшие в сенате, дабы их не заподозрили в сообщничестве, стали отодвигаться от своих лысых коллег, а обладавшие пышной шевелюрой на остальных смотрели со спокойным и гордым достоинством. Поводом для преследования мог быть донос на сомнения, высказанные каким-то лицом, в божественности императора, уединенный образ жизни, который мог показаться выражением неодобрения существующему строю, большое богатство и влияние, могущие быть использованными во вред правительству, и т. п. В конце II—III в. издаются террористические законы против тех, кто проповедовал нечто, «смущающее душу народа надеждой на что-нибудь». Виновных высылали, бросали на съедение зверям, сжигали живьем. Той же участи подвергались проповедники не утвержденных официально религий и пророки, делавшие вид, что говорят в порыве божественного вдохновения. В середине III в. император Деций приказал всем жителям империи засвидетельствовать свою лояльность принесением жертвы императорским статуям в посвященных императорскому культу храмах. Не представившие справки о принесении ими жертвы заключались в тюрьмы, ссылались на работу в рудники.

Однако репрессии не могли предотвратить попыток найти ответ на вопрос, откуда же идет все это зло, попытки, стимулировавшихся вопиющим противоречием между официальной идеологией и реальной действительностью, противоречием, совершенно обесценившим эту идеологию как руководство к жизни. Умозрительная наука со своей задачей сделать людей хорошими и счастливыми не справилась; скомпрометированным оказался и разум, как все связующая первооснова бытия. Проблему соотношения единства и множественности и соответственно целей и задач в жизни стоицизм решить уже не мог. Поиски пошли теперь по иному пути.

Один из этих путей был представлен возрожденной врачом Секстом Эмпириком некогда существовавшей и возглавлявшейся философом Пирроном, затем заглохшей школой скептиков⁴.

Его труды, основанные на положениях Пиррона, направлены были против всех тогдашних умозрительных наук и философских школ. Его главный аргумент — невозмож-

ность при наличии различных, часто прямо противоположных мнений найти какой-то критерий для установления истины. Таким критерием не может быть ни ссылка на авторитет, поскольку нет общепризнанного авторитета, ни мнение большинства людей, так как нельзя узнать, что думают все люди, тем более что их мнения могут меняться в зависимости от множества причин. Нельзя считать критерием какое-то без доказательств принимаемое положение, ибо никто не обязан верить, что оно действительно правильно и что, следовательно, правильны все выводимые на его основе следствия и умозаключения. Если же попытаться его доказать, то опять-таки встанет все тот же вопрос о критериях. Ссылаясь на разницу в обычаях, мнениях, представлениях народов и отдельных людей, Секст Эмпирик решительно отрицал, что какие-то идеи о божестве, добродетели и т. п. даны человеку от природы так же, как в нем заложена, скажем, общая для всех без исключения потребность в пище и питье. Поэтому ссылка на природу, к которой прибегают «догматики» (так он именует философские школы, претендующие на то, чтобы считаться открывшими истину), никак не может быть неким изначальным критерием, служащим основой дальнейших рассуждений. Наконец, и свидетельства чувств дают представление о свойствах предмета, потребное для руководства в повседневной деятельности, но не о сущности предмета. Так, по опыту мы знаем, говорит Секст Эмпирик, что мед сладок, но это еще ничего не дает нам для понимания сущности меда. Кроме того, с помощью чувств предмет воспринимается по-разному, в зависимости от разных условий, в которых находится как человек, так и предмет; поэтому нельзя отделить воспринимаемый объект от воспринимающего субъекта и считать, что есть вещи безотносительные к последнему, вещи, природу которых можно познать на основании свидетельств органов чувств. Не может постичь ее и интеллект, так как и о самом себе он имеет весьма неопределенное суждение, и, кроме того, один интеллект извлекает из показаний чувств одни суждения, а другой — прямо противоположные.

Пользуясь тем же методом логических умозаключений, что и «догматики», Секст Эмпирик последовательно отвергает как их общие посылки, так и основы отдельных наук. Так, например, говорит он, «догматики» бессильны

в своих поисках причин того или иного явления. Часто они ищут одну причину, тогда как их может быть много; считают, что, найдя причину очевидного, могут перенести ее и на неочевидное, хотя неизвестно, действительно ли она будет такой же самой. Часто они устанавливают причины в соответствии со своими собственными гипотезами, отбрасывая противоречащие им факты. Наконец, о причине они судят по следствию, т. е. считают, что она существует лишь относительно результата, как будто то и другое существует одновременно, что бессмысленно. Столь же неудовлетворительными считает он различные точки зрения на соотношение целого и части и на ряд других основополагающих для «догматиков» моментов.

Далее он разбирает различные методы доказательства, принятые в логике, и приходит к выводу о несостоятельности их и о полной их бесполезности для познания и практической деятельности. С одинаковой убедительностью или неубедительностью, пишет Секст Эмпирик, этими методами доказываются бытие и небытие богов, гармоничность движимого высшей необходимостью космоса и его несовершенство, случайность его возникновения и происходящих в мире событий, первичность телесного или бестелесного, изначальность движения или существование его первопричины, а также характер движения и различные его виды, наличие атомов, или бесконечность делимости тела, конечность и бесконечность времени и самого космоса и т. д. Даже геометрия не имеет права притязать на познание истины, так как исходит из положений, принимаемых без доказательств, но отнюдь не очевидных. Если же допустить, что они только вероятны, но могут существовать и иные аксиомы, то вся последующая цепь доказательств, на которой основывается геометрия, разрушается. Так, например, геометрия исходит из существования точки, линии, поверхности и тела. Но если доказать, что не имеющая измерений точка и имеющая лишь одно измерение линия вообще не могут существовать и тем более не могут, будучи бестелесными, служить основой бытия материальных тел, то все утверждения этой науки будут сведены на нет.

Затем Секст Эмпирик ополчается против грамматики, риторики и истории, с его точки зрения, совершенно бесполезных, а потому даже не относящихся к разряду

искусств и наук, поскольку те обязательно должны приносить пользу. Полезно уметь читать и писать, но, научившись этому, нет никакой необходимости идти далее, исследовать, какие буквы — гласные или согласные, краткие или длинные, какого рода слова — мужского, женского или среднего, каковы их корни и т. д. История не искусство, так как каждое искусство должно иметь свой метод и свою технику. Но собирать и повторять то, что рассказали другие, можно без всякой техники, а никакого метода отличить истинное от ложного историки не выработали. Нет никакой пользы от толкования писателей и поэтов, чем любят заниматься грамматик: обычно то, что есть у авторов полезного для жизни, выражено достаточно ясно, а то, что не ясно, бесполезно. Да и сами поэты по большей части бесполезны, так как из стихов люди выбирают обычно то, что оправдывает их страсти и пороки. Не только бесполезна, но даже вредна риторика как самим риторам, вынужденным терпеть массу беспокойства и соприкасаться с недостойными людьми, так и полисам, поскольку ораторы используют свое искусство, чтобы выгородить на суде нарушителей закона, а полис погибает, когда погибает связующий его закон. Кроме того, хорошо говорить можно и без особого изучения ораторского искусства, важно только говорить понятно, а этого как раз риторики не делают.

Особенно решительно Секст Эмпирик выступает против догматической этики, претендующей на то, чтобы обучать людей искусству жить. Само многообразие этических систем показывает, что нет никакого критерия для суждения о том, что такое добро и зло, счастье и несчастье. Искусство и наука, говорит он, это знание о вещах существующих, система, построенная на восприятиях, идентичных для всех нормальных людей, а значит, не противоречащих воспринимаемым явлениям. Но в этике все исходные понятия субъективны, а значит, они не существуют или не познаваемы ни для чувств, ни для интеллекта и не могут служить основой построения системы. Следовательно, искусства жить нет. Не гоняясь за абстракциями, надо посвятить себя занятию полезными искусствами, например мореплаванию, так как все народы нуждаются друг в друге; астрономии, способной на основании наблюдений небесных феноменов предвидеть затмения, ливни и т. п.; медицине, призванной предупредить

дать и лечить болезни. В противоположность «догматикам» врач, исходя из опыта, общего метода и технических приемов медицины, может точно сказать, что есть здоровье, а что болезнь, какая причина какое следствие вызовет. Поэтому медицина, действительно, является искусством и притом полезным, не претендующим к тому же на никому не нужные, никому не помогающие сомнительные умозаключения. Чтобы жить без лишних волнений, надо раз навсегда от суждений отказаться, твердо знать, что они основаны лишь на обманчивых, недоказуемых мнениях. Не к чему даже пытаться определить, как это делали последователи новой Академии, что может быть более или менее вероятно, так как и эта попытка ведет к суждениям. Если же отказаться от суждений о добродетели и пороке, о добре и зле, согласном и несогласном с природой и т. п., то, конечно, тоже будешь испытывать огорчения, боль, холод, голод, разочарования, но по крайней мере не будешь еще дополнительно страдать от мысли, что все это зло «по природе», и не будешь мучиться в попытках достичь того, что считаешь «по природе» благим. Руководствоваться же следует обычаями и законами того народа, того государства, в котором живешь. Если все верят в богов и приносят им жертвы, делай то же, не размышляя о природе богов. Если стоишь перед выбором между честным и бесчестным, руководствуйся обычаями предков. Одним словом, живи не по философским теориям, а по нефилософским жизненным установлениям, деятельно и спокойно.

Труд Секста Эмпирика был реакцией практика на ставшую бесплодной теорию, на лежавшую в ее основе оторванную от опыта, опирающуюся только на логику науку. Он констатировал ее неспособность выполнять стоявшую перед ней задачу — сделать человека добродетельным и счастливым, ориентировать его на реальные цели. Как мы видели, некоторые сомнения в пользу приемов логики имелись уже у Сенеки и Эпиктета, а Марк Аврелий признавал невозможность исправить людей чем бы то ни было, в том числе и философией, и, подобно скептикам, исходил из того тезиса, что все есть только мнение и что с уничтожением мнения уничтожатся и желания, т. е. поводы для нарушающих покой аффектов. Таким образом, уже в самом стоицизме того времени были заложены элементы разочарования в собственных

возможностях, и критика скептиками «догматиков» пала на подготовленную почву. Секст Эмпирик в своих воззрениях был далеко не одинок, это видно на примере Лукиана. Издеваясь над тщетными попытками философов познать истину, над методами доказательств и бесплодием и бесполезностью для людей их теорий, Лукиан тоже советовал, отказавшись от излишних умствований, жить просто, как подсказывает сама жизнь и здравый смысл.

Скептицизм Секста Эмпирика не был выражением тупика, в который завела людей наука. Напротив, он ближе к современному пониманию науки как системы знаний, основанных на наблюдении, опыте и выведенных из них закономерностей, повторяющихся в одинаковых условиях. Не является Секст Эмпирик и аморалистом. Он протестует не против этики вообще, а против этики, основанной на суждениях индивидуального разума, которые ничего не стоит опровергнуть. Скепсис Секста Эмпирика не скепсис в современном ходячем понимании этого слова, не позиция ставящего себя над всеми нормами индивида, а, напротив, призыв руководствоваться коллективной мудростью своего народа, вернуться к соотношению первичности общины и вторичности ее сочленов, преодолев таким образом чувство отчуждения, отказать от индивидуализма, несовместимого с античным самосознанием. Однако те условия, в которых оно формировалось, т. е. реальная обусловленность бытия граждан бытием общины по мере все усиливавшегося разложения античного города, уже не могли восстановиться. Кроме того, жизнь была слишком тяжелой, чтобы принять ее без попыток найти какой-нибудь ответ на возникавшие вопросы. И поскольку, видимо, большинство людей того времени сознательно или бессознательно разделяли точку зрения Секста Эмпирика и Лукиана на возможности рациональной философии, они стали обращаться к другим учениям и течениям, казалось, дававшим некие более убедительные решения насущных проблем.

При значительных различиях эти распространявшиеся в империи религиозные и философские течения имели много общих черт, обусловленных психологическими и идеологическими запросами своих творцов и адептов. Порождавшееся утратой ясных целей и возможностей влиять на происходившие в мире события чувство отчуждения в силу особенностей античного мировоззре-

ния воспринималось как отчуждение от космоса, от космической гармонии. Марк Аврелий сравнивал человека, отдалившего себя от человеческого коллектива и космоса, с отрубленной от дерева веткой. Именно такими отрубленными ветвями чувствовали себя дезориентированные, беспомощные, одинокие люди эпохи кризиса, когда рушились все привычные связи и устои, трансформировались и распадались те коллективы, к которым они принадлежали, — фамилии, коллегии, города, самая империя. Они стремились найти пути к воссоединению с миропорядком, к тому, чтобы снова стать органической, живой частью этого всеобъемлющего целого.

С другой стороны, требовало объяснения умножившееся в мире зло, побороть которое средствами, предлагавшимися прежними философскими школами и в первую очередь стоиками, не представлялось уже возможным. Отсюда развивается чуждый античному мировоззрению дуализм, идея зла как самостоятельного начала, равноправного и противостоящего добру. Единый, совершенный, прекрасный космос, в котором зло было случайным отклонением, раскалывается на два мира: мир добра и мир зла, находящиеся в вечной вражде. Первый большей частью связывается с высшими небесными, нематериальными сферами, второй — с землей и материей. В первом господствует даваемая соединением с благим началом свобода, во втором — обусловленная пороками материи необходимость, рок. Та самая необходимость, в познании и повиновении которой стоики видели залог свободы, обусловленной жизнью согласно природе, теперь становится силой порабащающей, гнетущей, а ее преодоление, избавление от ее воздействия — путем к свободе.

Разочарование в философии рационализма, возрождение скептицизма отодвигало теперь разум, если и не на задний, то во всяком случае на второй план. Первое место отводилось стоящему над разумом началу, рационально непознаваемому. Знание его давалось откровением, посвящением в некие мистерии, в которых адептам в форме аллегории или поучения, якобы преподанного тем или иным богом, сообщались тайны происхождения и устройства мира, земного и небесного, его дальнейшая судьба, место в нем человека и его обязанности. Системы, лежавшие в основе таких поучений, были часто чрезвычайно сложны и малопонятны, имели целью показать, каким об-

разом совершается переход от единого верховного добра, бога, к множественности реального материального мира со всеми его пороками. Они отличались в общем глубоким пессимизмом, чувством отращения к миру, призывом уйти от него уже не символически, как стойки, советовавшие, углубляясь в себя, вместе с тем трудиться на пользу общества и исполнять свой долг на своем месте, а реально бежать от жизни среди людей порочных и непосвященных, не иметь с ними ничего общего.

Аналогичные учения существовали и раньше. Уже Дион Хрисостом выступал против тех, кто считал, что боги ненавидят людей и посылают их в мир, как бы в темницу. По их мнению, весь мир — тюрьма с жарой, холодом, землетрясениями, грязью, ветрами, а в ней люди строят еще маленькие тюрьмы — города и дома, в которых они терпят муки и от души и от тела. Душу их день и ночь мучает желание, страх, зависть, злоба; тело подвержено болезням, голоду, который удовлетворить можно лишь тяжелым трудом. Хотя одни из людей цари, а другие нищие, они мучаются все, как узники, скованные одной цепью, рожают новых людей, чтобы те мучались так же, как они. Освобождение или хотя бы облегчение дает лишь разум, логос, преодолевающий радости и страдания, а обретение его — дело трудное и дается лишь избранным. Дион Хрисостом обличал как трусов и дезертиров и тех, кто уходит из городов, уклоняясь от выполнения долга перед родиной. Видимо, распространены были и призывы к самоубийству как к самому радикальному средству уйти от мира страданий. В одном воображаемом риторическом казусе владелец рабов выступает на суде против киника, который так убедительно проповедовал самоубийство, что все его рабы, слушавшие киника, повесились. Киник отвечает, что он не виноват, так как только излагал учение своей школы. Случай, конечно, анекдотический, но, видимо, содержащий зерно истины. Лукиан, как уже упоминалось, враждебный крайним, «простонародным» киникам, окарикатуривает жизнь и смерть одного из них, Перегрини Протея, с его точки зрения, негодяя и мошенника, хотя современный ему писатель Авл Геллий отзывался о Протее с глубоким уважением. Видимо, это был человек ищущий, примыкавший к разным учениям, некоторое время состоявший в общине христиан и, наконец, ставший киником. Чтобы научить людей

презрению к боли и к страху смерти и освободить свою душу, открыв ей путь к богам, Перегрин Протей во время олимпийских игр при большом стечении народа, подобно герою киников Гераклу, самоожжением заслужил величайшее одобрение других киников.

Но если в I и II вв. порождавшие крайний пессимизм учения были исключением, в конце II и в III в. они становятся господствующими. Наиболее известными и характерными из них были герметизм и гностицизм. Первый получил свое название от имени отождествлявшегося с египетским богом Тотом греческого бога Гермеса, носившего у герметистов эпитет «Трисмегиста» (трижды величайшего), открывавшего посвященным тайны мироздания.

Герметические трактаты, видимо, составлялись в разное время (конец II—III в.) и различаются в частности. Так, одни, возможно, более ранние и близкие к стоицизму признавали верховным началом мира разум и более оптимистически оценивали мир, другие отмечены печатью глубокого пессимизма. Но у них есть и много общего. Их главная цель — восстановить единство человека с космосом. «Я ощутил, что все во мне и я во всем»⁵, восклицает один из авторов трактата, передавая свои ощущения после откровений бога. Все они исходят из деления космоса на реальный, материальный и духовный, безграничный мир верховного блага, первичного разума, богов и светил. Высшее благо отождествляется с богом, основой мирового порядка и движения космоса. Он проявляет себя во вселенной, но стоит выше нее, вне ее. От него все исходит, он связывает все многообразие вещей в неразрывное целое, так как присутствует во всем как бессмертная субстанция. Бог не ум и не истина, он выше их, но ему обязаны своим существованием и ум, и истина. Он же создал человека, единственное богоподобное и способное познать бога живое существо, некогда пребывавшее в духовном мире, но затем соединившееся с материальной природой, вследствие чего человек стал двойствен: душа его бессмертна, тело смертно и подчинено господствующей в мире необходимости. Познавший бога и преодолевший желания тела — причину смерти — станет бессмертным, причастным к богу. Душа его и сама станет богом или благодетельным демоном. Непознавший же своей небесной природы, умрет, так как не сможет преодолеть материальной темной субстанции, из которой создано его тело

и весь видимый мир. В этом видимом мире добра быть не может, он — полнота зла в той же степени, в какой бог — полнота добра. Земля — дом зла, познавший бога и добро чужд земному, а земные люди чужды ему, преследуют и ненавидят его. Но это не должно его смущать, так как он подымается выше телесного и временного. Он знает, что для него нет ничего невозможного, своей мыслью он способен охватить все явления, совместить все противоположные свойства, быть всюду одновременно, быть всем прошедшим и настоящим, всем временем и пространством. Тогда он сможет поднять свою душу над предопределением, судьбой, властвующей над человеком, который ничего не знает, всего боится, не может возвыситься до неба и бога. Судьбой человека управляют демоны, связанные с планетами, от которых люди получают свои свойства. После смерти души проходят сферы планет, постепенно очищаясь от телесных страстей и пороков, чтобы затем вселиться в новые тела. Душа, чрезмерно обремененная собственными телу аффектами, подняться в высшие сферы не может. Напротив, душа, приобщившаяся к богу, становится уже на земле выше демонов и может ими повелевать, освободившись от судьбы. Такой человек — высочайшее чудо, он сам богоподобен и достоин обожания.

Еще более отрицательно к материальному миру относился гностицизм. Это было весьма неоднородное течение, включавшее различные школы. Были гностики христиане, считавшиеся еретиками. Деятели ортодоксального раннего христианства боролись с ними, опровергали их учения, но, возможно, кое в чем подвергались их влиянию. Были гностики и нехристианские, возводившие свои доктрины к учениям легендарных восточных мудрецов и пророков. Одни из них проповедовали крайний аскетизм, другие, напротив, допускали полную распущенность. Но все они основывались на доступных только им тайных знаниях (отсюда и само их название, от греческого слова «гносис» — знание) о боге и мире. Для них характерен резкий дуализм, противопоставление благого, духовного, божественного мира греховному, порочному, материальному. Некоторые гностики считали, что этот мир создал злой бог, противостоящий благому богу, ничего общего с материальным миром не имеющему. Другие объясняли происхождение материального мира некогда имевшим место грехопадением одной из высших сопричастных благому богу сил,

грехопадением, приведшим к ее соединению с материей. Возникший таким образом материальный космос изначально был обречен на влияние зла и порока, подчинен управляющим судьбой демонам низших сфер. Однако божественная искра все же проникла в человека и он, очистившись тем или иным путем от телесного (путем ли умерщвления всех плотских страстей или столь полным их удовлетворением, что они сами заглохли от пресыщения), может подняться в высшую сферу благого бога.

Системы гностиков, с которыми знакомили посвященных, содержали обычно повествование о происхождении мира, устройстве космоса, перечень многочисленных сил, заполнявших промежуток между верховным благом богом и земным миром, сил, составлявших строгую иерархию, имевших определенные, обычно трудно произносимые имена. Знание таким имен, а также различных формул и символов давало власть над демонами и облегчало душе прохождение через сферы планет и звезд при ее возвышении от земли к небу. Платоновское учение об умопостигаемом мире бестелесных сущностей, идей, отраженных в многообразии земных предметов и явлений, смешивалось с астрологией и магией, с представлениями, заимствованными из восточных религий в причудливых сочетаниях. Одна из основных античных проблем — соотношение единого, всепроникающего и все связывающего изначального принципа с множественностью существующих форм — присутствовала и в гностицизме, но в крайне извращенном виде. Если некогда она непосредственно связывалась со строем античного города, полиса, где, как говорили стоики, все принадлежит целому, но каждый имеет в этом целом свою часть, и ставила целью побудить гражданина к добровольному и свободному исполнению своего долга на назначенном ему месте в городе, государстве, космосе, то теперь главной целью стало найти путь к уходу от мира зла и определяющей судьбу каждого необходимости в бестелесный мир свободы, разрыв со всеми земными установлениями и институтами. Разрыв этот еще более подкреплялся враждебным, высокомерным отношением гностиков ко всему остальному человечеству. Себя, как знающих, избранных они противопоставляли погрязшим в делах этого мира «людям плоти», с гораздо большей неприимчивостью, чем стоики, противопоставляли себя невежественным, а следовательно, и не имеющим добродетели.

тели, но все же могущим ей научиться, могущим быть объектом благодеяний и забот мудреца.

Характерным для умонастроений, обеспечивавших популярность герметизму, гностицизму и тому подобным направлениям, было распространение идеи неизбежной гибели мира. Периодическая гибель мира в космическом пожаре принималась и стойками. Но для них, вплоть до Марка Аврелия, она большой роли не играла и не вела к пессимизму. Скорее, напротив, мировой пожар обуславливал гибель нездорового, выродившегося и возникновение нового мира, имеющего перед собой новый долгий путь развития. Теперь основной упор делался не на возрождение, а на гибель: боги покинут людей, воцарится нечестие и беззаконие, земля наполнится трупами, моря и реки наполнятся кровью; люди устанут от жизни и предпочтут ей смерть, благочестивого назовут сумасшедшим, а нечестивого — мудрым, яростного — мужественным, а зло — добром; войны, разбой, обман погубят души, земля будет колебаться, плоды земли сгниют и самый воздух станет болезнетворным. Тогда бог очистит составившийся мир наводнениями, чумой, пожарами, войнами. Так описывается будущая судьба мира в одном из герметических трактатов. Правда, он заканчивается пророчеством о возрождении благочестия и светлого начала, но оно значительно менее ярко и детально описано, чем картина упадка и разрушения. В таком же роде писали и авторы гностики.

Во всех этих течениях основы античного мировоззрения, базировавшегося на строе гражданской общины, оказались подорванными. Возникали новые связи между единоверцами, посвященными, связи иного рода, чем между городом как первичной целостностью и гражданами как множественностью. Соответственно бесконечно умножались звенья, соединявшие единство и множественность в космических масштабах. Вместо простого соотношения — мировой разум, логос, мировая душа и индивидуальные логосы и души создавалась сложная иерархия промежуточных сил и сущностей. Кризис основ античного мировосприятия все углублялся.

Последняя попытка на несколько новой основе спасти наиболее существенные черты этого мировосприятия была сделана философом Плотинем в середине III в. Он выступил против дуалистических, пессимистических теорий,

в частности и против гностицизма. Его система, которая легла в основу построений поздней школы неоплатоников, изложена в ряде посвященных различным вопросам трактатов, объединенных в так называемые Эннеады. Она сложилась или во всяком случае была предана гласности в правление императора Галлиена, одной из самых интересных фигур среди императоров эпохи кризиса III в.

В отличие от большинства из них, выходцев из среды выдвинувшихся на военной службе командиров, а иногда и простых солдат, уроженцев придунайских провинций, откуда вербовалась лучшая часть армии, Галлиен был представителем древнего и знатного италийского рода, по образованности и любви к античной культуре он не уступал Антонинам. Его отец, Валериан, был провозглашен императором и сделал сына своим соправителем. Когда Валериан во время войны с персами попал в плен, Галлиен остался единственным императором и в общей сложности правил 15 лет, для III в. срок исключительно долгий. При нем кризис достиг своего кульминационного пункта: отпала от империи Галлия с Испанией и Британией, на востоке отделилось, хотя и не окончательно порвав с Римом, Пальмирское царство, более или менее успешные восстания имели место и в других провинциях; со всех сторон на империю наступали соседние народы, опустошая города и сельские местности. Чрезвычайно усилилась сенатская оппозиция, всячески поносившая Галлиена и его политику. Напротив, среди солдат он пользовался исключительной популярностью и любовью. Мы мало знаем о времени его правления, освещенного лишь во враждебной ему сенатской традиции. Но, видимо, он пытался, с одной стороны, принять меры, диктуемые внешним положением империи, например, он провел важную военную реформу, повысившую значение конницы, способной противостоять коннице «варваров», а с другой стороны, ограничить самоуправство земельных магнатов и возродить города как оплот империи, а вместе с ними и античную культуру. При нем, между прочим, и Плотин, раньше имевший лишь небольшой кружок учеников и не публиковавший свои сочинения, стал читать лекции, посещавшиеся императором и его приближенными, и приобрел известность среди еще сохранявшейся в Риме интеллигенции.

«Я хотел божественное в нас возвести к божественному во всем»⁶, таковы были, по словам Порфирия, ученика и биографа Плотина, его предсмертные слова, кратко формулирующие основную цель его философии, цель, по сути дела, ту же, что и у других создателей философских и философско-религиозных систем, исходивших из взаимосвязанности единого первоначала и мировой множественности. Поэтому многое роднит Плотина со стоиками и даже с теми, с чьими учениями он полемизировал. Это нашло отражение, например, в сложности иерархии различных связующих единство и множественность звеньев, в интересе к демонологии, магии, в отрицательном отношении к земному миру. Созданная Плотиним философская школа именуется школой неоплатоников, так как оп основывался на учении Платона, но в целом Плотин был самостоятельным и оригинальным мыслителем, глубоко проникшимся стоявшей перед ним задачей: подвести иную, чем у стоиков, но соответствующую античному мировоззрению основу под утверждение о единстве космоса и тем преодолеть чувство разобщенности, отчуждения, так как для него они были основной причиной несовершенства и зла. [Формирование неоплатонизма в самый разгар переживавшегося империей кризиса лишний раз подтверждает, что упадок культуры не обуславливается исчезновением людей, способных к творческой деятельности, и такое исчезновение не обуславливает. Значительно показательнее то, на что их творческая энергия направлена и на кого рассчитаны плоды их творчества.]

Плотин вырабатывал свою систему в течение сравнительно долгого времени, поэтому она не свободна от внутренних противоречий, вызванных эволюцией некоторых его взглядов и положений, но основные ее черты неизменны. Для Плотина мир един, но вместе с тем состоит как бы из двух сущностей, миров не отделенных, а взаимосвязанных: духовного, сверхчувственного и телесного, являющегося лишь отражением первого. В телесном, вечно меняющемся, возникающем и разрушающемся космосе нет истинного бытия, оно присуще лишь неизменному истинному, умопостигаемому (интеллигибельному) космосу. Его верховный принцип — некое единое благо, простое бескачественное, не постигаемое разумом, заключает в себе все сущее, непрерывно творит мир исходящей из него силой, подобной исходящему от солнца свету. Ка-

ким образом единое и вечное переходит в множественность постоянно возникающего и гибнущего — основной для Плотина вопрос, в решении которого он ищет путь к обратному восхождению от множественности к простому и единому верховному благу. Ближе всего к последнему ум, стоящий, однако, ниже его, так как ум, состоящий из мыслящего и мыслимого, уже не един, а двойствен. Следующую ступень занимает душа мира, которая благодаря присущей ей творческой потенции, логосу, сообщает аморфной, бескачественной материи формы и качества, образующие все многообразие неодушевленных предметов и живых существ. По мере удаления от верховного блага излучаемый им свет тускнеет и совершенно гаснет в материи.

Материя сама по себе не зло, как считали гностики, она лишь отсутствие блага, нечто негативное, но, затемняя, гася исходящую от верховного блага силу, она становится источником пороков и зла, свойственных телесному миру. Зло это не абсолютно, оно такая же неотъемлемая часть вечно творимого по определенному плану, определенной конфигурации космоса, как темные и светлые краски на картине. Только говоря об отдельном предмете, можно говорить о зле, как о чем-то абсолютном в мире, в целом, его или нет или оно необходимо для его совершенства и законченности. Неправы и нечестивы те (имеются в виду в первую очередь гностики), кто учит будто мир возник в результате какого-то грехопадения, какой-то ошибки, что он плох и осужден на гибель. Напротив, он вечен и прекрасен, и человек, познавая его красоту, проникаясь ею, начинает осознавать, как прекрасно должно быть то первичное, от которого исходит эта красота. Оно пронизывает все, определяя всеобщую взаимосвязь и единство. В единстве, простоте только и может быть истинное совершенное бытие.

Но едино только верховное благо. Душа, проникая во множество тел, с одной стороны, остается единой, с другой — делится. В этом единстве противоположностей — неделимой основы и ее разделенности в реально существующем мире — закономерном и необходимом, заключены все противоречия земного бытия. С одной стороны, множественность, разделенность порождает неудовлетворенность, стремление к тому, что нужно для восстановления полноты, законченности, которой лишено отдельное. От-

сюда желания, страсти, вражда, аффекты, которые, однако, не могут задеть душу, не могут ее загрязнить вследствие контактов с телом, как не может загрязнить золотой слиток налившая на нем земля. С другой стороны, единство всех душ и мировой души дает возможность человеку через соприкосновение с мировой душой подняться выше разделенности, к разуму и к тому единому, что стоит за ним.

Для Плотина весь этот духовный мир не противостоит миру видимому, не отделен от него, а проникает в него, присутствует в нем и в первую очередь присутствует в человеке. В самом себе и только в самом себе человек должен искать путь приобщения к верховному благу, слиянию с ним, что дает высшее счастье. Кто достиг его, не может стать снова несчастным, ибо счастье не измеряется временем. Слияние с единым благом происходит не в силу познания или размышления, а благодаря экстазу, когда разум как бы отключается и человек, освободившись от внешних восприятий, углубляется в себя. Душе, говорит Плотин, в этом случае не надо мыслить, как не надо размышлять художнику, когда само искусство подсказывает ему, что он должен делать. Но чтобы испытать такой экстаз, человек должен подготовить свою душу, очистить ее, «вылепить ее как прекрасную статую». Путь к очищению лежит через добродетель, которая для Плотина не самоцель, как для стоиков, а только средство к преодолению разорванности, разобщенности, мешающей высшему единству.

Вместе с тем в отличие от гностиков Плотин не только не отрицает «гражданские добродетели», но считает их необходимой ступенью для овладения высшими добродетелями, присущими истинному философу, способному, «поднявшись через тучи и грязь земного мира», созерцать истинный свет. Как стоики, он неоднократно сравнивает космос с хором или войском, где каждому отведено его место, его роль, и покидать свой пост человек не должен. Он с презрением говорит о тех, кто ропщет на судьбу, не пытаясь ее улучшить. Если государством правят злые, замечает он, то в этом виноваты те, кто их терпит; зачем укорять богов в своих несчастях, ведь боги помогают не тому воину, который молится, а тому, кто мужественно бьется.

С этим призывом к активности, несколько противореча-

щим его общим установкам, Плотин связывает и проблему свободной воли и предопределения. Хотя все совершается по единому, предустановленному плану, заключающему в себе и добро, и зло, человек имеет и свободную волю, и отвечает за содеянное им зло. Он не должен ссылаться при этом на влияние звезд и т. п. Хотя благодаря всеобщей взаимосвязи по расположению небесных светил можно судить о земных событиях, звезды и управляющие ими боги чисты и светлы и не могут внушать людям дурных поступков. Дурное внушается живущим в душе каждого демоном, но демона душа выбирает сама. Эти демоны, причастные и духовному миру и материи, помогают мировой душе, но от материи к ним переходит вечная неудовлетворенность, вечное стремление к чему-то, что вызывает смешение понятий о добре и зле, предпочтение частного общему. Если душа слишком отягощена телесным, она после смерти тела не может подняться от земли, вселяется в новые, низшие тела. Душа чистая, легкая, проходит небесные сферы, сливается со своей первопричиной и или остается там в блаженном созерцании всего того света, который был затемнен для нее пребыванием в теле, или получает новое тело, отличное от земного, эфирное, становясь демоном, либо одним из богов подлунного мира, связанных с богами мира высшего, как блеск связан со звездой, или, наконец, снова становится человеком. Воплощаясь, она выбирает и своего демона, но судьба человека определяется не только им и его поступками в данной жизни, а всеми прошлыми воплощениями. Однако в противоположность гностикам, признававшим некую изначальную свою богоизбранность, отличающую их от «людей плоти», Плотин считал, что до мудрости и «истинного бытия» может подняться каждый человек. Но тех, кто к такой цели не стремится, он называл «чернью», предназначенной лишь для того, чтобы удовлетворять потребности «лучших».

Как мы видим, в учении Плотина, хотя и ему присуще многое из того, что, порожденное кризисом античного мирозерцания, было присуще и другим, современным ему учениям, все же присутствует стремление спасти на несколько новой основе кое-что из наиболее характерных для этого мирозерцания особенностей. Обосновывая положение о гармоничности и единстве космоса, он имеет в виду и следующий отсюда вывод о соотношении целого

и части, или, что то же самое, о долге человека перед обществом. На первый взгляд Плотин представляется большим индивидуалистом, чем стоики. Он как будто дальше идет в призыве к самоуглублению, отходу от реальности, видя главную цель в индивидуальном слиянии с верховным благом. Однако он не только признает долг человека служить людям, но и основа его учения по существу менее индивидуалистична, чем у стоиков. Учение Плотина зиждется не на личном, хотя бы и санкционированном законами природы суждении, а на перассуждающем слиянии с той всепроникающей первоосновой, которая делает космос и общество единым целым, т. е. на растворении единого во всеобщем, индивидуального в коллективном. Если Секст Эмпирик пытался добиться этой цели, призывая отказаться от бесплодных умствований и начать вести жизнь простого трудящегося человека, то Плотин шел к этой цели, поставив над разумом нечто высшее, способное преодолеть то отчуждение, которое бесплодная наука стоиков преодолеть не смогла.

Но те коллективы, и в первую очередь город, гражданскую общину, в которой только и могло быть жизнеспособным мировоззрение античного человека и в котором он сам мог развиваться как личность, уже нельзя было спасти. Кроме того, система Плотина была слишком идеалистична, слишком абстрактна, чтобы сколько-нибудь широко распространиться и ответить на духовные запросы масс. Когда Галлиен был убит в войне с восставшим против него начальником конницы, ученики Плотина разбрелись по миру, и в дальнейшем в неоплатонизме все более стали преобладать элементы магии, демонологии, крайний пессимизм, призыв к бегству от мира и налагаемых им обязанностей, пассивность, словом, то, против чего, хотя и не вполне последовательно, пытался бороться Плотин.

Ориентация на идеальный, противоположный земному мир, на углубление в собственную душу в поисках обусловливаемого не разумом, а интуицией, экстазом соединения с этим миром, взгляд на материю, на телесное, как на источник зла и порока, сказались также на отношении к искусству. Ритор и писатель конца II—начала III в. Филострат писал, что не реальность, а только фантазия может быть движущей силой искусства, так как она свободна, всеобъемлюща и безошибочно проникает в суть вещей.

Плотин возражал тем, кто видит красоту в соразмерности и симметрии, поскольку такая красота предполагает сложную совокупность частей, тогда как истинно прекрасное — едино и просто⁷. Это — идея, мысль, дух, нечто целостное, придающее форму аморфному, неделимому множественному. Красота может исходить только от высшего блага и может быть познана лишь в результате самоуглубления, созерцания ее отсвета в очищенной от материи душе. Поэтому художник не может передать красоту, подражая внешней, видимой природе, глядя на нее со стороны. Его задача познать тот первоисточник, который сообщает красоту миру, слиться с ним, ощутить свое с ним единство, стать не наблюдателем, а частью всего сущего. Тогда он сможет воспроизвести форму, наиболее близкую идее. И искусство действительно эволюционировало в согласии с эволюцией эстетических теорий, так же, как и они, отражая постепенное угасание веры в официальную систему ценностей⁸.

Если статуи императоров I—II вв., хотя и носившие на себе печать известной идеализации, все же отличались портретным сходством, передавали образы живых людей, то императорские статуи поздней империи — это колоссальные фигуры с застывшими, страшными в нечеловеческом величии лицами. Они подобны тем панегирикам в стихах и прозе, которые в это же время стало принято посвящать императорам, — нагромождение вычурной лести, вымученное благоговение, маскирующие страх и, возможно, тайную ненависть. И в портретах частных лиц реализм также постепенно вытесняется идеализмом, эстетические теории Горация и Цицерона теорией Плотина. Стремление передать сходство с оригиналом в портрете отступает на задний план, главным становится стремление создать некий обобщающий образ, передать некую внутреннюю идею, воплотить душу, для которой тело лишь временная, враждебная ей оболочка. Особенно ярко эта тенденция проявилась в эволюции так называемого фаяумского портрета⁹. Но она характерна для всего позднего античного искусства. В храмах раскопанного в сирийской пустыне города Дура-Европоса в изображениях богов, жрецов, молящихся отсутствуют уже всякие признаки реализма. Застывшие, не связанные с движением тела складки одежды, неподвижные, схематичные фигуры, лишенные индивидуальности лица, на которых ка-

жуются живыми только огромные, глубоко посаженные, пронизательные глаза фанатиков. Даже в бытовых сценах на надгробиях, на мозаиках больших villas заметны те же черты.

Новые черты появляются и в образе «положительного героя» тех времен¹⁰. В конце II—начале III в. упоминавшийся уже Филострат написал роман о некоем Аполлонии Тианском¹¹, философе-пифагорейце, жившем во второй половине I в. Сведений об Аполлонии до нас почти не дошло, неизвестно также откуда почерпнул материал для своего романа Филострат. Но как бы там ни было, его целью являлось изображение и жизнеописание не реального лица, а идеального мудреца, примера для подражания, учителя, познавшего высшие истины. По Филострату, Аполлоний происходил из знатной, уважаемой в своем городе семьи, сам с ранних лет отличался удивительной красотой и способностями, почитал богов, был привержен к философии, избрав пифагорейство. Став образованным философом, он много странствовал, посетил Индию и Эфиопию, где познакомился с учениями тамошних мудрецов — брахманов в Индии и гимнософистов в Эфиопии. Возвратившись в империю, он переходил из одного греческого города в другой, учил магистратов и народ, как следует жить в мире, согласии и справедливости, чтить богов и особенно солнце — видимый образ творца и движущей силы космоса, единого живого организма. Не будучи чародеем, но умея проникать в сущность всех вещей, в их взаимосвязь, он совершил много чудесного: например в одном городе изгнал демона чумы, в другом месте, будучи приглашенным на свадьбу, изобличил в невесте злого духа — эмпузу, которая намеревалась, оставшись наедине с новобрачным, выпить его кровь.

Несколько раз Аполлоний посетил Рим. С императором Веспасианом он был в дружеских отношениях и рассказывал ему, как наилучшим образом править государством. В правлении Нерона и Домициана, когда философы подвергались преследованиям и Аполлонию советовали бежать из Рима, он отвечал, что истинный философ не боится тирана, хотя тиран хуже любого дикого зверя. Но бог, давший тирану свойство внушать страх, дал ему способность не испытывать страха. Домициан заключил Аполлония в тюрьму, где тот утешал и поучал других узников и откуда написал Домициану письмо, обличая его поведе-

ние. Исчезнув чудесным образом из тюрьмы Домициана, Аполлоний помогал тем, кто боролся против императора, так как борьбу против тирана считал оправданной и справедливой. Находясь в Греции во время убийства Домициана, он, предугадав то, что должно было случиться, сообщил об этом народу. Некоторые, по словам Филострата, верили, что Аполлоний был взят живым на небо из храма Зевса на Крите и продолжал являться людям, свидетельствовать и учить о бессмертии души. В Тиане ему был посвящен храм. Император Аврелиан, по сообщению его биографа, взяв во время войны с Пальмирским царством Тиану, пощадил ее в память Аполлония.

Филострат был близок ко двору Юлии Домны, матери императора Каракаллы, правившего в начале III в. Не одобряя «тиранической» политики сына, она собрала вокруг себя представителей интеллигенции, также оппозиционных «тирании» в пределах дозволенного. По ходившим тогда слухам, роман Филострата был написан отчасти по ее заказу. Поэтому в нем много места уделено политике, завуалированным намекам на современность. Аполлоний выступает не только как мудрец, но и как противник Нерона и Домициана, советник Веспасиана и учитель полисов. Но все же главное в его образе — боговдохновенная мудрость, проникновение в тайны мироздания, позволявшие ему подняться над земным.

Уже совершенно явно этот новый идеал «положительного героя» нашел отражение в написанной Порфирием биографии Плотина. Плотин, судя по его сочинениям, в политику не вмешивался. Развивая учение Платона, он не уделил ни малейшего внимания столь занимавшей Платона проблеме наилучшего государственного и социального устройства. Лишь однажды, мимоходом он отрицательно отзывался о демократии, считая, что ей следует предпочесть «правление лучших», аристократию или монарха, если правитель хорош. И в биографии Порфирия Плотин выступает человеком, совершенно оторванным от бурных событий своего времени. Он жил скромно и замкнуто, окруженный вдовами и детьми, не имевшими средств к существованию, которым он посильно помогал. Всю жизнь он посвятил поиску божественных истин; слушал различных философов, был в Египте, где беседовал с жрецами; в надежде попасть в Индию и познакомиться с брахманами отправился в поход на Персию

с войском императора Гордиана, но Гордиан был убит и поход прерван. Он знал различные науки, но не развивал их, считая, что они не обогатят его тем знанием, которое он искал. Его мудрость давала ему силу противостоять колдовству и исключительное умение разбираться в людях. Так, он угадал, кто вор среди многих рабов, когда было украдено драгоценное ожерелье, предсказал судьбу воспитывавшимся у него детям. По своей духовной силе он стоял выше остальных людей. Когда один египетский жрец заклинаниями вызвал гения или демона Плотина, то вместо простого демона явился бог. А когда после смерти Плотина оракулу Аполлона в Дельфах был задан вопрос, где теперь его душа, Аполлон ответил, что покойный приобщен к божественному жребию, так как «развязал цепи необходимости, которой подчинен человеческий род», и его чистая душа пребывает у богов, вдали от всякого нечестия. Но и при жизни он «стремился ввысь от кровавого водоворота земной жизни, созерцал блаженных в полноте их света и смертными глазами видел то, что нелегко видеть ищущим мудрости»¹².

Таков был конечный итог эволюции античного «положительного героя»: от гражданина, без рассуждений, добровольно жертвовавшего всем ради величия родного города, через стоического философа, разумом познавшего правящую миром необходимость и подчинившегося ей, свободно выполняющего свой долг на благо целого, до боговдохновенного, чуждого земному мудреца, приобщившегося к стоящей за разумом первопричине всего сущего, которая дает ему силу вырваться из необходимости и подняться с земли в царство истинной, божественной свободы. Уже весьма заметное у стоиков перенесение реальных отношений в область моральных, духовных, достигло в этих сочинениях своего предела, ясно обнаружив свою непригодность в качестве руководства к практической жизни и деятельности.

Неоплатонизм был распространен лишь в узком кругу интеллигенции. Влияние гностицизма на более широкие круги, не склонные углубляться в изучение сложной структуры сверхчувственного мира, сказалось в основном в распространении магии и демонологии, в склонности к символическому толкованию старых мифов, как тайных учений об освобождении заключенной в человеке божественной искры от уз плоти и о судьбе души после смерти,

в аристократическом презрении «благородных» к «просто-народью».

«Простонародье» теперь часто отождествлялось с материальным, земным, а значит, нечестивым, греховным миром, «благородные» — как знающие, посвященные — с идеальным, небесным, призванным подчинять плотское. Так, например, стал толковаться древний миф о гигантомахии — победе небесных богов, олимпийцев над восставшими против их власти «сынами земли» гигантами. Императоров конца III—начала IV в., подавивших временно багаудов и других восставших крестьян, панегиристы сравнивали с Юпитером и Гераклом, разгромившими мятежных «сынов земли». В прирейнских и придунайских провинциях, где крестьянские движения были особенно сильны, среди землевладельцев распространился культ богов-всадников, олицетворявших господ, знать, попиравших змея или змееного гиганта, которые символизировали землю и «людей земли». Даже некогда всеми чтимые божества земли, и среди них Сильван, стали презрительно именоваться «чернью богов». Аристократическое презрение к огромному большинству трудящихся людей, индивидуализм, пессимистическое отношение к миру, которое не удалось преодолеть и Плотину, отвечали умонастроению уходящего в прошлое класса и связанной с ним интеллигенции.

Среди людей, более склонных к активной деятельности, в первую очередь среди военных, императорских чиновников, части плебса, гораздо большую популярность, чем религиозно-философские системы, приобрели различные восточные культы, пользовавшиеся, как уже упоминалось выше, особым покровительством императоров конца II—III в.¹³ Повсюду и прежде всего в самом Риме возникали общины почитателей Юпитера Долихена, солнечного бога сирийского города Долихе, Юпитера Гелиополитанского, пришедшего из названного в честь бога Солнца города Гелиополя в той же Сирии, и других. Эти боги имели своих жрецов, мистерии, празднества, предписания, которым должны были подчинять свою жизнь верующие. Особенно многочисленны были почитатели иранского бога Митры.

Иранский дуализм, исходивший из извечной борьбы добрых и злых богов, давал простой ответ на вопрос о происхождении в мире зла и столь же простые жизнен-

ные правила. Верховным божеством митраистов было бесконечное время, отождествлявшееся с греко-римским богом времени Кроносом-Сатурном и изображавшееся в виде человека с львиной головой. Обожествлены были и отдельные промежутки времени: Век — Айон, сезоны года. Митраисты почитали также (идентифицировавшие с греко-римскими богами) планеты, знаки Зодиака, землю, воздух, воду и особенно всеочищающий огонь.

Митра был добрым богом-посредником между небом и землей; верховными божествами и людьми. Он был рожден скалой и увидевшие его пастухи принесли ему в дар первые плоды. Митра вступил в поединок с Солнцем, но затем заключил с ним мир и союз и возложил на него лучистую корону. Центральным подвигом Митры была его битва с быком, созданным верховным богом. Убив быка, Митра сотворил из его мозга и крови полезные растения и животных, душа же быка под охраной собаки, помощницы Митры, вознеслась на небо и стала богом-хранителем стад. Злой бог Ариман, враг Митры, желая повредить людям, наслал на них засуху, но Митра стрелой выбил из скалы источник. Он спас людей от наводнения, затем от огня. Окончив свои труды, Митра после прощальной трапезы с Солнцем вернулся на небо, но и оттуда продолжал защищать верных, борясь с Ариманом как в космосе, так и в сердцах людей. В конце света Митра снова придет на землю, одержит окончательную победу над силами зла и очистит землю мировым пожаром. Задача его последователей — способствовать победе добра над злом, блюсти верность чистоте и добродетелям, в первую очередь справедливости и мужеству. После смерти душа посвященного в мистерии Митры должна была пройти планетные сферы, постепенно очищаясь от всего земного, и, достигнув под руководством Митры восьмой, высшей сферы, получить возможность наслаждаться там блаженством в кругу богов. Посвященные в мистерии проходили ряд ступеней: «воронов», «львов», «персов», «отцов» и др.

Культ Митры переплетался с другими солнечными культами и с культом малоазийской богини Кибелы, в честь которой совершались торжественные очистительные жертвоприношения быка и устраивались сопровождавшиеся красочными процессиями и обрядами празднества. Все эти новые религии не противопоставляли себя ни старым античным, ни императорскому культу. Напро-

тив, верующие одновременно призывали множество различных богов, в том числе и обожествленных императоров. В герметических трактатах говорилось о божественной природе правителей, занимавших свое место в иерархии небесных сил, о долге безоговорочно повиноваться им, так как их посылает на землю бог. Идеологический разброд в высших и средних слоях отражал лишь переживаемый ими кризис, а не реальный протест против существующего строя.

Такой протест зато все более созревал в низах, получив свое наиболее полное выражение в раннем христианстве. Этой новой фазе в истории религии, по словам Энгельса, «предстояло стать одним из революционнейших элементов в духовной истории человечества»¹⁴. Революционизирующее умы учение не явилось на пустом месте, а впитало в себя множество разнообразных идей и течений*. Но определило его судьбу не это, а то новое, что оно дало само, тот отличный от суммы отдельных элементов синтез, который наиболее полно удовлетворял запросам миллионов современников, а потому овладел их умами и душами. Образом Иисуса Христа, сына великого всемогущего бога, воплотившегося в сына плотника и принявшего рабскую казнь во искупление грехов человечества и ради его спасения, возникающее христианство ответило на потребность масс в положительном идеале. Оно ставило перед верующими какую-то новую цель, соединяя надежду на личное бессмертие с надеждой на всеобщее спасение и обновление в должествующем наступить «царствии божьем». Оно обосновывало идею братства людей, равных в грехе и искуплении, и санкционировало окончательный разрыв верующих с официальным миром.

Все официальные ценности последовательно отрицались ранним христианством. «Вечный Рим» становился царством сатаны, которое ждет неминуемая кара за его злодеяния и причиненные массам людей страдания. В противоположность «золотому веку» самое понятие «век» стало в христианстве синонимом зла, «люди сего века» — синонимом грешников. Решительно отрицалась и «мудрость века», т. е. культура классов с ее учением о доступ-

* История возникновения раннего христианства был посвящен ряд работ¹⁵, вышедших в последние годы, поэтому здесь этот вопрос не рассматривается.

ной лишь мудрому добродетели. Напротив, добродетель связывалась с доступными всякому рабу и труженнику простосердечием, милосердием, непосредственным чувством, чуждым ухищрениям разума. Не только культ богов, но и императорский культ отвергался христианами, а некоторые проповедники доказывали, что римские правители, начиная с братоубийцы Ромула, — злодеи и насильники, которым следовало бы запретить даже входить в храм, а не то чтобы им поклоняться. Любовь к людям, служение им противопоставлялись служению Риму, строившему свое величие на угнетении подчиненных. Из тех, кто в грядущем обретет спасение, исключались богатые и праздные, царствие божье могло стать достоянием лишь бедных, трудящихся, кротких, любящих ближнего.

Однако в раннем христианстве не было пассивного непротивления злу в том виде, в каком оно оказалось привнесенным в него позже. Призывая прощать обиды, не обращаться в суды, повиноваться властям и господам, оно лишь до логического конца доводило присущее народной идеологии периода империи стремление соединить неизбежную для раба и трудящегося бедняка жизнь в миру с максимальной от него отгороженностью. Прощая обидчику, воздавая «кесарю кесарево», исполняя свои мирские обязанности, раб и бедняк старались не дать власть имущим вмешаться в их жизнь, смутить их душу, их внутренний мир. Так они охраняли свою свободу, которая теперь в отличие от времен, когда свобода и гражданство были неразрывно связаны, могла быть достигнута лишь с преодолением деления людей на граждан и неграждан, рабов и свободных.

Отход масс от официального мира и его ценностей как раз в то время, когда идеологический фактор приобретал все большее значение, делал христианство революционным течением. Подрывая моральную опору империи — веру в ее необходимость и вечность, оно приближало ее крушение.

Зародившись в низах, христианство по мере ухудшения положения империи стало распространяться во всех слоях, привлекало все оппозиционные элементы. Прилив в христианские общины представителей средних и высших кругов, интеллигенции обусловил формирование крепнущей церковной организации во главе с епископами и подчиненным им клиром и усложнение христианского вероуче-

ния за счет приспособления к нему элементов античной философии. Все это приводило к яростной полемике между различными направлениями. В их взаимной борьбе во II—III вв. складывается первая христианская богословско-философская литература.

Формируется и христианское искусство. В ранней живописи и скульптуре катакомб, где христиане тайно собирались и хоронили своих покойников, было еще много от античного реализма, античных традиций. Широко использовалась символика, частично заимствованная из языческой символики простого народа, например изображение орудий труда, в первую очередь плотничьих инструментов (Иисус — сын плотника), растений, птиц, животных, символизирующих мир, чистоту, победу над злом, возрождение. К этому прибавлялись собственно христианские символы — рыбы, голуби, изображения на евангельские темы и изображение самого Христа, особенно в образе «Доброго пастыря» — юноши, несущего к своему стаду на плечах заблудшую овцу. Эти картины, рельефы, скульптуры, как и памятники народного искусства язычников, не отличались высоким мастерством исполнения, были во многом наивны, но им не были свойственны мрачная неподвижность и абстрактность позднеантичного искусства господствующих классов в той же мере, в какой народной идеологии являлись чуждыми их пассивность, пессимизм и особенно индивидуализм. Лишь впоследствии, когда христианство стало государственной религией, его искусство восприняло упадочные черты позднеантичного языческого искусства.

Правительство, первоначально не удостаивавшее христиан особым вниманием и лишь время от времени преследовавшее наиболее активных, начало принимать против них все более решительные меры. Нежелавших отречься казнили, ссылали в рудники, конфисковывали их имущество. На христиан, обвиняя их в противоестественных пороках, кровавых обрядах, ненависти к роду человеческому, натравливали сограждан, видя в этом средство дать выход накопившемуся недовольству. Против христиан стали выступать языческие писатели, называя их, как и народных киников, невежественными ремесленниками, критикуя несообразность их учения, грубость языка и скудость мысли¹⁶.

Некоторые руководители христианских общин пыта-

лись найти пути к примирению, обращались к императорам с трактатами, в которых доказывали, что христиане, хотя они и отказываются признавать императоров богами, являются самыми мирными и лояльными гражданами. Другие, напротив, обрушивались на языческих богов, философов, нравы и обычаи. Особенно непримиримо была настроена беднота, недовольная также усилением власти епископов в ущерб первоначальной демократии христианских общин. Часть христиан постоянно откалывалась от основных общин, образовывала свои секты, объявлявшиеся епископами еретическими.

Ярким памятником настроений одной из таких сект являются произведения поэта III в. Коммодиана. Написанные языком простого народа, к которому обращался автор, они предвещали близкое пришествие антихриста и борьбу с ним праведных. Под водительством самого бога, непобедимые, они будут идти по провинциям, разрушая римские города, и, наконец, разрушат Рим. У знатных и могущественных они отберут их богатства и тех из них, кто останется в живых, сделают рабами их бывших рабов. Наступит тысячелетнее царство мира и справедливости, а по истечении 1000 лет Христос снова придет на землю для страшного суда огнем. Нераскаявшиеся грешники будут ввергнуты в ад, праведные удостоятся вечного блаженства.

Сила ненависти простых христиан к угнетателям отразилась и в житиях мучеников, погибших за веру и пользовавшихся огромным уважением в народе. Ядром таких житий обычно была речь мученика, произнесенная на цирковой арене, куда его бросали на съедение львам. Обращаясь к присутствовавшему в цирке императору и его приближенным, он обличал их пороки и нечестье. Иногда в конце жития рассказывалось о том, что кто-то из представителей власти, ярый гонитель христиан, потрясенный речью, тут же признавал себя христианином и отправлялся на арену, чтобы погибнуть за веру. Так в литературе снова возрождался идеал активного стойкого борца, отличный и от молчаливых Тацита и от самоуглубленных созерцателей.

В начале IV в. император Константин, убедившись в том, что борьба с церковью бесполезна и что она может стать мощным союзником императорской власти, идеологическая опора которой была уже сильно расшатана, пре-

кратил гонения на христиан, созвал в Никее собор для выработки единого ортодоксального учения — «символа веры», а под конец жизни сам принял крещение. С этого времени христианство становится официальной религией империи, а борьба между различными направлениями внутри церкви не только не прекратившаяся, но напротив, чрезвычайно усилившаяся после Никейского собора, начинает определять идеологическую историю поздней империи. В центре внимания оказываются богословские проблемы, лежавшие в основе столкновений между различными сектами, ересями и господствующей церковью, за которыми скрывалась борьба за весьма реальные интересы различных социальных слоев и политических группировок. У «последних язычников» остается все меньше сторонников. Как и всегда, творческие силы устремляются в ту область, которая наиболее тесно связана с современной жизнью. С этого момента начинается новая эпоха истории мировой культуры.

Античная культура выродилась и наконец заглохла не потому, что ее погубило христианство, и не потому, что империя урезывала политическую свободу. Именно история раннего христианства показывает, что отсутствие политической свободы и репрессии не остановили идеологического движения, отвечавшего духовным запросам масс и ими самими созданного. Античная культура была сильна, пока была жизнеспособна породившая ее социально-экономическая система, пока ее функционированию и развитию способствовала лежавшая в ее основе система ценностей, отвечавшая реальным потребностям прогрессивных для своего времени классов, пока в эти ценности верили искренне и свободно. Она стала приходить в упадок и терять социальную базу по мере того, как рабовладельческая формация исчерпывала возможности прогресса, а ее основные классы стали классами, уходившими в прошлое. Тогда они утратили веру в будущее, цель и смысл жизни, утратили живую связь с современностью и ее запросами. Господствовавшая система ценностей стала приходить во все большее противоречие с действительностью, все меньше оставалось у нее убежденных приверженцев. Со всей силой начало сказываться действие государственного гнета, обреченных на неудачу попыток заставить насильно верить в то, во что уже не верили добровольно. Протест широких масс против идеологического нажима привел

к окончательному расколу старой системы ценностей и появлению новой, давшей новую цель, новый смысл жизни и деятельности, новую веру в прогресс и будущее, а следовательно, и новые возможности развития. Христианство, даже противопоставляя себя современной ему культуре, отталкивалось от нее и многое из нее заимствовало. Но впитанные им элементы античного мышления, включенные в отличавшуюся от античной систему миропонимания, созданную христианской культурой, получили иной смысл, иную функцию. Они не погибли, а оказались в «снятом», законсервированном состоянии, и со временем, когда христианская официальная система ценностей в свою очередь пришла в противоречие с требованиями жизни, они, по-новому понятые и интерпретированные, оплодотворили дальнейшее развитие европейской культуры.

Кризис античного мира и его культуры не был общим упадком тогдашнего мира. Не говоря уже о народах, не входивших в состав империи, победоносно с нею боровшихся и быстро развивавшихся, и в самой империи вырождалась лишь та культура, которая была непосредственно связана с античным укладом. Там, где его влияние было слабо, возрождались и развивались старые, временно оттесненные на задний план культуры. Оживлялись местные языки, появлялась литература на сирийском и коптском языках, развивались новые стили в изобразительном искусстве и архитектуре церквей, городских домов и укрепленных замков, составлявших центр владений провинциальных магнатов, предвосхищавшие архитектуру последующих эпох. Представители всех областей римского мира вносили больший или меньший вклад в формирование христианской философии, литературы, догматики, вырабатывая то повое мировоззрение, в рамках которого предстояло развиваться культуре в последующих столетиях, в эпоху новой феодальной формации.

Доживавшим свой век приверженцам традиций предков, древнего язычества как символа величия Рима, неоплатонизма, утонченной культуры элиты казалось, что мир рушится. Они не могли увидеть и оценить значения нового, идущего на смену утратившему жизнеспособность старому, и их оценка современности в значительной мере повлияла и на оценку этой эпохи последующими поколениями историков.

Что же можно сказать об основных причинах и специфических особенностях кризиса античной культуры?

Античные народы, начав с идеала государства, обеспечивающего существование политически равноправного, свободного, экономически независимого гражданина, активного участника экономической и политической жизни, создали империю, в которой экономическая независимость оказался утраченной, а граждане не могли уже ни контролировать, ни направлять своею деятельностью событий, так как по существу направлять их было некуда, цели в рамках данной системы исчезли. И это породило среди всех слоев населения то психологическое состояние «отчуждения», которое прежде было присуще лишь стоявшим вне гражданской общины рабам. Появилось чувство неудовлетворенности и бесперспективности, отражавшее смутный протест против исчерпавшей свои возможности и цели системы социально-экономических и политических отношений. В античной культуре этой эпохи отчетливо прослеживается смена утопий «антиутопиями», отрицание прогресса, утверждение теорий циклического движения общества, его неизменного возвращения к пройденным этапам, общее пессимистическое отношение к действительности, противопоставление ей себя и чувство несвободы, скованности окружающей действительностью неизбежно присущим ей злом. Все эти явления характерны для идеологии классов, уходящих в прошлое, когда созданная ими культура превращается в культуру элиты, становится чуждой широким трудящимся массам, когда жизнь с ее насущными актуальными запросами проходит мимо элиты.

В этом смысле античный материал дает богатые возможности и для изучения некоторых общих закономерностей истории культуры в ее взаимосвязи с историей породившего ее общества и для выявления специфики

в развитии данной культуры, обусловленной неповторимыми особенностями экономического базиса изучаемого общества.

Античная культура возникла как культура гражданской общины, являвшейся предпосылкой деятельности и самого бытия граждан. Поэтому в ней органически сочетались начала коллективное и частное, и до самого конца, несмотря на значительное развитие индивидуализма, общее и особенное никогда не разрывались. Сколь бы резко ни обличали позднеантичные философы и писатели пороки современного им общества, они никогда не выступали против общества как такового, против неизбежности и благодетельности тех или иных общественных связей, против долга индивида служить целому, как бы это целое ни понималось. Напротив, даже Плотин, как мы видели, учил, что страдания происходят от множественности и жажды общности и что только в целостности обретаются гармония и счастье.

Соответственно мы не найдем в античности и отрицания морали как таковой, как силы, связывающей те или иные общности, коллективы. Киники, отвергая все нормы общепринятой этики, не отрицали мораль вообще, а противопоставляли этим нормам свои. Ни один деятель античной культуры не создал, например, характерного для буржуазной культуры образа «сверхчеловека», единолично решающего, что есть добро, а что зло, стоящего «по ту сторону добра и зла» и провозглашающего тезис «все дозволено». И было это не потому, что античный мир не знал «сильных личностей», реально руководствовавшихся этим тезисом, и не потому, что никто там вообще не додумался до этой проблемы. Вопрос о том, допустимо ли преступление, если оно принесет выгоду и безусловно останется неизвестным и безнаказанным, ставился еще платоником II в. до н. э. Карнеадом, повторялся другими философами, и все отвечали на него отрицательно. «Сверхчеловек», видящий в других людях лишь средство для достижения своих целей, не мог стать героем в обществе, где коллектив, будь то город, империя, космос всегда мыслился как залог и гарантия бытия индивида. Все античные «положительные герои» своей доблестью или мудростью, делом, поучением или примером служили людям. Вместе с тем в античном мире с его в общем консервативным производственным базисом не мог родиться и об-

раз новатора в какой-либо области, непонятого большинством и потому противопоставляющего себя ему, так как, несмотря на объективный прогресс, субъективной целью в античном обществе было не беспрерывно рождающееся новое, а консервация старого, ориентация на «авторитет предков», воспроизводство коллектива в его традиционной форме, обеспечивавшего возможность материального и духовного производства своим сочленам.

Как мы видели выше, состояние «отчуждения» воспринималось как отчуждение не от общества, а от всеобщей космической гармонии, переносилось из области реальной в область моральную, духовную. Отсюда и понимание свободы как свободы чисто духовной, как свободного предпочтения добродетели пороку, свободного выполнения долга. Свобода как залог выполнения долга перед целым — гражданской общиной (по исконной древней формуле только гражданин может быть свободным) — в значительной мере оставалась в силе. Однако изменившиеся обстоятельства привели к новой редакции — только человек, свободно и добровольно исполняющий свой долг, может быть гражданином, если не реально существующего государства, то того великого сообщества богов, людей и всего сущего, которое стоит над всеми земными государствами, являющимися лишь его имитациями.

Но поскольку античная свобода была неразрывно связана с экономической независимостью, духовная свобода столь же неразрывно связывалась с идеалом независимости самоудовлетворяющейся, автаркичной личности, хотя и включенной в некое целое, от материальных благ и тех, кто ими распоряжается. По существу это был в своей основе исконный античный идеал общества независимых, самоудовлетворяющихся граждан-землевладельцев, связанных взаимопомощью, общими целями, совместным трудом на общую пользу, являющуюся одновременно и пользой для каждого отдельного сочлена коллектива. И хотя этот идеал был порожден особыми условиями античного полиса, возврат к которому в эпоху империи был невозможен, он играл свою положительную роль в крушении изжившей себя античной рабовладельческой формации.

Опередив во многих отношениях другие общества, начпнавшие путь своего развития с апалогичных психодных точек, античное общество зашло, по словам Ф. Энгельса,

в «безвыходный тупик»¹⁷ и выйти из него могло лишь вернувшись, если не целиком и полностью, то в ряде весьма существенных моментов, к исходным рубежам. Для дальнейшего движения общества вперед должно было быть в той или иной форме возрождено мелкое хозяйство, сочетавшееся с тем или иным типом общинных отношений, и преодолено напряжение, вызывавшееся не соответствующим возможностям производства развитием товарно-денежного хозяйства. В недрах самого античного общества не было сил, способных произвести революционное переустройство общества. Соответствующий процесс шел стихийно, не ставился как осознанная цель каких-либо социальных слоев, но в какой-то мере он находил отражение в вышеупомянутых идеологических течениях, сменявших разложившийся «римский миф». Особенно ярко они отразились в идеологии угнетенных классов. И именно их борьба с культурой и идеологией классов эксплуататорских в значительной мере определила конкретные особенности и специфику последнего этапа истории античной культуры.

Введение

- ¹ См. подробнее ст.: *Е. М. Штаерман*. Современная американская литература по истории Древнего Рима. — «Вестник древней истории» (далее ВДИ), 1949, № 4, стр. 201—210; *она же*. Цезарь и Циперон в современной буржуазной литературе. — ВДИ, 1950, № 3, стр. 152—160; *она же*. Древняя Галлия (обзор послевоенной буржуазной историографии). — ВДИ, 1951, № 1, стр. 209—215.
- ² См.: *Т. Моммзен*. История Рима, т. III. М., 1941.
- ³ Обзор литературы см. в кн.: *Н. А. Машкин*. Принципат Августа. М., 1949, стр. 338—376.
- ⁴ См., например, кн.: *И. М. Гревс*. Очерки из истории римского землевладения. СПб., 1899.
- ⁵ См.: *А. Валлон*. История рабства в античном мире. М., 1941.
- ⁶ См.: *Е. М. Штаерман*. Античность в современных западных историко-философских теориях. — ВДИ, 1967, № 3, стр. 3—24.
- ⁷ Критику циклических концепций см. в кн.: *Э. С. Маркарян*. Очерки теории культуры. Ереван, 1969.
- ⁸ См.: *К. Breysig*. Der Stufengang der Weltgeschichte. Berlin, 1956.
- ⁹ Итоги своему многолетнему труду с учетом мнений критиков и с некоторыми ис-

правлениями первоначальных положений *А. Тойнби* подводит в кн.: *А. Тойнби*. A Study of History, v. XII. Oxford, 1961.

- ¹⁰ См.: *А. Kroeber*. Style and Civilizations. N. Y., 1960.
- ¹¹ См.: *Ph. Bagby*. Culture and History. N. Y., 1958.
- ¹² См.: *C. Quigley*. The Evolution of Civilisations. N. Y., 1960.
- ¹³ См.: *L. Mumford*. The City in History. Its Origins, its Transformation and its Prospects. London, 1961.
- ¹⁴ См.: *J. Ortega y Gasset*. Una interpretacion de la Historia Universal en torno a Toynbee. Madrid, 1959; *он же*. Man and Crisis. N. Y., 1958.
- ¹⁵ См.: *F. Northrop*. Philosophical Anthropology and Practical Politics. N. Y., 1962.
- ¹⁶ См.: *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 19, стр. 120—121.
- ¹⁷ См.: *В. И. Ленин*. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 326.

Глава 1

- ¹ Проблема кризиса и упадка античного рабовладельческого общества и зарождения внутри него феодальных отношений, а также вопросы о хронологических рамках и особенностях этого процесса и отражении его в идеологии трактуются советскими историками по-разному (см., например, обзор литературы в статье *А. Л. Каца* «Проблемы падения Римской им-

- перин в советской историографии». — ВДИ, 1967, № 2, стр. 212—229). Здесь и в дальнейшем изложении материала автор придерживается той точки зрения, которую она выдвинула и обосновала в своих монографиях и статьях (см., например, кн.: *Е. М. Штаерман*. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957; *она же*. Мораль и религия угнетенных классов Римской империи. М., 1961; *она же*. Расцвет рабовладельческих отношений в римской республике. М., 1964; *она же*. Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи. М., 1974).
- ² *Корнелий Тацит*. Сочинения, т. I—II. Л., 1969, «История», т. 1.
 - ³ Об античной гражданской общине см.: *К. Маркс и Ф. Энгельс*. (Сочинения, т. 46, ч. I, стр. 461—508).
 - ⁴ *Actius Brutus*. Fragmenta, 18.
 - ⁵ См.: *Plinius*. Historia Naturalis, XXXV, 46, 3.
 - ⁶ См.: *Гай Светоний Транквилл*. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1964, Божественный Веспасиан, 18.
 - ⁷ Эта речь включена в сборник риторических упражнений Сенеки Старшего (*Seneca Senior*. Controversia, III, 21).
 - ⁸ См.: *Теренций*. Комедии. М.—Л., 1934, Девушка с Андроса, IV, 3.
 - ⁹ См.: *Е. М. Штаерман*. Расцвет рабовладельческих отношений в римской республике. М., 1964, стр. 160—197.
 - ¹⁰ О времени гражданских войн, падении республики и возникновении империи см. кн.: *Н. А. Машкин*. Принципат Августа. М.—Л., 1949; *С. Л. Утченко*. Кризис и па-
 - дение римской республики. М., 1965; *он же*. Древний Рим. События. Люди. Идеи. М., 1969.
 - ¹¹ См.: *Петроний Арбитр*. Сатирикон. М.—Л., 1924, гл. 57.
 - ¹² *Гай Светоний Транквилл*. Указ. соч., Тиберий, 32.
 - ¹³ См.: *Лукиан*. Собрание сочинений. т. I—II. М.—Л., 1935, см. т. II, стр. 597—630 («О философах, состоящих на жалованье»).
 - ¹⁴ См.: *Ювенал Децим Юний*. Сатиры. М.—Л., 1937, III, 60—130.
 - ¹⁵ См.: *Е. М. Штаерман*. Мораль и религия угнетенных классов римской империи, стр. 79—105.
 - ¹⁶ *Гален Клавдий*. Увещание к изучению искусств, 2.
 - ¹⁷ См.: *Лукиан*. Сновидение или жизнь Лукиана. Указ. соч., т. I, стр. 64—72.
 - ¹⁸ См.: там же, стр. 68.
 - ¹⁹ См.: *Сенека Анней*. Избранные письма к Луцилию. СПб., 1894, письмо 91.
 - ²⁰ См.: *Дион Хрисостом*. Эвбейская речь или охотник, § 114. — В кн. «Поздняя греческая проза». М., 1960.
 - ²¹ *А. Г. Бокцианин*. Социальный кризис Римской империи в I в. н. э. М., 1954.
 - ²² *Корнелий Тацит*. Указ. соч., т. II. История, IV, 73—74.

Глава 2

- ¹ См.: *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания в трех томах, т. 1. М., 1961—1964, Марк Катон.
- ² См.: «История философии», т. 1. М., 1957, стр. 140—164.
- ³ См.: *Полибий*. Всеобщая история в сорока книгах, т. I—III. М., 1890—1899.
- ⁴ См.: там же, т. II, кн. VI, 4—9.
- ⁵ «Капитал» Маркса. Философия и современность». М., 1968, стр. 467—471.

- ⁶ См.: Цицерон. Риторические сочинения. М., 1972 («Об ораторе»).
 - ⁷ См.: Марк Витрувий Поллион. Об архитектуре. Л., 1936, кн. I, гл. 1.
 - ⁸ См.: Варрон. Сельское хозяйство. М.—Л., 1963, кн. 1.
 - ⁹ См.: Лукреций. О природе вещей, т. I—II. М.—Л., 1947.
 - ¹⁰ См.: Цицерон. Диалоги (о государстве, о законах). М., 1966; он же. Об обязанностях. М., 1900; он же. Тускуланские беседы. Киев, 1889.
 - ¹¹ См.: Сисеро. De officiis, I, 42.
 - ¹² См.: С. Л. Утченко. Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения республики. М., 1952, стр. 142 сл.
 - ¹³ См.: Саллюстий. Заговор Катилины. Югуртинская война. М., 1916; он же. Письма к Цезарю-Старцу о государственных делах. — ВДИ, 1950, № 1; он же. Фрагменты «Истории». — ВДИ, 1950, № 1.
 - ¹⁴ См.: Публий Вергилий Марон. Буколики. Георгики. Энеида. М., 1971.
 - ¹⁵ См.: Кв. Гораций Флакк. Полное собрание сочинений. М.—Л., 1936, Эпод XVI.
 - ¹⁶ См.: Катулл Валерий. Стихотворения. В кн. «Катулл, Тибулл, Проперций». М., 1963.
 - ¹⁷ См.: Марк Туллий Цицерон. Речи. М., 1962.
- Глава 3
- ¹ «Институции императора Юстиниана», I, 2, 6. СПб., 1888.
 - ² См.: М. Vellei Paterculi. Ex historiae Romanae, II, 426, 2.
 - ³ См.: Ливий Тит. Римская история от основания города, т. I—VI. М., 1892—1899.
 - ⁴ См.: Публий Вергилий Марон. Буколики. Георгики. Энеида. М., 1971.
 - ⁵ См.: П. Овидий Назон. Метаморфозы. М.—Л., 1937; он же. Любовные элегии. М., 1963; он же. Скорби. М., 1883; он же. Героини. СПб., 1912.
 - ⁶ См.: Тибулл Альбий. Элегии. — В кн. «Катулл, Тибулл, Проперций». М., 1963.
 - ⁷ См.: Проперций Секст. Элегии. — В кн. «Катулл, Тибулл, Проперций». М., 1963.
 - ⁸ Литературу вопроса см. в ст.: Е. М. Штаерман. Эволюция идеи свободы в Риме. — ВДИ, 1972, № 4.
 - ⁹ См.: Seneca. De clementia, I, 2—7.
 - ¹⁰ См.: Корнелий Тацит. Указ. соч., т. II. История, IV, 74.
 - ¹¹ См.: Плиний Младший. Письма. М.—Л., 1950. О правлении Домициана см. «Панегирик Траяну», включенный в это издание, в котором проводится сопоставление «тирана» Домициана с Траяном как идеалом хорошего правителя.
 - ¹² См.: Марк Анней Лукан. Фарсалия, или Поэма о гражданской войне. М.—Л., 1951.
 - ¹³ См.: Э. Д. Гримм. Исследования по истории развития римской императорской власти, т. I—II. СПб., 1900—1901. В работе приведены различные точки зрения на идеал главы государства.
 - ¹⁴ См.: Epicteti. Dissertationes, I, 29, 53—54.
 - ¹⁵ Аппиан. Гражданские войны, кн. II. Л., 1935, 72—73.
 - ¹⁶ Корнелий Тацит. Указ. соч., т. II. История, IV, 73.
 - ¹⁷ См.: «О возвышенном». М.—Л., 1966. Трактат ошибочно приписывался философу III в. Лонгину. На самом деле он написан неизвестным автором I в.
 - ¹⁸ См.: Seneca. De Tranquillitate animi, 3.
 - ¹⁹ Dio Cassius, LXVIII, 46, 1.
 - ²⁰ Корнелий Тацит. Указ. соч., т. I. Жизнеописание Юлия Агриколы, 30.

- 21 К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 30, стр. 125—126.
- 22 Федр, Бабрий. М., 1962, I, 15.
- 23 См.: Сенека Анней. Избранные письма к Луцилию, письмо 47, а также трактаты «De beneficiis», «De ira».
- 24 См.: Эпиктет. В чем наше благо? Избранные мысли. М., 1904.
- 25 Epicteti. Dissertationes, I, 2, 21—22.
- 26 См.: Марк Валерий Марциал. Эпиграммы. М., 1968.
- 27 См.: Dio Chrysostomus. Orationes, VI, 38—58; XII, 27—37; XXX, 28—44.
- 28 См.: Ювенал Децим Юний. Сатиры. М.—Л., 1937.
- 29 См.: «Античный роман». Отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек. М., 1969.
- 30 См.: Апулей. Апология. Метаморфозы. Флориды. М., 1956. См. также в кн.: Ахилл Татий. Левкиппа и Клитофонт; Лонг. Дафнис и Хлоя; Петроний. Сатирикон; Апулей. Метаморфозы, или Золотой осел. М., 1969.
- 31 Кроме названных выше романов Ахилла Татия и Лонга см.: Гелиодор. Эфиопика. М.—Л., 1932; Харитон. Повесть о любви Херея и Каллирон. М.—Л., 1954; Ксенофонт Эфесский. Повесть о Габракоме и Антии. М., 1956.
- 32 См.: Dio Cassius, LXXVII, 10, 5.
- 33 См.: Катон, Варрон, Колумелла, Плиний. О сельском хозяйстве. М., 1957; В. И. Кузищин. Очерки по истории земледелия Италии. II в. до н. э.—I в. н. э. М., 1966; М. Е. Сергеевко. Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. М.—Л., 1958.
- 34 См.: И. Б. Новицкий. Основы римского гражданского права. М., 1956.
- 35 См.: Элиан. Пестрые рассказы. М., 1963.
- 36 См.: Страбон. География в 17 книгах. Л., 1964.
- 37 См.: «Греческая эпиграмма». М.—Л., 1960, стр. 318.
- 38 «Antologia graeca», IV, 207—208; Appendix, 39.
- 39 См.: Е. М. Штаерман. Мораль и религия угнетенных классов Римской империи. М., 1961.
- 40 См.: Quintilianus. Declamationes, 283.

Глава 4

- 1 См.: Е. М. Штаерман. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957; см. там же литературу вопроса, стр. 3—23.
- 2 См.: В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 25, стр. 266—267.
- 3 См.: Аврелий Антонин. Надежде с собой. Размышления. М., 1914.
- 4 См.: Секст Эмпирик. Три книги Пирроновых положений. СПб., 1913.
- 5 Hermetica, XI, см. в кн.: W. Scott, Hermetica, v. I—II. Oxford, 1924—1925.
- 6 Porphyrius. Vita Plotini, 9.
- 7 См.: Плотин. Эннеада I, кн. 6. О прекрасном. — В кн. «Античные мыслители об искусстве». М., 1938.
- 8 См.: А. И. Воицинина. Очерк истории древнеримского искусства. Л., 1947; В. Д. Блаватский. Архитектура Древнего Рима. М., 1938.
- 9 См.: А. С. Стрелков. Фаюмский портрет. Исследование и описания памятников. М., 1936.
- 10 См.: «Памятники позднеантичной научно-художественной литературы II—V веков». М., 1964.

- ¹¹ См.: *Филострат. Жизнеописание Аполлония Тианского*. — В кн. «Поздняя греческая проза». М., 1960.
- ¹² *Porphyrius. Vita Plotini*, 27.
- ¹³ См.: *Н. А. Кун. Предшественники христианства (Восточные культы в Римской империи)*. М., 1922.
- ¹⁴ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения*, т. 22, стр. 478; см. также: *Ф. Энгельс. К истории первоначального христианства (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 22, стр. 465—492)*; *Ф. Энгельс. Бруно Бауэр и первоначальное христианство (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 19, стр. 306—314)*.
- ¹⁵ См.: *С. И. Ковалев. Основные вопросы происхождения христианства*. М.—Л., 1964; *И. С. Свенцицкая. Запрещенные евангелия*. М., 1965; *А. П. Каждан. От Христа к Константину*. М., 1965; *Я. А. Ленцман. Сравнивая евангелия*. М., 1967; *Н. И. Голубцова. У истоков христианской церкви*. М., 1967.
- ¹⁶ См.: *А. Б. Ранович. Античные критики христианства*. М., 1935.
- ¹⁷ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения*, т. 21, стр. 149.

Введение. Античность и современность	3
Глава 1. Творцы и носители античной культуры	9
Глава 2. Основные особенности римской культуры	44
Глава 3. Канун кризиса и его первые симптомы	75
Глава 4. Кризис	134
Заключение	174
Примечания	178